

**ЗОВ
СТРАНСТВИЙ**

ЛУРУЛУ

ДЖЕК ВЭНС

Джек Вэнс

Зов странствий. Лурулу

«Издательские решения»

Вэнс Д.

Зов странствий. Лурулу / Д. Вэнс — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-508891-8

Экстравагантная двоюродная бабка Мирона Тэйни отправилась в межзвездные просторы на поиски клиники, обещавшей вернуть ей молодость. В приступе раздражения богатая старуха бросила Мирона на далекой планете, где ему удалось устроиться на должность суперкарго звездолета «Гликка». Джек Вэнс рассказывает колоритную историю, полную зловещих и счастливых встреч, юмора, прозорливых наблюдений и страстного желания увидеть невиданное — зова странствий, делающего нас молодыми до конца наших дней.

ISBN 978-5-00-508891-8

© Вэнс Д.

© Издательские решения

Содержание

ЗОВ СТРАНСТВИЙ	6
Предисловие	6
Глава 1	7
1	7
2	9
3	13
4	18
5	20
6	21
7	24
8	27
Глава 2	31
1	31
2	34
3	40
Глава 3	43
1	43
2	50
Глава 4	60
1	60
2	68
3	71
4	77
Глава 5	80
1	80
Конец ознакомительного фрагмента.	84

Зов странствий. Лурулу

Джек Вэнс

Переводчик Александр Фет

Дизайнер обложки Yvonne Less

© Джек Вэнс, 2019

© Александр Фет, перевод, 2019

© Yvonne Less, дизайн обложки, 2019

ISBN 978-5-0050-8891-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ЗОВ СТРАНСТВИЙ

Предисловие

В эпоху первой ойкуменической экспансии, когда каждый молодой искатель приключений мечтал стать космическим разведчиком, были открыты, исследованы и заявлены тысячи далеких миров. Самые гостеприимные из этих планет привлекали иммигрантов – казавшуюся бесконечной череду сект, фракций, обществ, культов и просто групп свободомыслящих людей, отважившихся испытать судьбу первопроходцев и жить по-своему в собственном мире. Порой они выживали и даже процветали, но чаще торжествовали чуждые человеку условия: колонии приходили в запустение, а их обитатели переселялись в другие места, порой оставляя за собой странные небольшие популяции настойчивых потомков, тем или иным способом умудрившихся приспособиться к окружающей среде. Некоторые из таких миров, редко посещаемых и, как правило, ускользавших от внимания общественности, послужили материалом для альманаха «Затерянные миры и забытые народы» Тома Хартманна, не дающего покоя никому, кто его прочел.

Философы Ойкумены признавали, что населенные миры подчиняются определенным закономерностям социальной эволюции, каковые можно классифицировать, подразделив их на несколько систем – изоляционистских и коллективистских, центробежных и центростремительных, гомогенизирующих и дифференцирующих.

В отсутствие централизованного правительства правопорядок поддерживала МСБР – Межпланетная служба безопасности и расследований – ассоциация, посвятившая себя обеспечению законности и подавлению преступности и выполнявшая, с внушающей почтение эффективностью, сопутствующие функции преследования и наказания преступников, космических пиратов и разношерстных социопатов. В конечном счете МСБР фактически превратилась в административный орган власти, координирующий взаимодействие глобальных и региональных правительств Ойкумены и повсеместно внушающий представление об общечеловеческих нормах и ограничениях.

Примечание: ойкуменическая валютная единица, сольдо, примерно соответствует стоимости одного часа неквалифицированного труда (десяти американским долларам в начале двадцать первого века).

Глава 1

1

В детстве Мирон Тэйни бредил легендами о космических исследованиях. Он странствовал в воображении по далеким закоулкам Ойкумены, трепетно сопереживая приключениям звездных старателей и разведчиков-заявителей, пиратов, охотников за рабами и отважных агентов МСБР.

Вопреки его фантазиям, обстановка в буколическом поселке Лиллинг на отрадной планете Вермейзен, где он родился и вырос, буквально убаюкивала непринужденной безмятежностью бытия. Вопреки дерзновенным мечтам Мирона, родители настойчиво напоминали ему о прозаических требованиях действительности. «Если ты хочешь стать финансовым экспертом, таким, как твой отец, для тебя важнее всего образование, – говорили ему. – Когда закончишь Институт и получишь диплом, у тебя будет время немного расправить крылья, если можно так выразиться, перед тем, как ты займешь свою должность на Бирже».

Будучи покладист и прилежен от природы, Мирон заставил себя на какое-то время забыть об опьяняющих грезах и поступил в Колледж конкретных совершенств при Институте Варли в Саалу-Сейне, на другом краю континента. Родители, прекрасно понимавшие предрасположенность Мирона к беспечному времяпровождению, сопровождали сына строгими напутствиями. Ему надлежало сосредоточить все внимание на учебе. Академические успехи имели огромное значение для дальнейшей карьеры молодого человека.

Мирон обязался делать все от него зависящее, но, когда настало время выбрать расписание занятий, оказался в западне нерешительности. Несмотря на лучшие намерения, он никак не мог избавиться от картин, представлявших его внутреннему взору: роскошные пассажирские звездолеты величественно плыли в бесконечном пространстве, инопланетные города полнились незнакомыми ароматами, в старинных тавернах, открытых теплым ветрам, смуглые девушки в пурпурных юбках подавали пенистый пунш в кувшинах из резного дерева...

В конце концов Мирон составил план обучения, по его мнению отражавший своего рода компромисс: в него входили курсы статистической математики, анализа экономических закономерностей Ойкумены, общей космологии, ознакомления с основными принципами конструкции космических двигателей и ойкуменической антропологии. Мирон заверил родителей в том, что эта программа, изобретательно названная им «анализом экономических производных», служила надежной основой для достаточного общего образования. Родители не были убеждены его сообщениями. Они знали, что за благопристойными, хотя и несколько рассеянными манерами их отпрыска скрывалась наклонность к нерациональному упрямству, преодолеть которое не могли никакие доводы. Но они больше ничего не могли сказать – Мирону предстояло самому убедиться в ошибочности его представлений.

Мирон не мог с легкой душой избавиться от опасений, навеянных прогнозами отца. Это заставило его наброситься на занятия с небывалой энергией, и в свое время он закончил Институт, получив почетный диплом.

Отец придерживался того мнения, что, невзирая на странные увлечения и необычный выбор образовательных дисциплин, квалификация Мирона все еще позволяла ему делать карьеру на Бирже, занимая для начала какую-нибудь скромную должность. К тому времени, однако, предусмотренный распорядок жизни Мирона был нарушен неожиданным вмешательством. Вмешалась в него двоюродная бабка Мирона, леди Эстер Ладжой, унаследовавшая огромное состояние первого мужа. Леди Эстер содержала роскошное поместье, окружавшее усадьбу Сарбитер в Дингл-Тэррассе, на южной окраине Саалу-Сейна. Когда Мирон учился

на последнем курсе Института Варли, леди Эстер заметила, что внук ее сестры перестал быть тощим подростком с рассеянно-мечтательным – «телячьим», по выражению леди Эстер – выражением лица, но превратился во все еще худощавого, однако пропорционально сложенного юношу приятной наружности, с гладкими светлыми волосами и глазами цвета морской лазури. Леди Эстер нравилось, когда ее окружали молодые люди приятной наружности: она считала, что они создавали нечто вроде орнаментальной оправы, выгодно оттенявшей блистательные достоинства ее драгоценной персоны. Так или иначе, пока он готовился к выпускным экзаменам, Мирон проживал в усадьбе Сарбитер в обществе двоюродной бабки, что, как оказалось впоследствии, позволило ему приобрести поучительный опыт. Мирону не позволялось называть хозяйку поместья «бабушкой» или даже «тетушкой Эстер». Она предпочитала обращение «дорогая леди Эстер» или, если это не слишком смущало молодого человека, ее шутовское девичье прозвище «Шутцель».

Леди Эстер не соответствовала общепринятым в Ойкумене представлениям о женском поведении. Высокая и костлявая, она настаивала на том, чтобы окружающие восхищались ее стройностью. Она ходила размашистыми шагами, выставив голову вперед подобно цапле, разыскивающей рыбу. Артистически растрепанная лавина волос цвета красного дерева обрамляла ее продолговатое бледное лицо со впалыми щеками. Черные глаза леди Эстер были окружены, подобно глазам попугая, множеством складок и морщинок, а ее длинный горбатый нос заканчивался заметным крючком. Лицо ее мгновенно запоминалось и поражало собеседника: рот непрерывно кривился и гримасничал, пристальные птичьи глазки часто моргали, выражение то и дело менялось под натиском эмоций. Леди Эстер прославилась бурными вспышками темперамента, капризами, причудами и странностями. Однажды, когда в саду ее усадьбы собрались многочисленные гости, некий господин наивно предложил ей написать мемуары. Лихорадочная ярость ее реакции заставила его испуганно отшатнуться: «Смехотворно! Нелепо! Непристойно! Тошнотворная идея! Почему бы я стала писать мемуары сейчас, когда я только начала жить!»

Гость поклонился: «Сожалею о допущенной ошибке – она никогда не повторится!»

Через час тот же господин достаточно оправился и собрался с духом, чтобы поведать об этом происшествии своему приятелю – тот, как оказалось, в свое время также навлек на себя гнев леди Эстер. Опасливо поглядывая через плечо, приятель пробормотал: «Подозреваю, что эта женщина заключила сделку с дьяволом!»

«Хуже! – возразил недавний потерпевший. – Она сама – олицетворение дьявола!»

«Гм! – задумался приятель. – Пожалуй, ты прав. В таком случае постараемся ее больше не раздражать».

«Невозможно! Ее раздражает все, что она слышит!»

«Что ж, этот вопрос полезно обсудить за стаканчиком-другим ее превосходного виски!»

Что правда, то правда – леди Эстер не всегда умела вести себя сдержанно и благоразумно. Она воображала себя очаровательным созданием, возбуждающим сладострастные порывы и не подвластным разрушительному влиянию времени. Невозможно отрицать тот факт, что Эстер Ладжой представляла собой великолепное зрелище, энергично вращаясь в высших кругах в самых изумительных нарядах красновато-лиловой, сливовой, лимонно-зеленой, киноварной и черной расцветки.

Незадолго до переселения Мирона в ее усадьбу леди Эстер обвинила Гоуэра Хэчки, состоятельного члена Общества гильоширов, в клевете, порочащей ее репутацию. Суд вынес решение в ее пользу, и леди Эстер получила, в качестве возмещения ущерба, космическую яхту «Глодвин».

Первоначально она рассматривала яхту всего лишь как доказательство того, что любой, кто осмеливался называть ее «старым лысым огородным пугалом в красном парике», должен был дорого заплатить за такую привилегию. Она не проявляла никакого интереса к звездолету

и, вместо того, чтобы пригласить знакомых отправиться вместе с ней в увеселительное путешествие, запретила им появляться на борту своей яхты. «Невероятно! – с язвительной усмешкой заметила она Мирону. – Откуда ни возьмись, у меня завелись десятки новых закадычных друзей, брызжащих энергией и сверкающих глазами. Все они заявляют, что, каковы бы ни были связанные с этим неудобства, они никогда не откажутся от участия в длительном космическом плавании за мой счет».

«Я тоже не отказался бы! – завистливо отозвался Мирон. – Это волнующая воображение перспектива».

Леди Эстер пропустила его слова мимо ушей: «Они тут же теряют интерес к времяпровождению в моем обществе, как только понимают, что я не планирую никаких космических полетов».

Мирон отказывался верить своим ушам: «Никаких – никогда?»

«Конечно, нет! – отрезала леди Эстер. – Стремление нестись куда-то сломя голову в безвоздушном пространстве абсурдно, неестественно! У меня, например, нет ни времени, ни желания проводить время зря, сидя в кувыркающемся жестяном гробу и глядя в непроглядный мрак. Все это сплошное безумие, умерщвляющее дух и тело. Пожалуй, мне придется продать это судно».

Мирону нечего было сказать.

Моргая птичьими глазками, леди Эстер пристально наблюдала за ним: «Твое замешательство очевидно – ты считаешь, что я боязлива и придерживаюсь старомодных воззрений. Заблуждаешься! Плевать я хотела на условности и традиции. И почему, как ты думаешь? Потому что тот, кто молод духом, никогда не стареет! Можешь считать меня сумасбродной фантазеркой – что с того? Такова цена, которую приходится платить, чтобы сохранять бодрость юности, и в этом секрет моей неувядающей красоты!»

«Да-да, разумеется», – поспешил согласиться Мирон, но тут же задумчиво прибавил: «И все же, жаль было бы расстаться с такой замечательной яхтой».

Последнее замечание вызвало у леди Эстер приступ раздражения: «Мирон, смотри на вещи с практической точки зрения! С какой стати я стала бы слоняться среди звезд, подыхая от скуки, или бродить по грязным глухим закоулкам, зажимая нос и рискуя вдохнуть какую-нибудь заразу? У меня не хватает времени даже на то, что я делаю здесь, у себя дома. Уже сейчас, сию минуту, мне нужно разослать дюжину приглашений людям, которых невозможно игнорировать. Я пользуюсь повсеместным и постоянным спросом! Скоро начнется очередной „Карнавал черномазых пучеглазов“, а я в составе организационного комитета. Если бы я могла куда-то улететь, я провела бы недельку на горном курорте в Лальчионе. Свежий воздух успокаивает нервы, как целебный бальзам. Ты должен понимать, что я непрерывно нахожусь в движении, в поиске новых впечатлений!»

«В этом не может быть никаких сомнений», – кивнул Мирон.

2

Однажды утром леди Эстер обнаружила, что ей было положительно нечем заняться, и, подчинившись внезапному капризу, решила произвести осмотр своей космической яхты. Она вызвала Мирона, они полетели в космопорт в ее большом черном аэролимузине и приземлились на стоянке звездолетов. На полпути вдоль длинной вереницы разномастных космических кораблей они нашли «Глодвин» – яхту умеренных размеров, покрытую золотистой и зеленой эмалью, с обводами и выпуклыми приливами датчиков, выделенными красновато-фиолетовой краской. Блестящие наружные поверхности судна, очевидная прочность его компактной конструкции и неожиданно роскошный внутренний декор произвели на леди Эстер благоприятное впечатление. «Красивая посудина! – сообщила она Мирону. – Достаточно просторный салон.

Оборудование, судя по всему, в хорошем состоянии. Не могу пожаловаться на меблировку и отделку: затейливо, но со вкусом. Честно говоря, я ожидала, что яхта такого беспардонного мерзавца, как Гоуэр Хэчки, окажется обшарпанной развалюхой. Его замечания по поводу моей внешности поистине выходили за рамки дозволенного!»

Мирон задумчиво кивнул: «Когда-нибудь я прикину, во что ему обошлось его высказывание, в расчете на каждый слог. Надо полагать, сумма окажется астрономической. В конце концов, произнесенный слог сам по себе ничего не значит. Если бы Хэчки разделил свое замечание на отдельные слоги и зачитал их в суде по одному справа налево, судья не усмотрел бы в этих звуках никакого правонарушения, и обвиняемый отделался бы строгим предупреждением».

Леди Эстер начинала нервничать: «Этот вопрос не заслуживает дальнейшего обсуждения. У тебя в голове копошатся самые нелепые мысли. Пойдем, пора возвращаться. Я посоветуюсь с Донси по поводу яхты. Он разбирается в таких вещах».

Мирон придержал язык за зубами.

Донси Труз, франтоватый здоровяк с грубовато-добродушными манерами, частенько навещал усадьбу Сарбитер; у него были жесткие усики «щеточкой» и коротко подстриженные «по-военному» волосы коричневато-песчаного оттенка. Мирон не мог судить о том, насколько интимными были отношения Труза и леди Эстер, но в последнее время Донси явно занял место ее главного фаворита. Мирон вынужден был наблюдать – с циничным неодобрением – как его престарелая родственница, зачарованная галантным обхождением Донси, ворковала и жеманила подобно влюбленной школьнице.

Через несколько дней после посещения космопорта леди Эстер позволила себе заметить, между прочим, что в один прекрасный день, когда расписание ее общественных обязанностей станет не столь обременительным, она могла бы рассмотреть возможность непродолжительного космического круиза на яхте «Глодвин» – в частности, не отказалась бы навестить соседнюю планету Дерард, где, судя по отзывам, периодически устраивали веселые пасторальные празднества, сопровождавшиеся буйными деревенскими плясками и пиршествами под открытым небом; там диких кабанов жарили целиком на вертеле над ямами, заполненными пылающими углями, а на каждом столе выставляли бочонок вина с шестью кранами. Мирон всецело поддержал этот проект, но леди Эстер не обратила особого внимания на его энтузиазм: «Да-да, Мирон, я прекрасно понимаю, что тебе бы это понравилось – ты у нас в душе неисправимый скиталец! Но это неудивительно! За мной и так уже волочится целая свита новых поклонников. Каждый из них при любом упоминании о „Глодвине“ заявляет, что он – прирожденный космический волк, до мозга костей пропитанный страстью к приключениям. Все они только и ждут, что их пригласят роскошно проводить время на борту „Глодвина“! Но я заверила всех и каждого, что, даже если отправлюсь в космос, то не потерплю на своей яхте никаких распущенных бездельников!»

«И вы совершенно правы! – откликнулся Мирон. – Но я не распущенный бездельник, моя квалификация говорит сама за себя – в колледже, как вам известно, я закончил курс космологии».

«Пш! – леди Эстер презрительно прищелкнула пальцами. – Все эти лекции и бумагомастерство не имеют никакого практического приложения».

«Неправда! – возмутился Мирон. – Я изучил космическую динамику во всех фазах, ойкуменическую экономику и математические принципы гиперпространственного передвижения. Я прочел от корки до корки „Путеводитель по планетам“ и „Галактическую космографию“. Короче говоря, я не какой-нибудь дилетант! И мне не терпится найти полезное применение своим знаниям».

«Похвальное стремление, – сказала леди Эстер. – Возможно, когда-нибудь у тебя появится такая возможность». Она прибавила, словно вспомнив о чем-то несущественном:

«Кстати, раз уж ты так усердно занимался космографией, что тебе известно о планете под наименованием „Кодайра“?»

«Кодайра? Что-то не припомню. По сути дела, никогда о ней не слышал».

«И чего после этого стóит все твое дорогостоящее образование?» – фыркнула леди Эстер.

«Известны тысячи планет, населенных и не населенных – не могу же я помнить обо всех! И даже если бы мог, то не стал бы этим заниматься, потому что с каждым годом исследованных миров становится все больше. Именно поэтому „Путеводитель по планетам“ постоянно переиздают». Мирон направился к стеллажу, взял сравнительно недавно выпущенный стандартный справочник и просмотрел алфавитный указатель: «Кодайра здесь не значится».

«Странно!»

Мирон пожал плечами: «Иногда одна и та же планета называется по-разному, и не все ее названия перечислены в путеводителе. Почему вас так интересует этот мир?»

Леди Эстер постучала пальцем по странице раскрытой перед ней статьи: «Этот журнал редактируется и публикуется здесь, в Саалу-Сейне. Он пользуется популярностью в высших интеллектуальных кругах и считается престижным. Это последний выпуск. Я только что прочла пару статей, посвященных важному вопросу. Статьи эти не одинаковы по содержательности – первая довольно-таки легкомысленна. Вторая опубликована кем-то под псевдонимом, и она гораздо интереснее первой, хотя обе вызывают любопытство и заставляют задуматься».

Леди Эстер подняла журнал; Мирон заметил на обложке название: «Инновационное оздоровление».

«В первой статье, – продолжала леди Эстер, – под заголовком „Источники молодости: факт или вымысел?“, автор обсуждает важную проблему – к сожалению, в поверхностном сенсационном стиле. Проблема заключается в омоложении и восстановлении тканей организма, что непосредственно касается всех и каждого».

«Разумеется, – кивнул Мирон. – И что же вам удалось узнать?»

Леди Эстер опустила глаза к журналу: «Полезных сведений здесь мало; кроме того, их понимание затрудняется неуместными попытками автора подшучивать. Прежде всего излагается сводка исторической информации, после чего автор обсуждает методы, применяемые знахарями и шаманами, маниакальные синдромы религиозных фанатиков, а также, разумеется, надувательства целителей-шарлатанов. Он шаловливо заканчивает статью анекдотом о „Товариществе вечной надежды“. По его словам, процедуры, предлагаемые этой организацией, настолько продолжительны и дóроги, что многие пациенты умирают от старости прежде, чем успевают омолодиться. Прискорбный факт – опять же, не заслуживающий быть мишенью для упражнений в остроумии».

«Как насчет второй статьи?»

«Она отличается от первой как стилем, так и содержанием – и, несомненно, позволяет сделать более существенные выводы. Жаль, что конкретные подробности в ней тщательно замаскированы. Автор, пишущий под псевдонимом «Серена», судя по всему – женщина, живущая где-то неподалеку. По ее словам, на далекой планете Кодайре проводятся передовые исследования исключительно терапевтического характера. Цель исследований заключается в устранении или обращении последствий старения – там не балуются генетическим редактированием. Предисловие редактора вдохновляет. В нем говорится:

«Кодайра известна как «мир радостного смеха» и «царство возрождения юности». Источником чудесного омоложения является единственный в своем роде родник, известный под наименованием «Воды Эксиля»; первый исследователь замечательных свойств этого источника (назовем его «доктор Максимус» – нам не разрешили упоминать его настоящее имя) разработал основы новой научной дисциплины, метакроники. Автор статьи, скрывающаяся под псевдонимом «Серена», хорошо знакома с условиями жизни на Кодайре. Серена сама занимается научными исследованиями – ее перу принадлежат работы, посвященные наблюдениям

в области сравнительной ботаники; в настоящее время она поселилась в окрестностях Саалу-Сейна. Редакция считает ее статью одной из важнейших, когда-либо опубликованных на Вермейзене»».

Леди Эстер Ладжой покосилась на Мирона, чтобы убедиться в его неослабевающем внимании: «Что ты об этом думаешь?»

«Теперь мне понятно, почему Кодайра вызывает у вас такой интерес».

«Иногда, Мирон, твое откровенное безразличие начинает действовать на нервы!» – с плохо скрываемым раздражением отозвалась леди Эстер.

«Прошу прощения».

Леди Эстер протянула ему журнал: «Прочти, не ленись!»

Мирон вежливо взял журнал и сосредоточился на статье под заголовком «Возрождение: для немногих избранных». Сначала Мирон читал не слишком охотно, но мало-помалу его любопытство возрастало. Серена отзывалась о докторе Максимусе следующим образом: «Неутомимый, невероятно целеустремленный маленький человечек: он даже не ходит, а словно перепрыгивает с места на место. Доктор Максимус терпеть не может суеверия, глупости и ханжества; он в равной степени отвергает как похвалу, так и осуждение общественности, стремясь целиком и полностью освободиться от влияния распространенных предубеждений. В частности, поэтому он продолжает свою работу на малоизвестной далекой планете, которую мы позволим себе называть „Кодайра“. Вторая и важнейшая причина – в том, что именно на Кодайре находится „источник юности“, Воды Эксиля».

Далее Серена привела описание «истинного источника юности»: «Вода поднимается из глубин вулканического жерла, где в ней растворяются различные минералы сложного состава. Затем она сочится через густые джунгли, впитывая целебные свойства трав, грибов и глубокого перегноя. Наконец эта светло-зеленая, слегка пузырящаяся драгоценная жидкость вливается в омут Эксиля. Доктор Максимус, биолог по образованию, заинтересовался уникальными, напоминающими тритонов существами, живущими в окружающих омут грязевых отложениях. Он не преминул заметить, что живучестью и долговечностью они намного превосходят особей того же вида, обитающих в других местах. После нескольких предварительных экспериментов и анализов доктор Максимус отбросил осторожность и стал пить воду из источника. Последствия оказались обнадеживающими. В конце концов он разработал лечебную программу, первоначально испытанную на нескольких пациентах-добровольцах. Так была основана „Клиника нового века“, где доктор Максимус лечит клиентов, способных вносить довольно-таки существенную плату».

Серена прибыла с мужем на Кодайру, чтобы проводить ботанические изыскания. Она случайно узнала о существовании клиники, заинтересовалась программой регенеративной терапии и прошла курс лечения. Результаты ее полностью удовлетворили.

Тем временем доктор Максимус продолжает исследования, надеясь усовершенствовать программу и выявить важнейшие процессы, способствующие успешному омоложению. В настоящее время он считает, что окончательному синергическому эффекту способствует сочетание нескольких факторов; он стремится оптимизировать наиболее активные составляющие и в то же время свести к минимуму некоторые утомительные, а иногда и раздражающие пациентов аспекты курса лечения. Он хорошо понимает, что метахроническая терапия еще несовершенна, и подозревает, что, учитывая сложность вовлеченных в этот процесс систем, полное совершенство в области регенерации тканей человеческого организма недостижимо. При этом он настаивает на том, чтобы местонахождение его клиники оставалось в тайне, опасаясь нашествия толп неимущих инвалидов, немощных и престарелых. По той же причине он отказывается выдвигать какие-либо теоретические предположения по поводу возможного желательного или нежелательного влияния его экспериментов на общественное устройство».

Мирон отложил журнал. Леди Эстер язвительно спросила: «У тебя отнялся язык? Потрудись высказать свое мнение!»

«Любопытно, но слишком расплывчато и скрытно. Кроме того, насколько я понимаю, этот омолаживающий курс связан с большими расходами».

Леди Эстер изумленно уставилась на внука своей сестры: «Неужели? А для чего еще, по-твоему, нужны деньги? Доктор Максимус продает молодость, бодрость, вторую жизнь! Как можно переоценить такие услуги?»

«Надо полагать, доктор Максимус берет столько, сколько согласны платить его клиенты», – рассеянно сказал Мирон.

Леди Эстер презрительно фыркнула и вернулась к чтению. Через несколько секунд она снова подняла голову: «Завтра ты сможешь найти практическое применение своему дорогостоящему образованию. Встань пораньше – тебе предстоит отправиться в Космологический архив и провести тщательное расследование. Просмотри указатели, найди все возможные ссылки. Вынюхивай все, что можешь, полагаясь на врожденную интуицию! Постарайся хоть раз в жизни проявить настойчивость! Мне нужны результаты! Найди Кодайру!»

3

Прошло два дня. Следуя указаниям двоюродной бабки, Мирон изучил объемистые каталоги и картотеки Космологического архива, но вернулся с пустыми руками, убежденный в том, что наименование «Кодайра» было нарочно изобретено, чтобы сбить с толку читателей журнала – о чем он и сообщил своей покровительнице. Леди Эстер несколько не удивилась: «Так я и думала! Что ж, неважно! Нас пригласили на завтрашнюю садовую вечеринку сэра Реджиса Глаксена. Конечно, Донси Труз любезно согласился меня сопровождать, но я хотела бы, чтобы ты познакомился с несколькими людьми, которые могут там появиться».

«При чем тут я? Пусть они знакомятся с Донси».

«Не желаю слышать никаких возражений! И не забудь одеться, как подобает – это не какая-нибудь студенческая попойка в таверне за углом».

«Ладно, ладно! С вами невозможно спорить, – проворчал Мирон. – И все равно я не понимаю, зачем мне туда тащиться».

«В свое время ты все поймешь. Это на самом деле важно, мне могут понадобиться твои наблюдательность и проницательность».

Неожиданный комплимент заставил Мирона промолчать, и на следующий день он отправился в поместье сэра Реджиса Глаксена вместе с леди Эстер и неизбежным Донси Трузом. Леди Эстер решила появиться в восхитительном наряде, состоявшем из глубоко декольтированной блузы цвета подгоревшей апельсиновой корки и длинной лимонно-зеленой юбки с разрезом слева. Разрез этот время от времени открывал взорам окружающих значительную часть ее левой ноги, затянутой в желтый шелковый чулок. Нога была длинной и тощей, колено – шишковатым, но леди Эстер пребывала в убеждении, что всякий раз, когда обнажалась ее художная конечность, у мужчин учащался пульс, подстегнутый обильным выделением гормонов.

Вечеринка сэра Глаксена отличалась, как всегда, идеальным сочетанием аккуратно подстриженных деревьев и газонов с великолепными цветочными клумбами, роскошным изобилием буфета и общеизвестностью гостей. Строгие стандарты леди Эстер, однако, трудно было превзойти. Оказавшись в саду, она тут же остановилась и оценила собравшихся, бросая по сторонам пронзительные взгляды всевидящих черных глаз. Состав гостей вызвал у нее смешанные чувства – она узнала несколько лиц, с которыми предпочла бы не иметь дела. А тех, с кем она особенно хотела бы встретиться, не было в наличии. Сдерживая раздражение, она позволила Донси Трузу подвести ее к столу на краю газона, под сень развесистого цветущего иссопа. Донси усадил ее с безукоризненной галантностью. Мирону этот ритуал с прищелкиванием каб-

луков показался чрезмерным и даже смехотворным, но леди Эстер воспринимала подобное внимание как должное. Появился лакей; Донси, напустив на себя вид умудренного жизнью эксперта, заказал для всех пунш «Пингари».

Приблизился сэр Реджис Глаксен: круглолицый господин среднего возраста, пухлый, розовый и веселый. Наклонившись, он поцеловал леди Эстер в щеку: «Вам это покажется невероятно странным, но сначала я не мог разглядеть ваше лицо из-за низко протянувшейся ветви иссопа. Но как только я заметил очаровательную желтую ногу, я сказал себе: „Как может быть иначе! Конечно, я знаю, чья это нога! Она может принадлежать только Эстер Ладжой, самой обаятельной из представительниц прекрасного пола!“ Да-да, желтая нога сообщила мне все, что нужно было знать. И я настолько спешил к вам присоединиться, что споткнулся о петунию, но это не беда – я здесь, к вашим услугам!»

«А, лесть! – воскликнула леди Эстер. – Обожаю лесть, даже если это очевидная ложь. Готова слушать вас бесконечно».

«В моем зачарованном саду ничто не начинается и не кончается, – решительно заверил ее сэр Глаксен. – Эсхатология – опаснейшая дисциплина!»

Леди Эстер нахмурилась: «Даже не помню, как пишется это слово, не говоря уже о том, чтобы высказывать какие-либо суждения по поводу эсхатологии».

Сэр Реджис уселся: «Нет ни прошлого, ни будущего – существует лишь мерцающая искра быстротечного мига, который мы называем „настоящим“. Признайтесь, дражайшая Эстер! Вы когда-нибудь пытались точно измерить продолжительность мгновения? Я пытался, но теперь знаю еще меньше, чем когда-либо. Что такое миг? Десятая доля секунды? Целая секунда? Сотая доля секунды? Чем дольше об этом размышляешь, тем больше приходишь в замешательство. Идея прозрачная и неуловимая, как воздух!»

«Да-да, все это очень интересно. Я об этом подумаю и, пожалуй, попрошу Мирона сделать соответствующий расчет. А пока что потрудитесь сообщить: кто сегодня воспользовался вашим приглашением?»

Сэр Реджис обвел изящный парк взором, полным циничного скептицизма: «Не уверен, что знаком с этими людьми. Иногда мне кажется, что я никого из них не приглашал и развлекаю добрую половину сброда из темных подворотен Саалу-Сейна. Тем не менее они нередко рассказывают забавные истории и распивают мои лучшие вина с согревающим душу удовольствием».

«Вы намекали, что могли бы пригласить одного издателя, с которым я не прочь была бы познакомиться».

«Было дело. Насколько я понимаю, вы имеете в виду Джонаса Чея, распространяющего – не позволяя себе даже намек на усмешку, прошу заметить – „Вегетарианский вестник“!».

«Мне его имя напоминает об „Инновационном оздоровлении“, – с достоинством отозвалась леди Эстер. – Это гораздо более респектабельное издание».

«Вполне может быть. Боюсь, однако, что не могу предложить вам общество Джонаса Чея – надо полагать, ему помешали какие-то неотложные дела». Повернувшись на стуле, сэр Реджис поискал глазами среди присутствующих и протянул руку: «Видите высокого субъекта с рыбьей физиономией без подбородка? Это помощник Чея, заместитель редактора – он вам подойдет?»

Леди Эстер смирила взглядом долговязого субъекта в черном костюме поверх коричневого жилета и желтовато-коричневых штиблетах с длинными острыми носками: «Внешность обманчива, он может оказаться приятным собеседником. С вашей стороны было бы очень любезно, если бы вы мне его представили».

Сэр Реджис с готовностью удалился и вернулся в сопровождении усатого верзилы: «Позвольте представить вам Оствольда Сокроя, помогающего Джонасу Чею издавать журнал

„Инновационное оздоровление“. Здесь, перед вами – леди Эстер Ладжой, знаменитая светская львица, а теперь еще и владелица прекрасной космической яхты „Глодвин“».

«Очень приятно с вами познакомиться, – сказала редактору леди Эстер. – Присаживайтесь, пожалуйста, и расскажите о себе».

Оствольд Сокрой подчинился: «О чем тут рассказывать? Я живу и работаю в мире идей. Мыслю, формирую суждения, сообщаю о них другим и тем самым перенаправляю их деятельность...»

Леди Эстер терпеливо слушала, порой вставляя замечания и благосклонно улыбаясь, хотя Сокрой производил на нее впечатление человека малопривлекательного. Тощий и костлявый, с продолговатым бледным лицом и черными усами, заместитель редактора мог похвалиться только высоким лбом. Леди Эстер могла бы простить ему внешность, но не манеры – Сокрой обращался к леди Эстер с усмешкой снисходительной терпимости, как если бы находил ее причуды забавными, но не заслуживающими особого уважения. Кроме того, ее неодобрение вызывал отказ Сокроя попробовать что-либо, кроме травяного чая – не было возможности развязать ему язык крепкими напитками.

«Но я уже достаточно распространялся о себе и своих заботах, – сказал наконец Сокрой. – Расскажите мне что-нибудь о вашей космической яхте».

«О ней еще почти нечего рассказывать, – вежливо ответила леди Эстер. – Я приобрела ее совсем недавно».

«Но это поистине многообещающее приобретение! – заявил Сокрой. – Вас, конечно же, готовы использовать открывшиеся теперь возможности?»

«Я не такая уж бесстрашная космическая путешественница, как вы себе представляете, – несколько напряженным тоном отозвалась леди Эстер. – На самом деле я успела только однажды взглянуть на эту яхту. Говорят, она достаточно надежна. У нее эмалированный корпус приятной расцветки. Интерьер меня вполне устраивает – по меньшей мере на первый взгляд. Друзья хотят, чтобы я отправилась в межпланетный круиз, но общественные обязанности не позволяют мне свободно распоряжаться своим временем. Тем не менее – в один прекрасный день – кто знает?»

Оствольд Сокрой любезно рассмеялся: «Надеюсь, когда наступит этот день, вы не забудете включить меня в список гостей. Я умею показывать карточные фокусы и распевать старинные шансоны под аккомпанемент лютни. Может быть, мне удастся немного развлечь других пассажиров во время длительного полета».

«Постараюсь не забыть о ваших талантах», – пообещала леди Эстер. Она достала из сумочки листок бумаги и сделала на нем пару заметок: «С вами всегда можно связаться, позвонив в редакцию?»

«Разумеется! Звоните в любое время!»

Леди Эстер кивнула: «Присутствие такого человека, как вы, хорошо разбирающегося в издательском деле, оказалось бы очень полезным в космическом путешествии. Надо полагать, именно вы определяете, какие статьи будут публиковаться, скажем, в „Инновационном оздоровлении“?»

«Можно сказать и так – в некоторой степени».

«Так это вы решили поместить в последнем выпуске две статьи, посвященные регенерации?»

«Совершенно верно! По существу, первую статью я написал сам, чтобы она служила своего рода вступлением ко второй, более обстоятельной».

«Да-да, очень любопытное, объективное и даже в чем-то забавное вступление. А вторая статья? Признаться, мне хотелось бы знать, кто скрывается под псевдонимом „Серена“. Вы с ней хорошо знакомы?»

Сокрой поджал губы: «На самом деле нет. С ней связывался главным образом Джонас Чей».

«Но вы, конечно же, сформировали какое-то мнение о достоверности ее сведений?»

Сокрой смущенно пожал плечами: «Не сказал бы. Меня не просили распространяться по этому поводу».

«Насколько я понимаю, она живет где-то поблизости. Возможно, я с ней знакома. Скажите по секрету: как ее зовут?»

Сокрой покровительственно рассмеялся: «Дражайшая леди, вам придется спросить меня о чем-нибудь другом. Мы никогда не сообщаем такие сведения, это запрещено правилами».

Леди Эстер медленно кивнула: «Вот как!» Она задумчиво взглянула на памятную записку с именем Сокрой. Кончик ее крючковатого носа заметно шевелился, она изучала заместителя редактора пронзительно-черными птичьими глазами. Тот наблюдал за ней с не меньшим напряжением.

«Само собой, я ни в коем случае не хотела бы, чтобы вы нарушили доверие главного редактора, – сказала леди Эстер. – Однако вы могли бы кое-что сообщить, несколько не нарушая правила, и для меня этого было бы вполне достаточно. Кто тот ученый, которого автор статьи сопровождала в экспедиции на Кодайру?»

Сокрой поморщился. Опустив глаза к памятной записке, он снова взглянул в лицо богатой старухе: «Этот конкретный факт не подлежит действию правил – я могу говорить о нем, не испытывая угрызений совести».

Леди Эстер одобритительно кивнула: «Неопровержимая логика! Неудивительно, что вас ценят и уважают в редакции! Так что же, как зовут этого ученого?»

Сокрой поднял глаза к усеянным цветами ветвям иссопа, чопорно сложил губы трубочкой и неохотно произнес: «Его зовут – точнее, его звали... Экспедицию организовал профессор Андрей Онтвилл. Он погиб, работая в джунглях Кодайры. Проект финансировался Колледжем ботанических наук при Институте Варли».

«Мое любопытство удовлетворено! – заявила леди Эстер. – К сожалению, я никогда не встречалась с покойным профессором и, скорее всего, никогда не встречу с его вдовой. Я уже забыла о нашем разговоре», – она взяла со стола памятную записку и с демонстративной осторожностью положила ее в сумочку.

«И когда вы собираетесь отправиться в космический круиз? – самым беззаботным тоном осведомился Оствальд Сокрой. – Было бы полезно это знать – хотя бы для того, чтобы я мог заранее договориться об отпуске, если меня действительно пригласят».

Леди Эстер кивнула: «Я еще не могу точно назвать дату отправления. Мне предстоит закончить целую дюжину неотложных дел – придется подождать, пока не сложатся благоприятные обстоятельства».

«Хм! – отозвался Сокрой. – Третья из „Десяти кратких апофегм“ барона Бодиссея Невыразимого гласит: „Лучше раньше, чем никогда“. А мой любимый лозунг: „Делай все сразу!“».

«Хорошо вас понимаю, – сказала леди Эстер. – Но космический круиз невозможно устроить по мановению волшебной палочки. Его придется планировать и подготавливать».

Озарив старуху смущенно-задорной улыбкой, Донси Труз чуть наклонился к собеседнику: «Жизненный опыт, дражайшая леди, научил меня печальной истине: время течет только в одном направлении! День проходит за днем, и никто из нас не становится моложе. Порой мы откладываем осуществление грандиозных планов только для того, чтобы обнаружить в конце концов, что не успеем их осуществить! Промедление смерти подобно!»

Рассуждения Донси о быстротечности бытия не понравились леди Эстер, предпочитавшей верить, что она не подвержена старению: «Как бы то ни было! И все же я отказываюсь действовать, исходя из мрачных и гнетущих предпосылок! Жажда жизни, любви и чудесных

переживаний сохранится во мне надолго – навечно, если сбудутся мои дерзновенные мечты! И я не желаю принимать во внимание какие-либо возражения!»

Оствольд Сокрой осторожно наклонил голову: «Ваши надежды делают вам честь».

«Благодарю вас!» – леди Эстер обвела взглядом сад сэра Реджиса: «По сути дела, здесь больше нет никого, с кем я хотела бы поговорить. Мирон? Донси? Я готова вернуться домой».

Донси вскочил на ноги и помог леди Эстер подняться из-за стола. Оствольд Сокрой тоже поднялся и поклонился: «Было очень приятно с вами познакомиться. Надеюсь, мы снова встретимся в ближайшее время».

«Вполне возможно. Желаю вам всего наилучшего!» – подхватив под локоть Донси Труза, леди Эстер направилась по газону к сэру Реджису – тот стоял у мраморного портала, приветствуя пару запоздавших гостей. Леди Эстер остановилась, разглядывая новоприбывших: «Донси, кто это такие?»

Взглянув в требуемом направлении, Донси дернул себя за ус: «Боюсь, мне они не знакомы».

«Где-то я видела этого человека, – пробормотала себе под нос леди Эстер. – У него впечатляющая внешность, должна признаться. Его спутница тоже умеет себя показать, хотя такое длинное платье не свидетельствует о хорошем вкусе».

Мирон покосился на карнавальный наряд самой леди Эстер, но решил промолчать. Новоприбывшие явно считались влиятельными персонами. Седой высокий господин выделялся прямокой выправкой и решительным выражением лица. Судя по всему, он был намного старше своей спутницы, каковую Мирон находил весьма привлекательной. Ее возраст не поддавался определению с первого взгляда; по мнению Мирона, она выглядела одновременно невинной и умудренной жизнью, что создавало интригующий эффект. Ее светлые курчавые волосы были стянуты сеткой на затылке, а ее кожа, гладкая и золотисто-смуглая, словно излучала здоровье – прекрасная незнакомка явно не пренебрегала спортивными упражнениями под открытым небом. Облегающее длинное белое платье, заслужившее критику со стороны леди Эстер, отличалось главным образом простотой покроя и способностью выгодно демонстрировать элегантность фигуры его обладательницы.

«Мирон, держи себя в руках! – рявкнула леди Эстер. – Ты практически пускаешь слюни и роешь землю копытами!»

«Прошу прощения».

Принудив Мирона к поспешному раскаянию, леди Эстер снова повернулась к опоздавшим гостям. «Хотела бы я знать, кто они такие! – размышляла она вслух. – Этот солидный субъект, насколько я понимаю – человек обеспеченный. Но он пресмыкается перед подругой, как неоперившийся юнец. Обычное дело! Так всегда бывает, когда хорошенькой девушке позволяют дважды взглянуть на пожилого мужчину. От всей души надеюсь, Мирон, что к тому времени, когда ты состаришься, ты научишься вести себя с приличествующим твоему возрасту достоинством».

«Непременно! – отозвался Мирон. – Не могу даже вообразить ничего другого – если, конечно, не представится удобный случай забыть о возрасте».

Леди Эстер фыркнула: «Пойдем! Узнаем, кто есть кто!»

Приблизившись к portalу в сопровождении Мирона и Донси, она остановилась: «Реджис! Нам пора идти, хотя вы устроили безукоризненный прием. Мы вам исключительно благодарны».

«Вы меня осчастливили тем, что нашли время здесь появиться! – заявил сэр Реджис Глаксен. – Кстати, позвольте представить вам Джонаса Чей, издателя журнала „Инновационное оздоровление“, и леди Бетку Онтвилл, входящую в круг его регулярных корреспондентов. А это леди Эстер Ладжой, в сопровождении Мирона Тэйни и Донси Труза».

«Большая честь с вами познакомиться», – слегка поклонился Джонас Чей.

«Я тоже очень рада нашей встрече», – отозвалась леди Эстер.

4

Леди Эстер позвонила Бетке Онтвилл, занимавшей собственную виллу на краю Ангвинского Верещатника, в сельской пригородной полосе километрах в восьми к югу от Саалу-Сейна. Несколько секунд две женщины оценивали одна другую, глядя на телефонные экраны, после чего леди Эстер изобразила радостное оживление: «Может быть, вы меня помните. Реджис Глаксен познакомил нас, когда вы приехали к нему на вечеринку. Меня зовут Эстер Ладжой».

«Да, я хорошо вас помню – леди с красными волосами и в желтых чулках!»

«Нечто в этом роде, – позволила себе слегка смутиться Эстер Ладжой. – Ваше очаровательное платье произвело на меня большое впечатление простотой, свидетельствующей об изысканном вкусе».

«Благодарю вас. Очень приятно это слышать от такой знаменитости, как вы».

Леди Эстер шаловливо усмехнулась: «Почему бы вы считали меня знаменитостью? Разве что...»

«Сэр Реджис упомянул о том, что вам принадлежит космическая яхта, – спокойно пояснила Бетка Онтвилл. – Надо полагать, благодаря этому обстоятельству вы испытываете чудесное ощущение свободы передвижения».

«Ах да, космическая яхта. В какой-то мере вы правы. Но я получила это судно в качестве возмещения ущерба, по решению суда, и не могу претендовать на звание опытной путешественницы. Я позвонила, однако, по поводу вашей замечательной статьи в журнале Джонаса Чея, посвященной регенерации. Меня очень интересует проблема омоложения тканей».

На несколько секунд наступило молчание, после чего Бетка Онтвилл осторожно произнесла: «Мне известна эта статья. Хотела бы напомнить, что под ней подписалась некая „Серена“. По всей видимости, автор желает оставаться в неизвестности».

«Да-да, это понятно. Тем не менее я хотела бы, чтобы вы отужинали со мной завтра вечером. Я пришлю за вами машину – обещаю превосходное меню! Кроме того, личность „Серены“ ни в коем случае не станет достоянием гласности, ваша тайна под замком».

Наступила еще одна пауза. Наконец госпожа Онтвилл ответила – на этот раз ледяным тоном: «Меня зовут Бетка Онтвилл. Вы делаете совершенно безосновательные допущения, и при этом пытаетесь вторгнуться в мою личную жизнь».

«Даже так? – усмехнулась леди Эстер. – Если мои допущения ошибочны, фактические обстоятельства еще невероятнее, чем они представляются теперь».

«Все это какая-то нелепость! – отрезала Бетка Онтвилл. – Мне больше нечего сказать. А теперь попрошу меня извинить...»

«Один момент! Вашего супруга звали Андрей Онтвилл. В реестре Ботанического колледжа значится профессор Андрей Онтвилл, тридцать пять лет тому назад женившийся на некой Бетке Онтвилл. В высшей степени любопытный факт!»

«Да, и что же?» – сухо спросила госпожа Онтвилл.

Леди Эстер продолжала: «Вы – женщина впечатляющей внешности. Вы носите платья, не скрывающие, а скорее раскрывающие фигуру. Вы держитесь прямо и уверенно, вашей бодрости, вашему здоровью могла бы позавидовать иная школьница, и при этом ваш возраст невозможно угадать! Могут ли существовать две никак не связанные Бетки Онтвилл? Возможно ли, чтобы обе Бетки вышли замуж за человека по имени Андрей и отправились с ним в экспедицию, изучать джунгли далекой планеты? Возможно ли, чтобы оба Андрея погибли в джунглях примерно в одно и то же время? Странно, не правда ли? Все это нельзя считать совпадением – особенно после того, как некая „Серена“ опубликовала статью, описывающую про-

цесс ее омоложения на планете Кодайра. Я в замешательстве – точнее говоря, сгораю от любопытства».

Голос Бетки Онтвилл стал хрипловато-резким: «Вы не имеете права совать нос не в свое дело!»

«Чепуха! Ваша статья привлекла внимание публики и сделала вас законной мишенью для любопытства».

«Для того я и подписалась псевдонимом, чтобы не привлекать к себе внимание!» – поспешила возразить госпожа Онтвилл – и тут же поджала губы, осознав, что проговорила и предоставила хитрой старой ведьме существенное преимущество.

«Не волнуйтесь!» – посоветовала леди Эстер. – Независимо от того, что я узнаю, я не стану трубить об этом на каждом углу. Я нуждаюсь в информации исключительно для того, чтобы использовать ее в моих собственных целях. Я вправе получить эту информацию, и у вас нет никаких оснований жаловаться, так как вы сами решили заворожить читателей намеками и умолчаниями. Вы ведете себя, как девчонка, приводящая парня в состояние эротической лихорадки, а затем возмущенно восклицая: „Как ты смеешь!“».

«У меня не было таких намерений. Я написала статью только потому, что Джонас Чей посулил мне большую сумму – а я срочно нуждалась в деньгах».

«Какова бы ни была причина ваших действий, последствия одинаковы. Я имею право получить ответы на мои вопросы. Я не становлюсь моложе; недалек тот час, когда мне придется заглянуть за кулисы театра бытия, если можно так выразиться. Я намерена задержать этот момент всеми возможными практическими средствами – в том числе теми, о которых говорится в статье некой Серены».

Бетка Онтвилл невесело рассмеялась: «Вы не одиноки в этом стремлении».

«Как бы то ни было! Во Вселенной есть только одна Эстер Ладжой! Я прокладываю свою неповторимую тропу в диких зарослях жизни и буду сопротивляться превращению в ничто зубами и когтями!»

«Хорошо вас понимаю, но я обязалась хранить тайну и не хотела бы обсуждать конкретные обстоятельства».

Леди Эстер кивнула: «Это не телефонный разговор. Мы побеседуем завтра вечером, в усадьбе Сарбитер».

«Я не могу брать на себя такие обязательства».

«Ну послушайте! – уговаривала ее леди Эстер. – Мы превосходно поужинаем, вы сможете попробовать мои лучшие вина! Никто ничего не узнает. И не будет никакой необходимости устраивать сенсацию и переполох в прессе по поводу таинственной „Серены“ – что практически неизбежно, если вы мне откажете».

Бетка Онтвилл мрачно встретила глазами с леди Эстер: «Вы пытаетесь меня шантажировать?»

«Конечно!» – подтвердила леди Эстер. – Вы нашли точное определение происходящему. Но это относительно безболезненный процесс, и я прослежу за тем, чтобы ужин приготовили наилучшим образом».

«У вас нет ни стыда, ни совести», – напряженно выдавила Бетка Онтвилл.

«Ошибаетесь! Вы составили обо мне самое превратное представление! У меня за столом никогда не подадут рейнвейн „Шпанценхаймер“ к паштету из воловых хвостов или цыганскую „Бычью кровь“ с копчеными сметками».

«По меньшей мере в этом отношении вы меня обнадежили», – Бетка Онтвилл колебалась, разрываемая противоречивыми эмоциями.

«Превосходно!» – невозмутимо заявила леди Эстер. – Я пришлю за вами машину примерно в шесть часов вечера».

5

В условленное время длинный черный лимузин леди Эстер приземлился у виллы Бетки Онтвилл и отвез ее в усадьбу Сарбитер. Встретив гостью на террасе, леди Эстер проводила ее в приятную светлую гостиную с серой и зеленой обшивкой стен и мебели, где камердинер подал им аперитивы и где через некоторое время к ним присоединился Мирон Тэйни.

«Как тебе известно, – сказала ему леди Эстер, – госпожа Онтвилл участвовала в нескольких экспедициях на далекие планеты. К сожалению, ее супруг погиб во время последней из этих поездок». Покосившись на Бетку Онтвилл, она прибавила: «Возможно, я проявила бестактность! Вам трудно вспоминать об этой трагедии?»

Бетка Онтвилл с улыбкой покачала головой: «Это было так давно, что память больше меня не тревожит. Могу рассказать, что случилось – на этот счет у меня нет возражений. Андрей углубился в джунгли километра на полтора и собирал сок железного дерева. Птица, которую там называют „бутылочником“, уселась на гроздь стручков, почти на вершине дерева. Десятикилограммовый стручок, состоящий главным образом из железа, сорвался, пролетел тридцать метров и упал бедному Андрею прямо на голову. Он даже не успел понять, что произошло».

«Не самый плохой способ умереть, – заметила леди Эстер. – Но оставим в стороне этот несчастный случай. Вы прожили долгую и достопримечательную жизнь – уверена, что вы можете поделиться тысячами чудесных воспоминаний! Например, на какой планете вы побывали в последней экспедиции?»

Бетка Онтвилл покачала головой: «Это несущественно, и я предпочла бы не останавливаться на этой теме».

«Само собой!» – отступила леди Эстер.

Мирон наблюдал за тем, как дамы обсуждали другие вопросы, несколько его не интересовавшие. Он сосредоточил внимание на привлекательной внешности госпожи Онтвилл. Сегодня вечером на ней был скромный костюм из мягкой синева-серой ткани, выгодно оттенявший лицо и не позволявший даже леди Эстер составить неблагоприятное мнение. Сперва Мирон принял ее за очаровательную молодую вдову немногим старше его самого. Ее золотистые кудрявые локоны были собраны в узел на затылке, откуда две светлые пряди спускались на плечи. Гладкая, как застывший крем, кожа путешественницы слегка загорела под лучами далеких солнц. И все же, даже не приглядываясь нарочно, Мирон начинал подмечать почти неуловимые признаки, не вязавшиеся с его первоначальным впечатлением. Например, движения госпожи Онтвилл не отличались гибкостью и упругостью, свойственными молодости. Когда они только заходили в гостиную, Мирон, пропустивший дам вперед, слегка удивился осторожной подтянутости походки их гостьи – ее суставы словно слегка одеревенели в бедрах и в коленях. Ему пришлось сделать вывод, что госпожа Онтвилл, вопреки ее несомненному очарованию, вовсе не была восхитительным юным созданием, какое пыталась из себя изобразить.

Леди Эстер сдержала слово – роскошный ужин из десяти блюд в сопровождении девяти вин свидетельствовал о намерении хозяйки привести гостью в состояние сонливо-опьяненного насыщения, внушавшего уступчивость и позволявшего выудить интересовавшие старуху сведения. Мирону уже не раз приходилось наблюдать за подобными ухищрениями своей двоюродной бабки.

За десертом леди Эстер стала умолять госпожу Онтвилл рассказать о какой-нибудь из ее любопытнейших экспедиций.

Бетка Онтвилл снова покачала головой и улыбнулась: «Боюсь, мои рассказы вам наскучат. По большей части наша работа носила характер повседневной рутины: сбор, упаковка и перевозка образцов, обустройство временных палаточных лагерей в труднодоступных диких

местах – где, как правило, не было почти никакой возможности отдохнуть или чем-нибудь развлечься, потому что там преобладали, мягко говоря, негостеприимные условия. Тем не менее мы трудились не покладая рук и никогда не жаловались на трудности. Андрей был талантливым ученым и прекрасным человеком – ничто не сможет возместить мне его утрату».

«Не сомневаюсь! – сочувственно отозвалась леди Эстер. – Когда он погиб, вы были далеко от центров цивилизации?»

Госпожа Онтвилл скорбно усмехнулась: «Как раз тогда меня с ним не было. Я проходила курс лечения в местной клинике. Прошла неделя, прежде чем помощник Андрея известил меня о его гибели».

«Какой ужас! И что же вы сделали?»

Бетка Онтвилл пожала плечами: «Мы похоронили Андрея на местном кладбище, а я продолжила курс лечения – раз уж я там оказалась, не было смысла упускать такую возможность». Покосившись на леди Эстер, она снова усмехнулась: «Обо всем, что я говорю, можно догадаться, прочитав мою статью».

Рот леди Эстер покривился, но она промолчала.

«В конце концов я собрала пожитки, оборудование и все наши записи и вернулась на Вермейзен, чтобы отдохнуть, собраться с мыслями и подумать о будущем – чем я и занимаюсь в настоящее время. В какой-то мере я сожалею о том, что написала статью для Джонаса. Может быть, это было неблагоразумно, хотя от предложенной суммы трудно было отказаться – она позволила мне уплатить накопившиеся долги».

На лице леди Эстер отразилось надлежащее смущение, тут же сменившееся озорной улыбкой: «Понимаю, что вы не хотите вдаваться в подробности по поводу курса омоложения, но скажите мне одно: что требуется для того, чтобы попасть в эту клинику и принять участие в программе?»

«Понятия не имею. Доктор сам выбирает пациентов, а он прихотлив и применяет необычные методы».

«Но клиника принимает к рассмотрению какие-нибудь ходатайства?»

Госпожа Онтвилл стала крутить пальцами ножку бокала: «Не думаю, что этот вопрос нуждается в дальнейшем обсуждении».

«Не могли бы вы, по меньшей мере, рекомендовать вашему врачу новых пациентов?»

«Нет».

Леди Эстер расчетливо изучала лицо Бетки Онтвилл: «Что ж, мне не подобает вынюхивать чужие секреты – больше не буду задавать вам никаких вопросов».

«Рада это слышать! – отозвалась госпожа Онтвилл. – Мои ответы не вызвали бы у вас ничего, кроме раздражения».

Ужин закончился, и черный лимузин отвез Бетку Онтвилл обратно к ее дому на Ангвинском Верещатнике.

6

Как только лимузин улетел, Мирон собрался было вернуться к себе в комнату, но леди Эстер велела ему остаться. Мирон неохотно опустился в кресло и ждал, пока леди Эстер расхаживала туда-сюда размашистым, почти гусиным шагом. Запустив пальцы в копну темнорыжих волос, она превратила ее в растрепанные космы. Наконец старуха остановилась и резко повернулась к Мирону: «Так что ты думаешь?»

«О чем?» – не понял Мирон.

«Ты слышал, как эта мерзавка изворачивалась, как змея, смазанная маслом! Она явилась с твердым намерением ничего не сообщать. Уплетала ужин за обе щеки, опорожнила послед-

нюю бутылку вина, отрыгнула раза три из вежливости и упорхнула, оставив меня в полном неведении. Ничего, кроме усмешек, уловок и обмана – ты не заметил?»

«Я почти не прислушивался к разговору».

Леди Эстер возмущенно уставилась на него: «Иногда, Мирон, ты невероятно туп! Неужели ты не понимаешь, что она старше меня?»

Мирон пожал плечами и нахмурился: «Да, мне показалось, что она выглядит моложе своих лет».

«В этом отношении, по меньшей мере, ты не ошибся. Бетка вышла замуж за Андрея Онтвилла тридцать пять лет тому назад».

«Она на удивление хорошо сохранилась. Вы считаете, что именно она написала статью под именем Серены?»

«Конечно! Она этого не отрицает!»

Мирон понимающе кивнул: «Значит, курс доктора Максимуса ей действительно помог. На первый взгляд она умудряется производить впечатление молодой женщины».

«А какое впечатление произвожу я? – горестно возопила леди Эстер. – Все говорят, что я излучаю всепобеждающий пыл, перед которым отступает время! Я чувствую в себе упоение юности, оно наполняет каждую частицу моего существа до мозга костей – мой дух, мои самые сокровенные стремления! Донси Труз уверяет, что я танцую по жизни, как нимфа, в вечно весеннем саду воображения!»

«Донси – сладкоречивый льстец».

Эстер Ладжой возобновила возбужденную ходьбу по гостиной. Через некоторое время Мирон зевнул и поднялся на ноги: «Думаю, что мне пора...»

«Сядь, будь так любезен! – рявкнула леди Эстер. – Я сама тебе скажу, когда пора, а когда не пора. Я еще не закончила! Бетка Онтвилл скрывает какую-то тайну, и я имею право знать правду! Почему мне не позволяют участвовать в чудесном преображении? Для этого нет никаких причин, я намерена омолодиться!»

Мирон напряженно молчал, поворачивая голову в такт напоминавшим маятник перемещениям двояродной бабки.

Остановившись, та снова повернулась к нему: «Ты изучал космологию – на тебя потратили уйму денег, и теперь тебе предстоит применить приобретенные знания на практике. Я хочу, чтобы ты нашел Кодайру».

Мирон рассмеялся и пригладил светлые гладкие волосы: «Дражайшая леди, такой планеты нет! Это плод воображения, выдумка! Как я могу найти то, что не существует?»

«Чепуха! Очевидно только одно: Бетка Онтвилл придумала название „Кодайра“. Но планета как таковая существует. Я хочу, чтобы ты узнал, как на самом деле называется этот мир и где он находится».

«Легко сказать! Где его искать? У меня нет ни малейшего представления».

«В твоих руках десятки улик! Профессор Онтвилл был ботаником: ступай в Институт и раскопай все сведения, относящиеся к его последней экспедиции – прежде всего, маршрут его полета и название планеты, на которой он погиб. Невозможно сомневаться в том, что эти факты зарегистрированы. Хотя бы в этом отношении ты со мной согласен?»

«В какой-то степени. Но чем вам помогут такие сведения?»

Леди Эстер рассмеялась, как задорная девчонка: «Неужели ты не понимаешь? А зачем мне, по-твоему, „Глодвин“? Я отправлюсь в космический полет!»

Мирон не удивился: «Это не так просто, как вы думаете».

«Конечно, нет! Но в этом отношении я могу положиться на Донси. Он хорошо разбирается в таких вещах».

«Надеюсь».

Леди Эстер устремила взор в пространство и задумчиво произнесла: «Скорее всего, ты заметил, что в последнее время я провожу много времени в обществе Донси. Разумеется, я немного старше его, но что с того? Наши души редкостно гармонируют; Донси утверждает, что никогда раньше не испытывал ощущение такого единства надежд и стремлений! По его словам, нас ожидают вдохновляющие перспективы. Он отвергает любые сомнения, относящиеся к возрасту, и настаивает на том, что общность интересов и духовная щедрость важнее нескольких быстротечных лет».

«Точнее говоря, нескольких быстротечных десятилетий», – подумал Мирон, но вслух решил задать лишь осторожный вопрос: «Вы серьезно решили связать свою судьбу с этим субъектом?»

Леди Эстер отозвалась задорным девичьим смехом: «Донси – выдающийся джентльмен, привлекательный и образованный. У него безукоризненные манеры; он одевается с поистине космополитической непринужденностью. Да, если он сделает мне предложение, я готова рассмотреть его со всей серьезностью».

«Любопытно!» – подумал Мирон; случайно приобретенная им информация о господине Трузе не соответствовала такому описанию.

Мирон поднялся на ноги: «Мне пора спать. Завтра я займусь экспедициями Онтвилла».

На следующий день, за ужином, леди Эстер поинтересовалась: «Мирон, тебе удалось что-нибудь узнать?»

«У меня начинает складываться общее представление».

«И ты сможешь получить конкретные сведения?»

«Судя по всему, смогу».

Леди Эстер одобрительно кивнула: «У меня тоже хорошие новости! Донси всецело предоставил себя в мое распоряжение. Он наймет команду опытных специалистов, способных безошибочно управлять „Глодвином“. Число членов экипажа будет минимальным. Нас не будут сопровождать никакие праздные пассажиры или дилетанты. Донси возьмет на себя роль капитана и навигатора, но я сохраню, по шутливому выражению Донси, неограниченные полномочия „самодержавной высшей инстанции“. Он настаивает на таком распределении обязанностей, и я согласилась с тем, что мы не будем отступать от этих правил».

«Все же, принимая во внимание все обстоятельства, для меня тоже должно найтись какое-то место на борту! – возразил Мирон. – Я не инвалид и не кретин».

Леди Эстер рассмеялась: «Верно, верно! Ты уже подросток, неплохо выглядишь и закончил курс космологии. Но решение этого вопроса зависит от Донси – набором команды заведует он».

Послышались шаги – кто-то заходил в усадьбу. Леди Эстер повернулась и прислушалась: «Это Донси – он уже здесь. Отведи его в сторону и предложи свою кандидатуру».

«Сейчас же так и сделаю!» – Мирон покинул гостиную и обратился к Трузу, уже снимавшему плащ в фойе: «Насколько я понимаю, вы взяли на себя выбор команды „Глодвина“».

Донси задержался, не отпуская плащ, уже почти висевший на крючке, и свысока взглянул на Мирона; его усики, аккуратно подстриженные по-военному, ошетинились: «Так оно и есть».

«Леди Эстер говорит, что, если я хочу найти место на борту, мне следует просить об этом у вас. Вам наверняка известно, что в Институте я закончил специализированный курс космологии».

Донси улыбнулся и покачал головой: «Не получится, дружище. Я уже заполнил все вакансии квалифицированным персоналом, для тебя просто не осталось места. Очень сожалею – и так далее – но так обстоит дело».

Леди Эстер уже стояла в дверном проеме гостиной. Донси обернулся: «А, вот и вы, моя дорогая! Я только что объяснил Мирону, что экипаж „Глодвина“ уже полностью укомплекто-

ван опытным персоналом». Снова повернувшись к Мирону, он прибавил: «Мы рассматриваем этот полет как рабочую экспедицию и не можем развлекать пассажиров».

Леди Эстер постаралась утешить Мирона: «Как-нибудь в другой раз, когда у нас не будет таких серьезных намерений».

«Да-да, само собой, – откликнулся МIRON. – Жизнь идет своим чередом».

Леди Эстер окинула юного родственника проницательным взглядом: «Ты подозрительно равнодушен. Надеюсь, ты все еще занимаешься последней экспедицией Онтвиллов?»

«Разумеется. Я уже раздобыл самую существенную информацию. Можно сказать, я даже увлекся – меня заинтриговал один второстепенный вопрос».

«Помилуй, МIRON! Меня не интересуют второстепенные вопросы. Будь так добр, сообщи мне вкратце все, что тебе удалось узнать – сию минуту!»

«Еще не время. Остается уточнить пару фактических обстоятельств», – МIRON направился к выходу.

Леди Эстер резко остановила его: «Куда ты собрался?»

МIRON ответил неопределенным жестом: «Э-э... никуда, в сущности. Нужно закончить кое-какие дела».

МIRON удалился из усадьбы Сарбитер, сопровождаемый неодобрительным взглядом леди Эстер. «МIRON ведет себя как-то странно, – сообщила она Донси Трузу. – Вам так не кажется?»

Донси отозвался грубоватым смехом: «Я почти не замечаю Мирона. Не сомневаюсь, что у него самые лучшие намерения, но, по-моему, он в какой-то мере растяпа и размазня».

«Хм! Не уверена, что это так. МIRON приводит меня в замешательство. Он часто кажется мечтательным и даже рассеянным, но у него явно недюжинный интеллект».

«Возможно, – Донси отказывался обсуждать Мирона Тэйни. – У меня хорошие новости! Вся команда нанята – все, как один, матерые космические волки. Через два-три дня они соберутся и будут готовы к вылету».

«Я хотела бы с ними встретиться как можно скорее. Не могли бы вы привести их сюда, в мою усадьбу».

«Конечно, могу. Я все организую и обо всем сообщу».

«Вот и замечательно».

Прошло два дня; все это время МIRON сторонился усадьбы Сарбитер – леди Эстер начала тревожиться. Со стороны Мирона нехорошо было проявлять такую уклончивость! Ведь он прекрасно знал, что она отчаянно нуждалась в самых подробных сведениях – хотя бы для того, чтобы успокоить нервы. Он просто издевался над своей покровительницей, не находившей себе места от нетерпения: взбалмошный юнец, вечно считающий ворон! Следовало поблагодарить судьбу за Донси Труза, надежного, как тихая гавань в бурю. Смелый и решительный, настоящий джентльмен, он не придавал никакого значения разнице в возрасте. Проницательная чувствительность позволяла Донси заглянуть в самую глубину ее внутренней сущности – духовной сущности, жаждущей истинного понимания, не говоря уже о позывах к более непосредственным радостям жизни! Донси: драгоценность, сокровище, нерушимая опора! Она могла положиться на Донси, он был достоин ее доверия.

7

Утром третьего дня МIRON позвонил в усадьбу Сарбитер. Леди Эстер задыхалась от раздражения. «Так что же, МIRON? – выдавила она. – Ты куда-то пропал, а мы сгораем от любопытства! Нас ожидают эпохальные события – как долго ты намерен томить меня в полном неведении? Где ты? Мне нужно поговорить с тобой сейчас же, потому что сегодня вечером ко

мне явится команда „Глодвина“. Если я не смогу даже намекнуть им, куда мы полетим, я буду чувствовать себя последней душой».

«О, не беспокойтесь по этому поводу! Пункт назначения вашего полета существует – более того, я уже несколько дней располагаю этой информацией».

Голос леди Эстер срывался – она с трудом заставляла себя говорить связно: «Тогда почему ты не выполнил прямую обязанность и не сообщил мне эти сведения?»

«Сегодня мы обсудим этот вопрос за обедом, и все станет ясно».

«Ничего подобного! Выбрось обед из головы! – рявкнула леди Эстер. – Сию минуту, будь так любезен, расскажи мне все, что тебе удалось узнать!»

«Сожалею, но еще не время. Вам известна площадь Флуари, к северу от Старого Рынка?»

Лицо леди Эстер надменно вытянулось: «Предпочитаю не бывать в этой части города».

«Сегодня вам придется сделать исключение. Жду вас ровно в полдень под башенными часами Банджера».

Леди Эстер энергично протестовала: «Это совершенно ни к чему! Не понимаю, зачем ты предъявляешь такие требования!»

«Я все подробно объясню, когда мы встретимся».

«Мирон, не будь такой занудой! Квартал площади Флуари – пристанище всевозможного подозрительного сброда, а я стараюсь не нарываться на неприятности. Что за глупости? Что ты придумал?»

«Все очень просто. Я уже заказал столик в ресторане неподалеку».

«Что ж, будь по-твоему! Смотри не опаздывай!»

Мирон прибыл в назначенное место за десять минут до полудня – леди Эстер уже расхаживала туда-сюда под башенными часами. По такому случаю она выбрала один из своих самых впечатляющих нарядов: зеленую накидку, широко расходящуюся в бедрах, и просторные шаровары в зеленую, голубую и черную полоску, заправленные в сапожки из малиновой кожи. Шляпка из серебряной сетки сдерживала ее гнедую шевелюру и служила креплением высокому плюмажу из зеленых перьев – перья покачивались на каждом шагу и роскошно развевались, когда леди Эстер очередной раз поворачивалась на каблуках. Заметив приближение Мирона, она резко остановилась и приветствовала его хриплым пронзительным возгласом: «Наконец ты явился! Почему ты заставляешь меня так долго ждать?»

«Совсем не долго. До полудня еще пять минут».

«Неважно! Все это сплошная чепуха. Уважающие себя люди в этом районе не показываются. И я не вижу поблизости ни одного приличного ресторана! Вижу только порнографическое варьете и собачью парикмахерскую. Там, дальше, лавка, торгующая экзотическими травами и вегетарианскими пилюлями. А здесь какое-то непонятное заведение – что это такое?»

«Это клуб „Кит-Кэт“ – подвальное кабаре, модное среди представителей авангарда. Но пойдемте – наш стол не будет пустовать вечно».

Мирон сопровождал двоюродную бабушку по узкому переулку, ведущему с площади Флуари к речным причалам. Леди Эстер жаловалась всю дорогу: «Куда ты меня ведешь? Я не люблю эксцентричных излишеств! Здесь все вокруг какое-то убогое и неопрятное».

Мирон указал на вывеску, гласившую:

«ЦЫГАНСКАЯ ЖАРОВНЯ ЗАМСКОГО»

«Мы идем сюда. Это достаточно приличное заведение, хотя среди его посетителей попадаются нетрадиционные личности – такие, как вы».

Леди Эстер была польщена таким определением ее характера. «Ладно, – уступила она. – Не могу отрицать, что время от времени позволяю себе безумства. Я обожаю жизнь! Надо полагать, кое-какие чопорные чучела огородные считают, что я не соблюдаю ортодоксальный

этикет. В каком-то смысле это даже комплимент! Боюсь, что тебя, с твоей почти патологической приверженностью к нравственным устоям, никто никогда не назовет нетрадиционной личностью».

Мирон пожал плечами: «Каждому свое».

Они зашли в ресторан и очутились в шумном обеденном зале с высоким потолком и стенами, обклеенными театральными афишами. Официант провел их на открытую террасу, выходящую на реку Чайм, и усадил за столом сбоку, в тени густой листвы лукумуса. Взглянув по сторонам, Мирон заметил, что за столом у перил террасы, как обычно, закусывала знакомая парочка.

В целом леди Эстер осталась довольна тем, что увидела. Каждый из столов, накрытых нарядными скатертями в красную, зеленую или синюю клетку, украшала ваза со свежими цветами. Ей пришлось неохотно признать, что ресторан, по меньшей мере на первый взгляд, выглядел привлекательно: «Но почему нас посадили здесь, в тесном углу под каким-то кустом? Разве нет других свободных столиков? Не забывай: я – солнечное создание! Не могу существовать без света, свежего воздуха, открытых пространств! Можно было бы ожидать, что ты успел привыкнуть к моим причудам и учитывать их!»

«Так как я не договаривался заранее, сегодня мне не смогли предложить ничего лучшего. Другие столы зарезервированы для регулярных посетителей. Вы проголодались? Вот меню. Их фирменное блюдо – отбивная под соусом из тертой мандрагоры. Гуляш очень неплох, и фаршированная каракатица тоже».

Леди Эстер небрежно отбросила меню: «Пусть мне подадут салат и пареных угрей с поджаристыми хлебцами. Можешь заказать бутылку хорошего вина».

Официант принял заказ. Мирон поглядывал на парочку, сидевшую у перил – их легкий обед уже подходил к концу.

«А теперь рассказывай! – приказала леди Эстер. – Мое терпение истощилось. Что ты узнал об экспедиции Онтвиллов?»

«Хорошо. Я зашел в ботаническую библиотеку и просмотрел их записи. Мне удалось найти предложение профессора Онтвилла о финансировании его последней экспедиции, содержавшее расписание выполнения работ и подробное описание маршрута. Кроме того, я просмотрел отчет об обстоятельствах, в которых он погиб. Действительно, профессор был убит десятикилограммовым стручком железного дерева – стручок упал с тридцатиметровой высоты и размозил ему череп».

Мирон продолжал поглядывать на террасу. Теперь интересовавшие его мужчина и женщина пили чай, все еще погруженные в беседу. Мужчина сидел спиной к Мирону и леди Эстер, лица его не было видно. Молодая женщина выглядела немногим старше Мирона. Она носила темно-серую блузу, застегнутую почти до шеи, и брюки из мягкой светло-розовой ткани, плотно облегавшие ее стройные ноги. Красивые, длинные рыжевато-каштановые волосы выгодно оттеняли деликатные черты ее лица. Она сидела, расслабившись в томной позе под яркими солнечными лучами, полуприкрыв глаза темными ресницами и растянув губы в непринужденной улыбке – так, словно все в этой жизни делало ее счастливой и казалось ей забавным. Мужчина наклонился к ней, взял ее за руки и сделал какое-то серьезное замечание. Откинув голову назад, женщина рассмеялась – очевидно, теперь мир представлялся ей забавнее, чем когда-либо.

«Продолжай, Мирон! – потребовала леди Эстер. – Не затягивай рассказ, чтобы произвести драматический эффект».

«Как вам будет угодно. Профессор Онтвилл погиб на планете Нахариус в системе GGP 922 сектора Девы. Судя по всему, госпожа Бетка Онтвилл проходила курс омоложения в местной клинике на этой планете».

«Хммф! Этих сведений может быть достаточно. На что ты все время заглядываешься?», – леди Эстер обернулась через плечо, следуя направлению взгляда Мирона. Мужчина за столом напротив поднял руку женщины к губам и нежно поцеловал ее пальцы. Наклонив голову, женщина тихо произнесла несколько слов. Мужчина вздохнул и посмотрел на часы – по-видимому, им пора было уходить. Мужчина шутливо зарычал и слегка укусил подругу за запястье, как раздраженная собака. Женщина рассмеялась, отдернула руку и сделала вид, что собирается запустить ему в лицо скомканной салфеткой. Он снова схватил ее за руку и притворился, что грызет костяшки ее пальцев. Женщина вскочила на ноги, уронив салфетку на стол – игра закончилась. Глубоко вздохнув, мужчина тоже встал, и любовники стали осторожно пробираться между столиками к выходу. Теперь можно было хорошо рассмотреть лицо мужчины – самодовольно-благодушное, с аккуратно подстриженными щетинистыми усиками: лицо Донси Труза.

Леди Эстер издала нечленораздельный звук – то ли ахнула, то ли крикнула. У нее отвисла челюсть. Она хотела позвать Донси, но не смогла. Слова, застрявшие в горле, душили ее.

Тем временем Труз и его спутница покинули террасу.

Наконец леди Эстер обрела дар речи: «Это Донси! Догони, верни его!»

Мирон покачал головой: «Это было бы нетактично. Донси и его подруга заняты личными делами».

«Нет-нет, догони его! – хрипела старуха. – Узнай, как зовут эту женщину!»

«В расспросах нет необходимости, – возразил Мирон. – Ее зовут Вита Палас – по меньшей мере под этим именем она выступает в кабаре. В кабаре клуба „Кит-Кэт“. Того самого, что на площади Флуари. Именно там Донси с ней познакомился, когда она исполняла канкан в комической бурлеске „Капитан Сукин Сын и Королева Пиратов“. Надо полагать, навыки капитана космической яхты Донси приобрел в этом варьете».

Леди Эстер уставилась на Мирона горящими черными глазами: «Вот зачем ты меня сюда привел! И как давно ты узнал об этой интрижке?»

Мирон задумался: «Предпочел бы, чтобы вы нашли другое объяснение моим действиям».

«И какое же?»

«Так как Донси и его подруга приходят в этот ресторан практически ежедневно, я допустил, что вам придется по вкусу кулинарные шедевры Замского».

«Да уж, я получила редкое удовольствие! – яростно отозвалась леди Эстер. – Пойдем отсюда, не задерживайся».

«Подождите! Я еще даже не попробовал судачков под шубой. Кроме того, я заказал на десерт ромовую бабу, для вас и для себя».

«Забудь про судачков! К дьяволу ромовую бабу! Сегодня вечером Донси приведет свою команду ко мне в усадьбу. Я хочу, чтобы ты был под рукой – на тот случай, если он попытается притворяться невинным простачком. Никогда еще никто не злоупотреблял моим доверием так подло, как этот прохвост! Предатель, чудовище!»

8

Не солоно хлебавши в ресторане, Мирон и леди Эстер решили поужинать пораньше – в алькове у высокого окна, откуда открывалась далекая перспектива до западного горизонта, где заходящее солнце озаряло низкую гряду облаков десятками мрачноватых оттенков – в том числе переливчатых зеленых и голубых, характерных для Вермейзена и приводивших метеорологов в замешательство своей необъяснимостью.

Молодой человек и его двоюродная бабка ели молча. Леди Эстер попробовала персик и раздраженно играла вилкой с сарделькой, приправленной трюфелями. Мирон подкреплялся более существенно, поглощая жаркое-ассорти и ризотто с кедровыми орешками и шафраном.

Отказавшись от десерта, леди Эстер сидела, сжимая пальцами обеих рук чашку с чаем, тогда как Мирон невозмутимо приступил к уничтожению абрикосового пирожного. Небо темнело за окном; ближе к зениту уже сверкало яркое созвездие, получившее на Вермейзене прозвище «Единорога».

Леди Эстер бросила салфетку на стол: «Пойдем! Через десять минут заявится команда „Глодвина“ под предводительством прохиндея Труза».

Но она не спешила вставать: «Мне нечего стыдиться. Труз умеет себя подать и выдвигает убедительные доводы. Конечно, он всему найдет объяснение и будет исключительно красноречив в своем раскаянии. Но теперь я вижу его насквозь: Донси – беззастенчивый позер, не говоря уже о его смехотворных усиках! И все же, что мне остается? Если он искренне извинится и осознает свою вину, как я могу его не простить? Увы, я наивна, как школьница, и никогда не умела твердо отказывать ухажерам. Что ж, посмотрим! Боюсь, что не смогу сдерживать сочувствие, если он честно и смущенно признается в обмане. Обвинять легко – но еще легче прощать. В глубине души я – бескорыстная женщина, щедрая и неспособная не проявить отзывчивость. Какой позор, однако! Как он посмел уделить даже толику внимания этой пустоголовой потаскухе, когда он мог пользоваться всеми преимуществами духовной близости со мной, Эстер Ладжой! Это просто не поддается пониманию!»

Физиономия Мирона выражала сомнение. Он начал было говорить, но осекся.

Несмотря на отчаяние и раздражение, леди Эстер не потеряла привычную наблюдательность: «Ты хотел что-то сказать, Мирон? Было бы любопытно узнать, что ты думаешь».

Подняв брови, Мирон взглянул на потолок: «Я всего лишь хотел заметить, что ваши инстинкты помогут вам распутать этот клубок эмоций».

«Вот еще! – пробормотала леди Эстер. – Твои расплывчатые наблюдения никогда не утешают». Она поднялась на ноги: «Будь так любезен, подожди их в гостинной. Мне нужно освежиться, я скоро к тебе присоединюсь». Она помолчала: «Донси и команда яхты прибудут с минуту на минуту. Попроси Генри подать им выпивку по вкусу. Мне нужно успокоиться».

Мирон задумчиво направился в гостиную. Налив себе стаканчик лучшего коньяка «Фругола», он встал у пылающего камина.

Через пять минут в дверном проеме появился дворецкий Генри. Он церемонно произнес, лишь некоторой гнусавостью тона подчеркивая свое отвращение к происходящему: «Господин Труз прибыл с компанией друзей. Он утверждает, что их ожидают».

«Что поделаешь? Проведите их сюда и дайте им что-нибудь выпить – из обычного набора, разумеется».

«Разумеется, господин Тэйни».

Донси зашел в гостиную; за ним последовали шесть человек – все в типичной одежде астронавтов, неизменной во всех концах Ойкумены. Донси, однако, облачился в униформу, подобную тем, какие любили носить офицеры роскошных пассажирских пакетботов, и состоявшую из темно-синего пиджака с нашивками и блестящими бронзовыми пуговицами, серых выглаженных брюк и мягкой белой фуражки. Посмотрев по сторонам, Донси спросил: «Где же леди Эстер?»

«Она скоро придет. Не хотите ли выпить? Генри приготовит вам напитки по вкусу».

Дворецкий выполнил указания гостей. Донси обратился к Мирону: «Вот наша команда – отличные специалисты. Здесь у нас первый помощник капитана, с ним повар и старший стюард – а также пара техников и помощники стюарда. Вполне достаточно для „Глодвина“, насколько я понимаю».

Мирон вежливо поздоровался с присутствующими и сказал: «Леди Эстер потребует, чтобы вы представили свои рекомендации. Надеюсь, вы взяли их с собой?»

Донси Труз резко вмешался: «Не беспокойся – я обо всем позаботился».

Мирон усмехнулся – прищурившись, Донси бросил на него пронзительный взгляд, но не успел ничего сказать: Мирон уже отвернулся, чтобы налить себе еще коньяку.

Прошло несколько минут. Наконец показалась леди Эстер. Она переделалась в темно-красную блузу с короткими рукавами поверх развевающегося длинного платья в желтую, красную и черную полоску, а шевелюра ее была повязана темно-красной широкой лентой.

Донси шагнул ей навстречу и галантно приподнял фуражку: «А, моя дражайшая леди! Вы наконец почтили нас своим вниманием – и, должен сказать, вы сногшибательно выглядите в этом чудесном платье!»

Леди Эстер стояла неподвижно, как столб, переводя взгляд с лица на лицо. Она покосилась и на Мирона – тот скорчил смущенную гримасу.

Донси продолжал: «Вот наша команда. Все – специалисты высшей квалификации. Позвольте представить вам помощника капитана Этвина и главного механика Фёрта. Алоис де Грасси – наш повар, а с ним – Вита Палас, она будет выполнять обязанности стюарда. Далее...»

Леди Эстер проговорила низким густым голосом, полным готовых взорваться эмоций: «Донси, не могу найти слов, чтобы выразить свои чувства. Ты – отвратительное насекомое, прячущееся от солнечного света под заплесневелым камнем. Ты пытаешься проташить свою шлюху на борт моей космической яхты – у меня под носом! Это невероятное оскорбление – меня разбирает смех и в то же время тошнит! Твоя низость безгранична – даже воздух в моей гостиной наполнился вонью твоей разлагающейся душонки!»

Донси притворился ошарашенным: «Не понимаю, какое...»

«Молчать!» – рявкнула леди Эстер. Повернувшись на каблуках, она смерила взглядом с головы до ног Виту Палас, с безукоризненной скромностью одевшуюся в серую юбку, бежевую блузу, полуботинки и небольшую белую шапочку, под которой она уложила заплетенные косой тонкие светло-коричневые волосы. «Змея подколотная! – ласково сказала ей леди Эстер. – С нравственными представлениями бродячей кошки. Возможно, ты не проститутка – но кто и как подтвердит, что это не так?»

«Постойте-ка, постойте! – взорвалась Вита Палас. – С чего это вы взяли меня поносить? Взгляните на себя – трухлявое чучело, выкрашенное охрой! Знаю я вас, набитых деньгами старых нимфоманок! Дребезжащий скелет, пропитанный желчью и завернутый в морщинистый пергамент! Твои-то нравственные представления давно смыло в канализацию – окружила себя танцующими альфонсами да сутенерами и вообразила невесту что! Не смей меня оскорблять, а не то сорву парик с лысины и заявлю во всеуслышание, что я на самом деле про тебя думаю! Ох, тебе это не понравится – весь твой кривой длинный клюв посинеет!»

Леди Эстер повернулась к дворецкому: «Генри, выдворите Донси и эту потаскуху из моего дома! Если они попробуют сопротивляться, подозреваю, что Мирон с удовольствием надаст им по шее. Не правда ли, Мирон?»

«Думаю, они сами уберутся подобру-поздорову, – примирительно отозвался Мирон. – Кстати, не забудьте выгнать двух помощников стюарда – это комические танцоры из клуба „Кит-Кэт“».

Донси подал знак Вите Палас: «Пойдем! Оставаться здесь значило бы унижать наше достоинство. Старуха явно спятила».

«Один момент! – звенящим голосом остановила их леди Эстер. – Хочу, чтобы вы знали о моем решении». Повернувшись к Мирону, она спросила: «Насколько мне известно, ты закончил курс космологии и знаешь Ойкумену вдоль и поперек?»

«В какой-то мере это так», – неуверенно подтвердил Мирон.

«Можешь ли ты проложить курс „Глодвина“?»

«Несомненно – постольку, поскольку автопилот исправно функционирует».

«Прекрасно! – заявила леди Эстер. – Я назначаю тебя капитаном „Глодвина“. Сделай все необходимые приготовления к полету». И снова она вихрем повернулась лицом к Донси Трузу: «Вот так! Что ты об этом думаешь, неблагодарный изменник?»

Донси дернул себя за ус: «Я всегда думал и продолжаю думать, что вы – взбалмошная старуха, слегка не в своем уме».

«Генри, вышвырните их вон!»

«Будьте любезны, следуйте за мной», – церемонно поклонившись, сказал Трузу дворецкий.

«А как же мы? – возмутился главный механик. – Этот тип, Труз, нанял нас по списку, вывешенному в космопорте».

«Передайте Генри свои адреса и телефонные номера; кроме того, оставьте у меня рекомендации – если они вам не понадобятся до завтрашнего дня. Я просмотрю их утром. Спокойной ночи».

Астронавты удалились вслед за Трузом и его друзьями. Леди Эстер и Мирон остались в гостинной одни.

«А теперь, Мирон, – сказала леди Эстер, – слушай меня внимательно. Тебе предстоит управлять „Глодвином“ – так, чтобы я чувствовала себя удобно, чтобы меня ничто не раздражало, чтобы я была в безопасности. Я хотела бы, чтобы мое путешествие было приятным».

«Надеюсь, так оно и будет», – осторожно ответил Мирон.

«Очень хорошо. Что ж, теперь ты капитан – то есть олицетворение власти. Тебе больше не подобает бесцельно шляться по углам и подсматривать в замочные скважины. Научись держаться как следует! Расправь плечи! Говори громко и разборчиво! Кроме того, тебе придется самостоятельно принимать решения – не хочу, чтобы мне докучали бесконечными заботами и жалобами. Ты – капитан, по мере необходимости проявляй твердость. У тебя в руках будет настоящая власть – пользуйся полномочиями бескомпромиссно и ни перед кем не извиняйся. Ты все понимаешь?»

«О да, все это ясно и понятно».

«Гм! В тебе не заметно никаких признаков воодушевления», – заметила леди Эстер.

Мирон отозвался нервным смешком: «Обязанности капитана связаны с определенными трудностями. Мне придется подумать о том, как их преодолеть».

«Хммф! – леди Эстер пожала плечами. – Постольку, поскольку мы прибудем в пункт назначения, и по пути я не умру от скуки и неподвижности, у нас не должно быть никаких особенных затруднений. И, само собой, в свое время я хотела бы вернуться в усадьбу Сарбитер в целостности и сохранности, а также – надеюсь – полная энергии, надежд и новых впечатлений, даже если с омоложением ничего не получится».

«Нам предстоит любопытное путешествие», – сказал Мирон.

Глава 2

1

Вылетев из космопорта Саалу-Сейна, «Глодвин» пронзил облака и вырвался в космос. За кормой всплыло солнце Вермейзена – Дианте.

Леди Эстер наблюдала за тем, как Вермейзен превращался в небольшой диск, а затем – в святающуюся точку. Глубоко вздохнув, она отвернулась от иллюминатора: «Когда видишь, как твоя родная планета и твое солнце пропадают в бесконечном пространстве, возникает ощущение одиночества и необратимости. Не могу даже выразить свои чувства».

Мирон ответил с тяжеловесной важностью, каковую он невольно напустил на себя под бременем капитанских полномочий и под влиянием капитанской униформы: «Вам следовало бы наслаждаться удобствами чудесной космической яхты, надежно защищающей вас от вакуума – так же, как парусная яхта предотвращает погружение в темную бездну океана».

Леди Эстер словно не слышала его: «Когда мы смотрим на закат, трагедия наступления темноты сменяется уверенностью в том, что завтра снова взойдет солнце. А теперь мне кажется, что впереди – только мрак пустоты, на веки вечные...»

Мирон заставил себя рассмеяться: «К чему такая гнетущая символика? Смотрите, вот диван! Садитесь, устраивайтесь поудобнее. Я попрошу стюарда принести аперитивы».

«По меньшей мере это конструктивный подход, – согласилась владелица яхты. – А как мы узнаём, что наступило время ужинать?»

«Все очень просто. Бортовые часы показывают то же время суток, что и в Саалу-Сейне, и мы будем придерживаться этого времени, пока не появится какая-нибудь причина для изменения расписания. Таким образом, обед подадут примерно через час».

Леди Эстер кивнула: «Хотя бы это нас немного развлечет».

Мирон хотел было ответить, но решил промолчать.

Обед подали в главном салоне – леди Эстер находила относительно простую судовую кухню скучноватой. После еды Мирон объяснил повару Алоису, что леди Эстер нуждалась в более изощренном меню из нескольких блюд – хотя бы для того, чтобы развеять скуку, навязанную монотонностью жизни на борту звездолета.

«Так тому и быть! – заявил Алоис. – Блюда будут подаваться в классической последовательности! Она познает все величие моего искусства!»

«Замечательно! – отозвался Мирон. – По меньшей мере одна проблема решена».

Леди Эстер не любила читать, в связи с чем Мирону пришлось играть с ней в карты и в триктрак, причем леди Эстер настояла на том, чтобы они делали довольно-таки существенные ставки. Мирон не возражал против этого условия – в той мере, в какой ему удавалось выигрывать так же часто, как проигрывать. Через некоторое время навыки Мирона отточились, он стал постоянно выигрывать, и леди Эстер потеряла интерес к азартным развлечениям.

Полет продолжался. Леди Эстер обнаружила, что у нее было гораздо больше свободного времени, чем обычно, а это никак не вязалось с ее непоседливым темпераментом. Она капризничала: «В самом деле, Мирон, я не представляла себе, что космический полет может быть таким невыносимо скучным! Мне нечего делать, я только и делаю, что ем и сплю! Расписание никогда не меняется. Кажется, я уже впадаю в кататоническое состояние».

Проявляя такт и деликатность, Мирон пытался относиться к ее жалобам с чувством юмора: «Многим нравится бездействие. Покой дает время собраться с мыслями. Некоторые учатся играть на музыкальных инструментах. Кстати, я припоминаю, что где-то в шкафу у нас завалился аккордеон».

Леди Эстер поджала губы: «Мирон, иногда тебе в голову приходят на удивление идиотские идеи. Кажется, это называют „бафосом“».

«Не совсем так. „Бафосом“ называют попытку придать нелепости чрезмерное или возвышенное значение. Хотя, пожалуй, предложив вам учиться играть на аккордеоне, я позволил разыграться своему воображению».

Леди Эстер его не слушала. Она задумчиво произнесла: «Донси – неблагодарное чудовище и бесстыдный обманщик, ему нет прощения. Несмотря на все, однако, он умел меня развлекать. Не могу сказать, что сожалею о том, что изгнала его из моей жизни, но, если бы он оказался здесь, он немедленно принял бы меры к тому, чтобы развеять мою скуку».

«Насколько я помню, он назвал вас взбалмошной старухой».

Леди Эстер печально улыбнулась: «Так оно и было. Но он это сказал в приступе раздражения. Ладно! Так или иначе, думаю, что мне не помешала бы компания нескольких веселых гостей. В данный момент „Глодвин“ – вместилище социального вакуума в космическом вакууме. В самом деле, Мирон, ты мог бы предусмотреть возникновение такой проблемы».

«Не возлагайте вину на меня! – возмутился Мирон. – Вы сами настояли на том, чтобы не было никаких пассажиров – на том основании, что они стали бы действовать вам на нервы. Вы обозвали их оппортунистами! Вы сказали, что вам больше всего на свете хочется спокойно отдохнуть. А теперь, когда вы можете отдыхать сколько угодно, вам хочется чего-то другого».

«Отдых и безмозглая апатия – разные вещи! – с достоинством ответила леди Эстер. – Ты приписываешь мне намерения, которых у меня не было».

«Ничего подобного! Я всего лишь хочу напомнить о действительности прежде, чем меня распнут или сожгут заживо».

«Вот именно, Мирон, на забывай о действительности. Ты давно уже восхвалял радости и романтику космических странствий. И вот я здесь, посреди бесконечной пустоты, и спрашиваю себя: где же эти радости? Где романтика?»

Мирон указал на иллюминатор: «Взгляните на звезды! Смотрите, как они проплывают мимо. Разве это не самое романтическое зрелище из всех возможных?»

Леди Эстер поежилась: «Звезды страшно далеко. Космос полон молчаливого мрака. Там, в вечной темноте, в вечном холоде, блуждают и беззвучно страдают души умерших».

«Чепуха! – фыркнул Мирон. – Ничего такого там нет! Подойдите, взгляните сами!»

Леди Эстер упрямо трясла головой: «Если я туда посмотрю, а оттуда на меня уставится пучеглазое исчадие ада, бормочущее и корчащее рожи, я начну визжать и никогда не перестану».

Мирон опасливо покосился на иллюминатор: «Странная, зловещая мысль!»

Леди Эстер опустилась в одно из кресел: «Принеси „Фруголу“, налей нам по стаканчику. А потом садись – я хотела бы, чтобы ты кое-что мне объяснил».

Мирон налил коньяку и осторожно присел: «Да? Что нуждается в объяснении?»

«Все очень просто. Насколько я понимаю, тебе известен наш пункт назначения?»

«Несомненно. Мы летим к Нахариусу».

«И тебе известны точные космические координаты этой планеты?»

«Да, известны».

«Кроме того, ты мог бы заставить двигатели перемещать эту яхту с огромной скоростью – гораздо быстрее, чем она движется сейчас, не так ли?»

«И да, и нет. Это сложный компромисс, рассчитанный автопилотом. Чем медленнее мы летим, тем точнее прокладывается курс. Мы вполне могли бы лететь в сто раз быстрее, но по возвращении в обычное пространство звездолет мог бы оказаться где угодно, и только по счастливой случайности – поблизости от Нахариуса. Неизбежная неопределенность принципов функционирования гиперпространственных двигателей делает очень высокие скорости

практически нецелесообразными. Автопилот рассчитывает оптимальное соотношение, а продолжительность космических полетов, как правило, всех устраивает».

«Эта система нуждается в усовершенствовании!» – заявила леди Эстер и жестом дала понять, что желает еще коньяку.

«Вы уверены в том, что вам не хватит? – спросил Мирон. – Вам пора одеваться к ужину».

Леди Эстер застонала и нахмурилась: «Иногда, Мирон, ты ужасно надоедлив». Она выбралась из кресла: «Действительно, мне пора переодеться. Сегодня вечером на мне будет зеленый и алый костюм в стиле „фанданго“ – это меня утешит, и мы великолепно поужинаем!»

«Прекрасная мысль!» – не слишком убежденно отозвался Мирон.

На следующий день леди Эстер завтракала у себя в каюте. Мирон не видел старуху несколько часов, после чего обнаружил ее в рубке управления – владелица яхты была увлечена разговором с первым помощником.

«Ага, Мирон! – воскликнула леди Эстер, заметив двоюродного внука. – Наконец ты соблаговолил появиться! Первый помощник и я просматривали навигационные карты и заметили, что неподалеку, чуть в стороне от нашего курса, есть населенный мир под наименованием „Заволок“. А его солнце... – она повернулась к помощнику капитана. – Как называется эта звезда?»

Первый помощник нажал кнопку, и на экране засветилась схема: «Звезда Модвелла, система JN-44 в секторе Льва. Вот она, капитан! Пятая планета – Заволок!»

Леди Эстер деловито произнесла тоном, не допускающим возражений: «Мирон, мы приземлимся в космопорте Заволока, так как я хочу немного размяться – и, может быть, найдем какое-нибудь местное празднество, какую-нибудь ярмарку, где будут играть веселую музыку и устраивать развлечения. Я хотела бы также сделать кое-какие покупки – может быть, что-нибудь причудливое или оригинальное попадет на рынке или в каком-нибудь другом месте, где местные жители продают свои поделки».

Мирон спросил помощника: «А вы заглядывали в „Путеводитель“?»

«Еще не заглядывал, капитан».

Мирон подошел к столу, раскрыл толстый том в красном переплете и нашел статью, посвященную Заволоку. Наскоро просмотрев перечень физических характеристик, он внимательно прочел напечатанный мелким шрифтом раздел под заголовком «Прочие примечания». В «Путеводителе по планетам» – справочнике, знаменитом осторожностью формулировок – Заволок описывался как «непривлекательный мир, где небо вечно затянуто низкими темными тучами, часто порождающими траурные завесы морозящего дождя. Сплошной облачный покров изолирует планету, в связи с чем резкие перепады температуры почти не наблюдаются где-либо на ее поверхности. Несмотря на это и вопреки наличию нескольких пригодных для жизни континентов, население сосредоточено в районе, окружающем город Фладжарет. Заволок не отличается приятными для глаз видами, и любопытство редких туристов вызывают лишь еженедельные собачьи схватки».

В отсутствие какой-либо достопримечательной растительности на Заволоке преобладают суровые пейзажи, и даже горы кажутся не более чем угрюмыми гигантскими отвалами шлака и щебня. Поверхность океанов поросла плотным влажным покровом водорослей почти полуметровой толщины. Эти «маты», плоские, как бильярдный стол, простираются от горизонта до горизонта. Водоросли насыщают атмосферу кислородом и служат убежищем и пищей бесчисленным роящимся насекомым. Говорят, что выкрутасы красных с желтыми узорами жуков, так называемых «перекати-матов», в какой-то степени забавны, равно как и дисциплинированные маневры мониторов-фомориев. Собравшегося прогуляться по «мату» путешественника предупреждают, однако, о том, что укус голубого хлыстохвоста может оказаться смертельным,

и что тучи кровососущего гнуса, крылатых личинок, поскребышей и прочих паразитов невыносимы без применения особых мер предосторожности.

Крупнейший город планеты, Фладжарет – центр обслуживания персонала близлежащих рудников; сами по себе рудники, по сути дела – единственная причина, заставляющая еще не выжившего из ума человека жить на Заволоке, потому что еда здесь отвратительна, так же как и местное пиво, которое варят, согласно циничным слухам, из океанских водорослей. Самым популярным развлечением на Заволоке служат регулярные собачьи схватки, вызывающие у публики страстные взрывы эмоций. Эти зрелища нередко сопровождаются массовыми потасовками зрителей – в них радостно участвуют стаи бродячих псов, кусающих всех подряд без разбора.

В давние времена на провинившегося злоумышленника здесь надевали сапоги, кожаные шорты и респиратор, после чего отвозили на заранее определенное расстояние по водорослевому «мату». Чем более вопиющим было правонарушение, тем дальше выдворяли преступника, хотя никто не заслуживал кары, большей, чем изгнание на восемь километров – любое дальнейшее приращение расстояния считалось излишним. В настоящее время подобному наказанию подвергаются только лица, совершившие нападения на агентов МСБР, причем в таких редких случаях нарушителя высаживают в самом центре океанского «мата» – что служит достаточным предупреждением для всех заинтересованных лиц.

Сексуальные нравы Заволока носят самый необычный и сложный характер, и мы не можем анализировать их в рамках краткой справочной статьи. Посетителя планеты, однако, строжайшим образом предупреждают ни в коем случае не пытаться завязывать интимные отношения с местными женщинами, так как подобные авансы чреваты исключительно неприятными последствиями, вплоть до принудительного брака с женщиной, послужившей предметом вождений, или даже с ее матерью».

Пытаясь оградить себя от возможных дальнейших упреков, Мирон настоял на прочтении вслух всего описания Заволока в присутствии леди Эстер. Как он и ожидал, она пропустила мимо ушей почти все «прочие замечания» и, когда Мирон спросил ее, намерена ли она, несмотря ни на что, остановиться на этой планете, леди Эстер раздраженно обронила: «Конечно! И как можно скорее!»

2

Заволок становился все больше: огромный шар, окутанный серым туманом, не позволявшим различить никаких физиографических контуров. Датчики на борту «Глодвина» определили местонахождение космопорта Фладжарета, и яхта погрузилась в ярко светящийся туман, вынырнув из него на высоте примерно одного километра. Внизу показались горы – хаотичные нагромождения черного и серого камня; чуть поодаль начинался бархатный водорослевый покров океана, местами расчерченный бледно-голубыми прожилками.

Глядя в иллюминатор, леди Эстер презрительно шмыгнула носом и неприязненно покосилась на Мирона: «Возникает впечатление, что на этой планете нет ничего радостного или волнующего».

Мирон пожал плечами: «Как вы могли заметить, в „Путеводителе по планетам“ подчеркивается унылый характер этого мира. Может быть, вам понравятся собачьи схватки».

Леди Эстер поджала губы, но больше ничего не сказала.

«Глодвин» опустил на посадочное поле перед космическим вокзалом Фладжарета. Как только закончились иммиграционные формальности, леди Эстер и Мирон отправились посмотреть на город. Широкий прямой проспект соединял космопорт с центром Фладжарета, а затем, минуя ряд бетонных административных зданий, долго поднимался по пологому склону среди беспорядочно разбросанных серых валунов к мрачноватым промышленным сооруже-

ниям, окружавшим рудники как таковые. Дальше виднелись лишь хребты и пики обнаженной серой породы.

В городе не было ничего привлекательного и никаких архитектурных достопримечательностей: все строения из плавленого камня отличались бескомпромиссной прямоугольной конструкцией. С одной стороны проспекта по склону холма поднимались террасами кубические серые коттеджи; с другой находились здания покрупнее – склады и мастерские, а также внушительных размеров стадион с большой вывеской под крышей. Слева на вывеске был изображен огромный взъерошенный мастифф, вставший на задние лапы и обнаживший клыки; справа с не меньшим озлоблением ощерился другой пес. Между псами красовалась надпись:

«СПОРТИВНАЯ АРЕНА НАК-НАК».

Там, где проспект выходил на центральную площадь, возвышался отель «Аполлон»; по периметру площади теснились небольшие лавки и магазины. Быстро переходя от одной лавки к другой, леди Эстер критически изучала товары, ощупывая кое-какие образцы. Она не увидела почти ничего, что могло бы ей понравиться. В магазине готового платья она нашла юбку из собачьих зубов, нанизанных на переплетенные нити и создававших таким образом весьма необычную ткань. Рассмотрев со всех сторон эту ни на что не похожую юбку, несомненно обещавшую вызвать оживленные пересуды, если бы она явилась в ней на званый ужин в Саалу-Сейне, в конце концов леди Эстер решила, что слишком тяжелый материал не смог бы грациозно облегать ее ноги.

В следующем магазине торговали пищевыми продуктами: маленькими горьковатыми кумкватами, печеньем из прессованных медовых гусениц, коробками с дрожжами, длинными связками мириаподов, выловленных живыми из прорубей в водорослевых «матах», утомленных формальдегидом, а затем высушенных и закопченных дымом тлеющих водорослей. Шокированная неожиданной атакой грубых запахов, леди Эстер отшатнулась и поспешила выйти. В лавке по соседству ее внимание привлекла выставка маленьких, примитивно вырезанных из камня изображений приземистого коротконового человечка, выставившего вперед большую неуклюжую голову, присевшего и пригнувшегося. Леди Эстер подняла одну из фигурок, заинтригованная ее злобной усмешкой. Она не понимала, кому понадобилось заниматься изготовлением столь отвратительных изображений – и кто стал бы их покупать, кроме, пожалуй, инопланетных туристов? Хозяйка заведения, такая же приземистая, как ее статуэтки, с такими же крупными чертами лица, ринулась к посетительнице, назидательно покачивая указательным пальцем: «Это мастерское изделие – исключительно редкое и дорогостоящее! Я уступлю его за сходную цену, потому что вы мне нравитесь!»

«Как это может быть редкостью? – не поверила леди Эстер. – Я взяла фигурку с подноса, на котором валяются еще тридцать таких же!»

«Но вы не видите их глазами знатока! Это воплощение эффрита, свергающего громовые камни с горы Гарр! Такой амулет приносит особую удачу – он помогает делать выигрышные ставки на собачьих схватках! Но кто я такая, чтобы судить о капризах удачи? Мне нужны деньги, я уступлю вам эффрита за смехотворную цену – всего двадцать сольдо!»

Леди Эстер потрясенно, с негодованием уставилась на торговку: «Вот уж действительно смехотворная цена! У вас нет ни стыда, ни совести – вы решили заломить первую попавшуюся сумму за паршивую серийную поделку! За кого вы меня принимаете? Это же просто какое-то оскорбление!»

«Подумаешь! Я оскорбляю людей получше вас по двадцать раз в день. Меня это нисколько не затрудняет – можно сказать, я даже получаю от этого удовольствие».

Леди Эстер вынула из сумочки монету: «Вот цена, которую я готова уплатить за эту противную безделушку – и только для того, чтобы получить удовольствие, рассказывая знакомым о вашем жалком заведении».

«Еще чего! – ощерилась торговка. – Берите ее бесплатно – хотя бы только для того, чтобы вы не могли похвалиться тем, что превзошли меня благородством. Берите – и убирайтесь!»

«Почему нет? Я так и сделаю. Будьте добры, заверните ее во что-нибудь приятное для глаз».

«У меня есть дела поважнее».

Леди Эстер уронила фигурку в открытую сумочку и гордо удалилась из лавки. Мирон задержался, чтобы положить монету достоинством в одно сольдо на поднос, где лежала статуэтка. Хозяйка, снова усевшаяся на высокий табурет за прилавком, безразлично наблюдала за его действиями, не высказывая никаких замечаний.

Выйдя на площадь, леди Эстер остановилась и принялась обозревать окрестности. Город Фладжарет, на фоне серых гор и непрерывной пелены туч, производил впечатление испещренной сложными контурами одноцветной фотографии. По проспекту медленно ехали пять или шесть машин. Кое-где на площади можно было заметить редких пешеходов: хмурых чернородых коротышек, топавших по тротуарам в сопровождении толстозадых женщин в черных сапогах до колен и широкополых шляпах. Женщины эти вышагивали важно и тяжеломерно, словно исполненные внутреннего величия. Они не смотрели по сторонам. Пока леди Эстер разглядывала фасад отеля, на нее случайно наткнулась одна из проходивших мимо матрон. Отступив на шаг, раздраженная леди Эстер высокомерно подняла брови. У дородной местной жительницы, среднего возраста, было широкое лицо с близко посаженными черными глазами и большой бородавкой на щеке. Две женщины холодно смерили друг друга взглядами с головы до ног, после чего каждая с достоинством отвернулась, и горожанка продолжила свое шествие.

«Неряшливая образина! А шляпа? Курам на смех!» – заметила леди Эстер к сведению стоявшего рядом Мирона.

Уходя, горожанка тоже что-то пробормотала на ухо супругу. Оба задержались, чтобы обернуться и получше разглядеть леди Эстер, после чего протопали дальше по тротуару, ухмыляясь до ушей.

Этот эпизод вызвал у леди Эстер приступ возмущения: «Если бы не мое благородное происхождение, я бы показала этой беспардонной самке, где раки зимуют! Я не привыкла к подобной наглости!»

«Зачем волноваться? – попытался ее успокоить Мирон. – Они не заслуживают такого внимания».

Продолжая прогулку вокруг площади, Мирон и его двоюродная бабка приблизились к кафе перед входом в отель «Аполлон». Шесть небольших столиков были расставлены вдоль узкой террасы, каждый под поблекшим зонтом из красных и синих секторов, защищавшим посетителей от моросящего дождя, а не от солнца, которое здесь никогда не светило. Два столика были заняты. В дальнем конце террасы пара стариков в черных шерстяных пальто сгорбились над выпускающими пар кружками с каким-то горячим варевом. За другим столиком сидел самоуверенный молодой человек с пушистыми черными усами, густыми черными кудрями и блестящими карими глазами – судя по одежде, чужестранец. Мирон поздоровался с ним вежливым кивком и присел за соседним столиком. Тем временем леди Эстер отправилась инспектировать лавочки, приютившиеся в крытой галерее, тянувшейся вдоль отеля.

Подошел официант. Небрежно смахнув со столика дождевые брызги полотенцем, перекинутым через сгиб локтя, он разглядел Мирона с головы до ног: «Так что же? Чего пожелаете?»

«Не могу сказать, пока не увижу меню».

«Нет у нас никакого меню – а даже если есть, оно где-то внутри, и мне неохота за ним ходить. Говорите, что вы хотите заказать, и дело с концом!»

«Как я могу сделать заказ, если еще не знаю, что вы можете предложить?»

«Как хотите, дело ваше, – сказал официант. – Почему я должен что-то решать за вас?»

Мирон указал на двух стариков в дальнем конце террасы: «Что они пьют?»

«Наш фирменный „пунш удачи“. Рекомендуются тем, кто намерен делать ставки на собак».

Молодой человек, сидевший за соседним столиком, посоветовал: «Не заказывайте пунш. Его варят из хвостов дохлых псов».

«Благодарю за предупреждение, – отозвался Мирон. – А что у них можно пить?»

«Все, что у них есть, пить невозможно. Чай напоминает вазелин. Кофе заваривают жжеными волосами и птичьими перьями, а уж о горячительных напитках лучше даже не упоминать. Детям они подают светлое пиво – вот его я и пью. Дрянь порядочная, но все остальное еще хуже. Кстати, он не показал вам меню, потому что собирается содрать с вас по три сольдо за бутылку пива, тогда как на самом деле ей красная цена семнадцать грошей».

Мирон повернулся к помрачневшему официанту: «Принесите мне две бутылки пива по семнадцать грошей».

«А что вы будете есть?»

Инопланетянин снова пришел на помощь: «Закусывайте только импортрованными бисквитами и сыром. И потребуйте, чтобы тарелки предварительно вымыли».

«Мы попробуем бисквиты с сыром, – сказал официанту Мирон, – по цене, указанной в меню, и на чистых тарелках. Если это вас не затруднит».

«За чистые тарелки взимается наценка. Только таким образом можно компенсировать затраты на посудомоечную машину». Официант удалился.

Инопланетянин за соседним столиком поднялся на ноги: «Не позволите ли к вам присоединиться?»

«Пожалуйста», – без особого энтузиазма согласился Мирон.

Молодой человек уселся напротив Мирона и представился: «Меня зовут Марко Фассиг – по меньшей мере так меня называют вежливые люди. Я был владельцем космического корабля, но теперь у меня его нет».

«Рад с вами познакомиться, – натянуто ответил Мирон. – Я – Мирон Тэйни, капитан космической яхты „Глодвин“».

«Очень приятно слышать! – заметил Марко Фассиг. – А кто ваша спутница? Надо полагать, она не ваша супруга?»

Мирон остановил на лице Фассига ледяной взгляд, полный недоверия и отвращения: «Конечно, нет! Абсурдное предположение! Это моя двоюродная бабка, леди Эстер Ладжой, владелица яхты „Глодвин“».

Марко Фассиг добродушно рассмеялся: «Зачем так обижаться? Вы же не вчера родились! Случаются гораздо более странные вещи».

«Не со мной», – брезгливо заверил его Мирон.

Прибыл официант с пивом, бисквитами и сыром. Марко Фассиг взглянул на тарелку и обратил на нее внимание официанта: «Взгляните! Это не мытая тарелка, вы не сможете получить наценку за мытье посуды».

«По-моему, она достаточно чистая».

«На ней крошки, следы какого-то жира и отпечатки чьих-то пальцев».

«Я недосмотрел. В любом случае, какая разница?» Официант вывалил бисквиты и сыр на стол, вытер тарелку полотенцем, снова положил на нее бисквиты с сыром и галантно поставил тарелку перед Мироном: «Вот, пожалуйста – чистая тарелка и все такое. Ешьте или не ешьте – цена одна и та же».

«Мне придется это есть, но я не одобряю такое обслуживание и наценку платить отказываюсь».

«Еще чего! – заартачился официант. – В таком случае с вас причитаются двойные чаевые».

Леди Эстер вернулась из торгового пассажа, присела за столик и вопросительно взглянула на Марко Фассига: «А это кто?»

«Трудно сказать с уверенностью, – пожал плечами Мирон. – Перелетная птица, если можно так выразиться – это все, что я о нем знаю». Обратившись к Фассигу, он сказал: «Извините меня за откровенность, Марко, но я не так наивен, как может показаться с первого взгляда. Теперь вы можете вернуться за свой столик, так как леди Эстер и мне нужно обсудить несколько важных вопросов».

«Не спеши, Мирон! – воскликнула леди Эстер. – Иногда я просто тебя не понимаю! Перед тобой молодой человек приятной наружности, он очевидно может рассказать что-нибудь интересное – а ты хочешь сразу от него избавиться?» Она повернулась к Фассигу, наблюдавшему за происходящим с благодушной усмешкой: «Расскажите нам о себе, Марко. Что вас привело в эту чертову дыру, навязанную мне Мироном?»

«Не следует винить Мирона – он очевидно делает для вас все, на что способен. Что рассказать о себе? В сущности я – бродячий философ, знаток всего изысканного и прелестного, в том числе прекрасных женщин, знающих толк в жизни. Все мое существование – ряд кульминаций, сменяющихся кратковременными периодами размышлений, посвященных достижению чудесной мечты».

«Как занимательно! Но Заволок – скучнейшая из планет! Как случилось, что вы предаетесь размышлениям и мечтам именно здесь?»

«На то есть две причины – или, скажем, к такому результату привели две параллельные последовательности событий, одна – духовного характера, а другая – практического. Взаимодействуют две силы, оказывающие влияние то поочередно, то совместно. Мои рассуждения приводят вас в замешательство? Возникает впечатление, что Мирон чем-то огорчен».

«Не обращайтесь внимания – Мирон напускает на себя важность. Пожалуйста, продолжайте разъяснения».

«Я уже упомянул, в общих чертах, о первой составляющей моего нынешнего положения. Возможно, это не более чем упражнение в самодисциплине, но когда передо мной не открываются никакие перспективы, кроме утомительной скуки, я заставляю себя погружаться в метаморфическое состояние. Если можно так выразиться, превращаюсь в куколку, из которой, в конечном счете, снова появляюсь на свет, обновленный и преображенный – и жизнь представится мне тем более великолепной, чем более безнадежной она казалась мне прежде. Невозможно отрицать, что это безрассудный, рискованный способ существования. Предпочитаю думать о себе как о первопроходце, плывущем по океану романтических переживаний, время от времени вынужденном непредсказуемыми бурями находить пристанище в тихой гавани, где можно встретить родственную душу».

«Потрясающе! – заявила леди Эстер. – Ваше мироощущение исключительно любопытно – не в последнюю очередь потому, что оно во многом сходно с моим собственным. Но объясните мне другую, практическую причину вашего пребывания на Заволоке».

«Хорошо – мне нечего скрывать. Человек по имени Госс Джильстра и я были совладельцами небольшого космического судна. Занимались мы, главным образом, перевозкой фруктов. Обычно нам удавалось ладить друг с другом, но в конце концов наступил день, когда мы уже не могли согласиться по поводу дальнейших планов. После того, как наш звездолет, „Прелестная Бороина“, приземлился во Фладжарете, для каждого из нас настало время идти своей дорогой, но ни один из нас не мог выкупить долю другого, так что мы договорились предоставить на волю случая решение о том, кому достанется, со всем ее содержимым, „Прелест-

ная Борина“. Испытать судьбу можно было десятками различных способов, но, раз уж таково местное повальное увлечение, мы поставили все на собак. Джильстра доверился хромому псу по имени Смог, а я выбрал волкодава по прозвищу Халтурщик. Началась схватка, и сразу стало ясно, что подлый Смог не умеет честно драться. Он притворился, что упал, бросился на Халтурщика снизу и вырвал у него печень, но отважный Халтурщик успел раскусить противнику яремную вену – оба пса сдохли, и схватка закончилась вничью. На какое-то время мы с Госсом растерялись – что делать? Пришлось поставить все наше имущество на карту – точнее, на три карты: каждый из нас должен был по очереди вытащить из колоды по одной карте три раза, и тот, у кого после этого на руках оставалось больше очков, считался победителем. В первый заход я вытащил девятку, а Госс, к его величайшему сожалению – тройку. Затем я вытащил восьмерку – то есть у меня на руках было уже семнадцать очков, тогда как Госсу пришлось довольствоваться семеркой, то есть, в сумме, тем, что называется „десяткой простака“. Можно было считать, что „Прелестная Борина“ – моя, потому что каким образом теперь мог бы выиграть Госс? Но этот мошенник отошел от открытого окна, и порыв ветра сдул наши карты, в том числе мою третью, на пол. Госс мгновенно вытащил третью карту – жалкую двойку! – и заорал „Ура!“, закончив игру. Мерзавец выиграл „Прелестную Борину“ с двойкой на руках – только потому, что все мои карты валялись на полу. И вот я здесь, неприкаянный бродяга, истинный поклонник Диониса, всегда готовый жадно пить сладкое вино жизни и тут же положить голову в зубастую пасть Судьбы – таков мой обычай».

«Старый товарищ бросил вас одного здесь, во Фладжарете? – спросила леди Эстер. – Как это бессердечно с его стороны!»

«Вынужден с вами согласиться. Тем не менее мы расстались достаточно дружелюбно. Он улетел в пучины космоса, а я погрузился в периодическую нирвану обновления и преображения. Теперь она подходит к концу, я готов к новым предприятиям. Но я достаточно говорил о себе и о своих злоключениях, дражайшая леди! Теперь ваша очередь рассказать о себе».

«С удовольствием!» – леди Эстер подняла к губам кружку пива и пригубила его: «Фу! Какая гадость? Что это такое?»

«Местное светлое пиво, – пояснил Мирон. – По-видимому, ничего лучше у них нет. Согласен – это зловонные помои».

«Ха! Ты уже пробовал?»

«Я осторожно сделал один глоток – этого оказалось более чем достаточно».

«Тогда почему ты меня не предупредил – перед тем, как я отхлебнула чуть ли не треть кружки?»

«Прошу прощения, я отвлекся размышлениями по другому поводу».

«В какой-то мере это характерно для всего нашего путешествия, – сообщила Марко Фасигу леди Эстер. – Мы вылетели из Саалу-Сейна, полные радужных надежд – ведь мы отправлялись, по сути дела, на поиски новой жизни и вечной юности. У нас были самые серьезные намерения, мы были полны решимости – но никто из нас не ожидал, что путешествие окажется мрачным и суровым предприятием. Мирон не возражал против такой программы – напротив, он заверял меня в том, что экспедиция будет перемежаться забавными эпизодами, чудесными экзотическими празднествами. И что же произошло на самом деле? Мы бесконечно дрейфовали в ледящей крови пустоте! Затворники, замурованные в пещерных кельях, не испытывают подобную скуку! Когда я осмелилась напомнить о развлечениях, Мирон посоветовал смотреть в иллюминатор и восхищаться черной бездной космоса! Я отказалась! Космос разит смертью! Полет продолжался, гнетущая прострация не давала мне покоя. Я отчаянно нуждалась хоть в каком-нибудь развлечении, и капитан Мирон наконец осознал, что апатия наносит опасный ущерб моему душевному равновесию. А теперь он предлагает мне в качестве развлечения собачьи драки и заказал для меня это ядовитое пойло!»

«Примите мои соболезнования, – сказал Марко Фассиг. – Но космический полет, даже самый продолжительный, не обязательно должен быть утомительно скучным. На борту „Прелестной Борины“ мы не раз веселились на славу, уверяю вас! На этот счет Госс Джильстра и я не расходились во мнениях. Коротая время вдвоем, мы изучили все разновидности удовольствий и развлечений, известных в секторе Вóрона, невинных и не таких уж невинных...»

Леди Эстер жалобно воскликнула: «Вот как я хотела бы путешествовать! Веселиться время от времени вместо того, чтобы сидеть, моргая, у иллюминатора, уставившись в ничто. В этом городе, однако, я уже видела все, что стоило увидеть, и готова отсюда сбежать. Мирон, как ты думаешь?»

«В некоторых отношениях Фладжарет – любопытное место, но я тоже не прочь продолжить полет».

Леди Эстер сухо кивнула и повернулась к Марко Фассигу: «А у вас какие планы?»

Марко надул щеки, растопырив пушистые усы: «Со мной все очень просто. Рано или поздно я надеюсь найти свободное место на борту какого-нибудь пассажирского корабля, нуждающегося в услугах опытного астронавта».

«Мы не сможем вам помочь, – холодно сказал Мирон. – В настоящее время команда „Глодвина“ укомплектована».

«Чепуха! – закричала леди Эстер. – Мирон, ты снова опережаешь события! Марко, вы можете немедленно занять место на борту „Глодвина“. Я посоветуюсь с капитаном Тэйни, и мы как-нибудь вас устроим».

«Это в высшей степени удовлетворительное решение вопроса, – сказал Марко Фассиг. – Сделаю для вас все, что смогу – может быть, мне даже удастся оживить атмосферу в пути».

«Именно это я имела в виду, – леди Эстер поднялась на ноги. – Соберите пожитки и присоединяйтесь к команде „Глодвина“ как можно скорее!»

Леди Эстер и Мирон вернулись на космическую яхту. Леди Эстер дала Мирону недвусмысленные указания, в связи с чем, когда Марко Фассиг взошел по трапу в салон «Глодвина», Мирон мрачно проинформировал мошенника о том, что он зачислен в команду на должность «помощника стюарда». Фассиг заявил, что такое положение дел его вполне устраивало.

3

«Глодвин» взлетел над космопортом Фладжарета и пробился сквозь сплошную завесу туч навстречу ослепительным лучам звезды Модвелла. Первый помощник и Мирон запрограммировали надлежащий курс, и звезда Модвелла скрылась за кормой, превратившись в одну из мерцающих искр звездного сонма.

Мирон вернулся в главный салон, где леди Эстер и Марко Фассиг сидели в расслабленных позах, с охлажденными до изморози бокалами пунша «Пингари» в руках. Леди Эстер объясняла цель своего путешествия, а Марко лениво слушал ее, развалившись в мягком кресле. «Как вы теперь понимаете, наш полет – серьезная и важная экспедиция. Я надеюсь подтвердить заявления Бетки Онтвилл собственными наблюдениями и, конечно же, ни в коем случае не откажусь пройти курс омоложения. Психологически я не поддаюсь традиционным представлениям. Я так же готова дерзать и привыкать к новизне, как в юности. Я делаю, что хочу, и плевать хотела на последствия! К сожалению должна признаться, что мой организм иногда возражает против моих намерений, и к нему приходится прислушиваться. Я больше не могу разбежаться вприпрыжку по пляжному песку, чтобы окунуться с головой в набегающую волну, или пуститься без оглядки в какую-нибудь безрассудную авантюру, как я не раз делала в прошлом. Именно этот все больше огорчающий меня недостаток бодрости и упругости я хотела бы восстановить. И почему нет? Я готова вкушать наслаждения жизни, мой дух жаждет самых волнующих, самых удивительных приключений! У меня одна цель: сорвать сладчайшие плоды

Древа Жизни и поглотить их, все до последнего! – леди Эстер мелодраматически опорожнила бокал. – Теперь вам известна движущая сила нашей экспедиции!»

«Отдаю вам честь! – объявил Марко Фассиг. – Такую женщину, как вы, днем с огнем не найдешь!»

Леди Эстер повернулась, чтобы взглянуть на Мирона: «Да? Что тебе нужно? Ты давно уже там стоишь, переминаясь с ноги на ногу. В чем проблема?»

«Нет никаких проблем. Я хотел бы показать Фассигу, где он будет обедать и ужинать, а также разъяснить ему его обязанности».

Леди Эстер подняла брови: «В самом деле, МIRON! Ты ведешь себя, как солдафон. Мне любопытно было бы услышать то, что может рассказать Марко. В его жизни было множество занимательных событий, и ты сам мог бы кое-чему у него поучиться».

Марко Фассиг лениво поднялся на ноги: «Не буду задерживать капитана Тэйни». Поклонившись леди Эстер, он прибавил: «Надеюсь продолжить нашу беседу в другое время».

За ужином леди Эстер отмалчивалась, показывая, что не желает разговаривать с Миронem, но в конце концов заявила: «Не вижу причин для того, чтобы Марко не мог ужинать в нашей компании. Он умеет меня развлечь и сочувственно относится к моим планам, а это редкое сочетание».

«Команда не ужинает в салоне, это не принято, – ответил МIRON. – Некоторыми различиями нельзя пренебрегать – иначе вся дисциплина на корабле может развалиться».

«Вот еще! В такой неуступчивости нет необходимости. Будь так добр, пригласи Марко присоединиться к нам на десерт».

МIRON поднялся на ноги, поклонился с бесстрастной церемонностью и пошел выполнять приказания владелицы яхты. На следующий день леди Эстер сообщила ему: «Начиная с сегодняшнего дня, Марко будет обедать и ужинать в салоне. Будь так любезен, проинформируй об этом старшего стюарда».

По мере того, как полет продолжался, МIRON начинал все больше недолюбливать Марко Фассига и его самоуверенные повадки. Леди Эстер, однако, очевидно приветствовала и поддерживала неподобающее поведение Фассига, и вскоре МIRONу пришлось понять, что жалобы по этому поводу бесполезны.

Отчасти потому, что ее увлекли рассказы Марко, леди Эстер решила остановиться по пути на какой-нибудь живописной планете, чтобы развеять однообразие полета. Она предложила такое изменение маршрута МIRONу, язвительно подчеркнув при этом, что не хотела бы снова оказаться в месте, где наилучшим развлечением считаются собачьи драки.

Пытаясь по возможности сохранять достоинство, МIRON заверил ее в том, что он, естественно, сделает все возможное для того, чтобы удовлетворить ее требования. Тем не менее МIRON предупредил ее о том, что яхта уже находилась в секторе Ойкумены, относительно удаленном от самых цивилизованных и урбанизированных миров, большинство каковых остались за кормой.

«Так что же нам теперь осталось? – раздраженно спросила леди Эстер. – Джунгли, болота и пляшущие с копьями красноглазые дикари?»

МIRON вежливо рассмеялся: «Боюсь, что можно наткнуться и на джунгли, и на дикарей. В этой части Галактики ни в чем нельзя быть уверенным».

«Хммф. Разве твой знаменитый „Путеводитель“ не подскажет, чего нам следует ожидать?»

«Конечно, и я непременно им воспользуюсь. Но прежде всего я не хотел бы слишком далеко отклоняться от заданного курса».

«Так или иначе, постарайся подыскать забавную планету, населенную красивыми людьми, умеющими хорошо поесть и выпить, знающими толк в интересных развлечениях и предлагающих в продажу добротные товары, не вызывающие отвращения с первого взгляда».

«Посмотрю, что можно будет сделать».

Мирон изучил навигационные карты сектора и соответствующие статьи «Путеводителя по планетам»; в конце концов он решил, что наилучшим приближением к идеальному миру, соответствовавшему представлениям его двоюродной бабки, могла бы послужить планета Тобри в солнечной системе Вианджели. Он сообщил леди Эстер о результатах своих изысканий. Та согласилась с его выбором, но без особого энтузиазма: «В справочнике не упоминаются какие-либо экзотические церемонии или что-нибудь, заслуживающее особого интереса – за исключением обычая сажать преступников в клетки и выставлять их на всеобщее обозрение на центральной площади».

«Возможно, вам повстречается забавный заключенный. В справочнике говорится, что на рынке изделий обитателей глубинки – внутренних районов главного континента – попадаются любопытные артефакты».

«Что они называют „любопытными артефактами“? – потребовала объяснений леди Эстер. – Двадцатипудовые тыквы? Дрессированных мышей?»

«Понятия не имею».

«Ну хорошо. Попробуем взглянуть на планету Тобри и ее неизвестные развлечения».

Мирон тут же направил космическую яхту к звезде Вианджели – мало-помалу она становилась все ярче, и через некоторое время в иллюминаторах появился огромный незнакомый мир: Тобри. Когда Мирон зашел в рубку управления, чтобы воспользоваться макроскопом, он обнаружил там Марко Фассига, небрежно облокотившегося на стойку с оборудованием и болтавшего о каких-то пустяках с первым помощником Этвином. Давно уже возраставшее возмущение Мирона разрядилось вспышкой гнева – он решил раз и навсегда положить конец навязчивому присутствию Фассига. С окончательными мерами, однако, приходилось повременить до прибытия на планету. Мирон сдержанно произнес: «Будьте добры вернуться к своим обязанностям, Фассиг. Как вам известно, в рубке управления могут находиться только навигаторы».

«Так точно, капитан!» – без тени смущения отозвался Фассиг. Выпрямившись, он подмигнул Этвину и не спеша вышел из рубки.

«Глодвин» приземлился у космического вокзала города Танджи. Мирон сразу же нашел Марко Фассига: «Сударь, начиная с этой минуты вы уволены. Я нахожу, что в присутствии бортпроводника на моем корабле нет необходимости. Потрудитесь собрать свои вещи и покинуть яхту немедленно!»

Марко Фассиг дернул себя за ус и вопросительно поднял брови, после чего пожал плечами: «Таковы ваши prerogatives, капитан Тэйни, и с моей стороны протестовать бесполезно. Дайте мне пять минут. Я хотел бы пожелать леди Эстер счастливого пути, после чего вы меня больше не увидите».

Через час Мирон Тэйни – все еще в капитанской форме – стоял, одинокий и покинутый, у выхода космического вокзала. Отголоски истерических упреков двоюродной бабки звенели у него в ушах. Он опустил на землю чемодан, содержащий все его немногие пожитки. Леди Эстер позволила ему взять с собой денежную сумму, достаточную для приобретения билета до Вермейзена. В заключение своих многословных замечаний она сказала: «Мирон, у тебя был шанс показать, на что ты способен, но ты позорно провалил этот экзамен! Ты полностью потерял представление о действительности. Ты – праздный мечтатель, живущий в воображении и – если уж выражаться откровенно – в какой-то мере недотепа. Советую тебе вернуться домой и поучиться еще года четыре в Институте, а затем начать карьеру на Бирже под руководством отца. Таково, насколько я понимаю, твое призвание, и в таком качестве ты сможешь добиться какого-то успеха – если как следует возьмешься за ум».

Глава 3

1

Мирон заметил, что метрах в пятнадцати от него стоял, выпрямившись, как на параде, какой-то чиновник или служащий в аккуратно выглаженной униформе – уже не молодой, но еще не поседевший. Чиновник этот, судя по всему, интересовался Мироном и его поведением. Что послужило причиной такой бдительности?

Мирон отвернулся и стал обозревать окрестности. Бульвар, обсаженный деревьями с обеих сторон, соединял космический вокзал с центром города. Мирон распознал деревья по их описанию в «Путеводителе по планетам»: это были знаменитые облачные вязы планеты Тобри – огромные массы серой пены, опутанные сетью черных побегов-плодоножек, клубились над стволами подобно небольшим кучевым облакам.

Мирон обернулся. Чиновник оставался в прежней позиции. Выражение его лица казалось скорее любопытствующим, нежели враждебным. Такое неотрывное внимание, однако, смущало Мирона. Он снова принялся разглядывать пейзаж, притворяясь невинным туристом. Пейзаж, при всем при том, производил довольно приятное впечатление – чистые тротуары и проезжая часть бульвара поддерживались в хорошем состоянии, газоны были подстрижены безукоризненно, не было заметно никаких сорняков и никакого мусора. По бульвару медленно и осторожно двигались несколько экипажей. Над головой высились кроны облачных вязов – их пена покачивалась и меняла очертания под дуновениями теплого послеполуденного ветерка. Неподалеку от вокзала бульвар выходил на площадь. Насколько мог видеть Мирон, здешние здания отличались примерно одинаковым архитектурным стилем – сложными формами фасадов с большим количеством завитушек и цветочных украшений, напоминавших о древнем стиле «рококо», и высокими остроконечными крышами с множеством мансардных окон. Всюду применялись одни и те же материалы: темное дерево, терракота, подвеченное стекло в высоких узких оконных рамах. Мирон подумал, что обитатели Танджи руководствовались четкими и определенными представлениями о том, как должен был выглядеть их город.

Мирон снова покосился на чиновника. Тот продолжал стоять, как прежде, наблюдая за новоприбывшим со сдержанной бдительностью сторожевого пса. Терпение Мирона истощилось. Он повернулся, чтобы потребовать объяснений, но чиновник тут же двинулся с места и неспешно приблизился, почтительно остановившись на расстоянии трех метров. Теперь Мирон смог прочесть выпуклую надпись на нагрудной нашивке чиновника:

«ОБЩЕСТВЕННЫЙ НАДЗИРАТЕЛЬ».

Мирон резко спросил: «Почему вы следите за мной с таким подозрением?»

«Никаких подозрений, сударь – не более чем вполне простительное любопытство. Насколько я понимаю, вы никогда раньше не бывали в Танджи?»

«Я только что прибыл».

Надзиратель указал на брошюру, полученную Мироном в космическом вокзале – он все еще держал ее руке: «Вы уже ознакомились с текстом „Рекомендаций“?»

«Нет, еще нет, – Мирон взглянул на брошюру. – Кажется, это какой-то справочник для туристов?»

«Совершенно верно. Он содержит полезные сведения и карты, которые помогут вам найти дорогу в городе. Кроме того, в справочнике вы найдете краткое описание истории Тобри и сводку некоторых местных постановлений – их рекомендуется учитывать. У нас в Танджи

любят, чтобы все было в полном порядке. Естественно, от инопланетных посетителей требуется соблюдение тех же правил, какие соблюдаем мы».

«Естественно».

«Вот именно. „Рекомендации“ позволят вам узнать о наших особых традициях, нарушение которых влечет за собой предусмотренные наказания. Например... – надзиратель указал на чемодан Мирона, стоявший на тротуаре, – Похоже на то, что вы собираетесь оставить здесь этот предмет, в связи с чем он будет соответствовать определению мусора».

Мирон не верил своим ушам: «Вы поэтому следите за мной уже целых полчаса?»

«Мой долг заключается в том, чтобы задерживать нарушителей в тот момент, когда их преступные намерения становятся очевидными».

Мирон сдержал раздражение – приложив при этом немалое усилие, так как сегодня его долготерпение уже подверглось небывалому испытанию. Тщательно выговаривая слова, он объяснил: «Это мой чемодан! В нем – мои вещи! Мне нужны эти вещи. Они имеют для меня большое значение».

Надзиратель пожал плечами: «Фактические обстоятельства позволяют сделать другой вывод. Это очень маленький чемодан, и вы вполне могли бы попытаться оставить его здесь так, чтобы этого никто не заметил».

«У меня маленький чемодан, потому что у меня мало личных вещей. Если бы у меня было больше вещей, я бы носил с собой чемодан побольше. Я поставил его на тротуар, когда вышел на улицу, потому что не хотел все время держать его в руке, пока смотрел по сторонам. Когда я куда-нибудь пойду, я непременно подниму чемодан и возьму его с собой».

«Ага! Тогда все понятно! – добродушно сказал надзиратель. – Тайное стало явным. Тем не менее я настоятельно рекомендую вам внимательно прочесть „Рекомендации“. В них точно определяются границы приемлемого и неприемлемого поведения, а вам несомненно будет полезно будет знать, как себя вести для того, чтобы не переступить эти границы».

«Обязательно прочту „Рекомендации“ при первой возможности. Не могли бы вы посоветовать мне недорогую, но очень приличную гостиницу?»

Чиновник задумчиво погладил подбородок: «Вы предъявляете противоречивые требования. И все же я мог бы порекомендовать „Приют скитальца“ – там вас не ограбят и обслужат по-человечески. Должен заметить на всякий случай, что у нас не принято торговаться».

«Даже так? Что, если хозяин гостиницы заломит неслыханную цену?»

«В таком случае вам следует повернуться и направиться к выходу. Если хозяин проявит сострадание, он позовет вас и назначит другую цену, после чего вы можете вернуться или продолжать идти к выходу – до тех пор, пока владелец заведения не согласится принять от вас сумму, устраивающую вас обоих».

«Понятно. А где находится „Приют скитальца“?»

«Пройдите по бульвару до площади, поверните направо по переулку Фимрода, и в двух шагах будет „Приют скитальца“».

«Спасибо!» – Мирон поднял свой чемоданчик с преувеличенной прилежностью и направился по бульвару к площади. На какое-то мгновение он представил себе «Глодвин», леди Эстер и тошнотворного Марко Фассига, но тут же решительно подавил эти воспоминания. Злопамятная мстительность – бесполезная эмоция, ограничивающая сферу деятельности и препятствующая ясному мышлению. Когда-нибудь, в один прекрасный день, если тому будут способствовать обстоятельства, он серьезно рассмотрит вопрос о восстановлении справедливости, но в данный момент такие намерения относились к области фантазий. В любом случае Мирон пообещал себе никогда не забывать об изощренной подлости, на которую людей толкают самые примитивные инстинкты.

Мирон вышел на площадь. Оглядевшись по сторонам, он заметил множество магазинов и агентств, пару небольших рынков, а также несколько ресторанов и кафе; напротив, с левой

стороны, темнела вереница клеток – судя по всему, предназначенных для демонстрации злодеев. По периметру площади и вокруг зданий росли деревья – главным образом облачные вязы, увенчанные почти невесомыми массами серой пены.

Повернув в переулок Фимрода, Мирон скоро нашел «Приют скитальца»: обширное двухэтажное строение под высокой крышей с несколькими рядами крутых черепичных коньков. В просторном вестибюле стены были обшиты полосами лакированного дерева; здесь его встретила тучная женщина средних лет в развевающемся платье из легкой зеленой ткани. Она флегматично выслушала Мирона, объяснившего свои потребности, и без лишних слов провела его в чистый номер на втором этаже, с примыкающей к нему ванной. Мирон нашел предложенное ему помещение вполне удовлетворительным, но прежде, чем он успел заикнуться о цене, хозяйка взяла с него три сольдо за три ночи и молча промаршировала прочь. Мирон растерянно смотрел ей вслед. Он не проявил расторопность и упустил свой шанс. Что ж, может быть, в следующий раз он сумеет не быть такой растяпой! Усевшись на стул у окна, Мирон заставил себя успокоиться и подвести итоги сложившейся ситуации. Его возможности были настолько ограничены, что даже не заслуживали длительного размышления. С теми деньгами, какие у него остались, он мог заплатить за проезд домой – безопасный, разумный, хотя и в некотором смысле позорный вариант. Единственная альтернатива заключалась в том, чтобы найти работу стюарда или повара на борту какого-нибудь приземлившегося в Танджи корабля; несмотря на диплом космолога, его практических навыков не хватило бы для выполнения более высокооплачиваемых обязанностей.

Мирон вздохнул. Он приобрел обширные познания, но они не пользовались спросом. И все же не помешало бы навести справки в космопорте. Даже если любые такие попытки окажутся тщетными, он сможет вернуться в Саалу-Сейн с чистой совестью.

По местному времени уже приближался вечер. Мирон решил прогуляться по площади, но сперва следовало познакомиться с содержанием «Рекомендаций». Заголовок брошюры гласил:

«РЕКОМЕНДАЦИИ

**ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ! ЖЕЛАЕМ ВСЕГО НАИЛУЧШЕГО
УВАЖАЕМЫМ ГОСТЯМ ТАНДЖИ!**

В этом справочнике вы найдете полезные доброжелательные советы, относящиеся к обычаям нашей планеты, а также наши правила и постановления, в том числе сведения о мерах наказания за их нарушение.

**МЫ НАДЕЕМСЯ, ЧТО ЭТИ РЕКОМЕНДАЦИИ БУДУТ
СПОСОБСТВОВАТЬ БЛАГОПОЛУЧНОМУ И ПРИЯТНОМУ
ПРЕБЫВАНИЮ ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ В НАШЕМ ГОРОДЕ!»**

На первой странице Мирон обнаружил следующее предисловие:

«Добро пожаловать в мир чудес! Как вы скоро убедитесь сами, на планете Тобри немало вдохновляющих красот природы. Контрасты поражают воображение! Несмотря на множество присущих им достопримечательностей, два из трех континентов, Фарст и Винтс, доступны только участникам специально организованных экспедиций в связи с опасностью преобладающих там условий и свирепой фауны. Неподготовленного посетителя, однако, порадуют необычайные и волнующие дикивины третьего континента, Лиро, по большей части благоприятного для здоровья и позволяющего пользоваться всеми космополитическими удобствами. Колоритные различия обычаев

и внешности не мешают местным жителям, как правило, сохранять доброжелательность и вести себя вежливо.

Танджи, Меланкрино и Семмерин – многонаселенные современные города, центры цивилизации и культуры, не уступающие уровнем и разнообразием обслуживания известнейшим метрополиям Ойкумены. Приезжему следует отбросить всякие помыслы о бережливости и попытаться изучить каждый из кантонов Лиро, чтобы насладиться богатейшим разнообразием традиций и нарядов, не говоря уже о необычных и нередко экзотических блюдах – неизменно питательных, невзирая на их внешний вид. Разве не правда, что человек оценивает достоинства пищи прежде всего языком и зубами, а не глазами? Не обращайтесь внимания на расходы: каждый кантон предлагает широкий ассортимент развлечений и достопримечательностей на любой вкус, и ваши впечатления надолго останутся в памяти.

Танджи – столица континента, где вы найдете все необходимые службы и учреждения, а коллекции нашего «Музея панцирей неподвижных земноводных» не уступают репутацией и полнотой собраниям других естественноисторических институтов.

На посетителя Танджи произведут впечатление упорядоченность и логика процессов, расписаний и организационных структур, хотя регламентация нашей жизни не заставит его чувствовать себя стесненно. У нас каждый поступает в полном соответствии со своими предпочтениями, так как нашей системой ценностей предусмотрены свобода воли и личная ответственность. В Танджи не бывает случайных инцидентов: в каждой возможной ситуации однозначно определяются потерпевшая и нарушившая правила стороны. Если вам будет нанесен какой-либо ущерб или если вам причинят какое-либо неудобство, будьте уверены в том, что виновник будет опознан и подвергнут исправительному наказанию.

«Правонарушением» считается любое намеренное действие или бездействие, приводящее к несоблюдению правил. Действие одних и тех же правил распространяется на всех – даже на вас, как бы ни было для нас неприятно указывать на это обстоятельство осмотрительному и благовоспитанному туристу.

Тем не менее в помощь посетителям ниже приводится краткая сводка повседневно применяемых правил поведения. Подробный текст постановлений содержится в разделах II и III. Пожалуйста, внимательно прочтите и запомните эти «Рекомендации».

Гражданские правовые запреты в целом сводятся к следующему.

Не оставляйте после себя мусор или какие-либо предметы, не гармонирующие с повседневным состоянием окружающей местности или городского ландшафта. Не вызывайте беспорядки; не демонстрируйте в общественных местах или на территории частной собственности какие-либо письменные сообщения, инструкции, призывы, лозунги, плакаты,

предупреждения, обвинения, знаки и (или) символы, в том числе надписи на стенах общественных или частных туалетов.

Не создавайте где бы то ни было какие-либо уродливые повреждения, пятна или оскорбляющие взор объекты. Если вы заметите мусор, повреждение, пятно или неприятный на вид объект, закон требует, чтобы вы сделали все возможное для устранения такого нарушающего общественный порядок явления.

Не отхаркивайте слюну и не сморкайтесь где попало. Не опорожняйте кишечник или мочевой пузырь в не отведенных для этого местах; пользуйтесь только предназначенными для этого санитарными емкостями и приспособлениями. Не выпускайте газы в присутствии посторонних; делайте это только на обозначенных надлежащим образом участках. Не производите громкий, неприятный или нежелательный шум, не проигрывайте оскорбляющую слух музыку с помощью аппаратуры и не демонстрируйте похотливые изображения.

В том, что относится к лавочникам, торговцам, продавцам и владельцам магазинов, применяется особый этический кодекс. Общаясь с обслуживающим персоналом, воздерживайтесь от споров и возражений. Если цены не соответствуют вашим финансовым возможностям, удалитесь. Не бранитесь и не докучайте назойливыми просьбами; не высказывайте презрительные замечания о товарах или услугах так, как если бы они были непотребными или бесполезными. Не торгуйтесь; у нас это не принято. Для того, чтобы заслужить одобрение владельца заведения, заплатите названную им цену с величественным пренебрежением аристократа. Такое поведение будет способствовать самоуважению всех участников сделки.

В том, что относится к поведению в публичных местах и учреждениях, следуйте указаниям общественных надзирателей.

Если вас задержат, вам вынесет приговор районный магистрат. Он незамедлительно объявит размер наказания – как правило, умеренный и справедливый. Незначительные нарушения правил наказываются заключением в одной из клеток на восточном краю центральной площади на половину дня, на один день или на несколько дней. В случаях более серьезных правонарушений может потребоваться прохождение курса исправительной трудотерапии в каменоломнях. Мы надеемся, что сведения о предусмотренных наказаниях вызовут у наших гостей исключительно теоретический интерес и не будут иметь для них никакого практического значения.

Вкратце, наши рекомендации сводятся к трем положительным и к трем отрицательным императивам. Три положительных императива: будьте предусмотрительны, соблюдайте правила и проявляйте щедрость! Три отрицательных императива: не наносите ущерб, не причиняйте боль и не нарушайте покой!

Еще несколько полезных рекомендаций.

Соблюдайте осторожность, предлагая кому-либо вступить в половой акт. Некоторые характеристики поведения рассматриваются как подтверждение безотзывного обязательства заключить брак.

Опьянение может оказаться незаконным, так как допускается употребление только спиртных напитков, подлежащих налогообложению! Прежде чем поглощать спиртное, непременно требуйте предъявления налоговой лицензии, выданной питейному заведению! Возможно, вам больше понравятся наши безалкогольные фруктовые напитки – вкусные, свежие и полезные!

Посетителей Танджи ждут волнующие развлечения! Получите ни с чем не сравнимое удовольствие, оценивая взглядом знатока художественные композиции в парке! Участвуйте в заседаниях благородных обществ и в грациозных церемонных танцах, устраиваемых клубами департамента общественных развлечений! Эти клубы подразделяются на категории I, II и III. В клубах категории I дети и чувствительные девицы могут собираться, не опасаясь вызывающих смущение ситуаций. В клубах категории II приветствуются мужчины и женщины зрелого возраста, ведущие серьезные беседы, а иногда и позволяющие себе обмениваться шутивными замечаниями. В клубах категории III время от времени царит в какой-то мере раскрепощенная атмосфера. Здесь персонал космических кораблей может чувствовать себя в своей тарелке. В заведениях третьей категории подают высококачественное пиво, а дамы, как правило, меньше обижаются на откровенные предложения и комплименты – мы пытаемся проявлять терпимость к космополитическим представлениям.

Таков, в общих чертах, распорядок жизни в нашей столице. Мы высоко ценим тихие радости бытия и верим в благопристойность. У нас любой, в том числе турист и проезжий гость, может тратить деньги щедро и без оглядки – никто из нас никогда не обвинит инопланетянина в заносчивом расточительстве! Не скупитесь! Наслаждайтесь в полной мере возможностями Танджи! Добро пожаловать!»

На следующих страницах подробно излагался текст законодательных положений правительства Танджи. Кроме того, приводилось описание тринадцати кантонов, составлявших континент Лиро.

Мирон отложил «Рекомендации», снял капитанскую форму и надел обычную одежду астронавта, принятую во всех уголках Ойкумены: темные брюки, свободные в бедрах, собранные в лодыжках и заправленные в черные башмаки, рубашку с длинными рукавами из мягкой темно-синей материи и рабочую кепку с козырьком.

Выйдя из гостиницы, Мирон прошелся к площади по переулку Фимрода и остановился, чтобы сориентироваться. Высаженные через равные промежутки деревья, непропорционально высокие, довлели над площадью. Облачные вязы, сооружения из темных деревянных брусев, непривычная прозрачность воздуха – все это производило на Мирона впечатление галлюцинации. Казалось, что он смотрел на диораму, на сценические декорации или на что-то вроде детского миниатюрного городка. Мирон несколько раз моргнул – иллюзия исчезла.

В ближайшем кафе он заказал чай с печеньем. Отдыхая под лучами вечернего солнца, он забыл о неприятностях и наблюдал за горожанами Танджи, спешившими по своим делам. Внешность их примерно соответствовала обычным ойкуменическим характеристикам, хотя, по мнению Мирона, в основном здесь попадались люди коренастые, круглолицые, скуластые

и курносые, с квадратными подбородками, а цвет их волос, как правило, варьировал от темно-коричневого до почти черного – блондинов здесь не было. Костюмы обитателей Танджи тоже не привлекали внимания – за исключением головных уборов. Мужчины носили плоские четырехугольные шляпы из жесткого материала, темно-синие, темно-зеленые или черные, натянутые на макушку строго вертикально. Женщины красовались в более изощренных чепцах, сшитых вручную из накрахмаленных матерчатых салфеток нескольких цветов, уложенных складками в несколько слоев различной высоты и ширины так, что получалась поразительно хитроумная конструкция.

С особым интересом Мирон разглядывал проходивших мимо девушек, удивляясь их жизнерадостности. Они излучали бодрость и энергию; девочки помоложе передвигались почти вприпрыжку, как на пружинках, словно их подгоняло какое-то неумное воодушевление. Иные выглядели достаточно привлекательно для того, чтобы Мирон напомнил себе о соответствующем параграфе «Рекомендаций». В большинстве своем девушки и женщины, однако, не вызвали у него восхищения – виной тому были, главным образом, их прически: по-видимому местная мода требовала, чтобы над каждым ухом выпячивался пушистый шарообразный или каплеобразный пучок из волос. Мирона отталкивало также общее выражение удовлетворенно-лукавого самодовольства, особенно заметное у самых хорошеньких девушек – можно было подумать, что все они только что съели по большой миске клубники со сливками, предназначенной не для них, и безнаказанно лишили кого-то этого угощения. Поглядывая на Мирона, они прежде всего замечали его гладкие светлые волосы, что заставляло их присмотреться повнимательнее, после чего они загадочно поджимали губы и слегка поднимали брови, прежде чем отвернуться – тем самым выражая недоверие к астронавтам и вообще к инопланетянам.

«Что ж, – сказал себе Мирон, – в любом случае, даже если бы я захотел, я не посмел бы скорчить страшную рожу и внезапно рывкнуть на какую-нибудь девушку – того и гляди, посадят за это в клетку или, что еще хуже, заставят на ней жениться!»

В конце концов Мирон решил, что глазеть на девушек значило тратить время попусту. Близилась сумерки. Солнце уже скрылось за облачными кронами деревьев. Мирон покинул кафе и пересек площадь, чтобы рассмотреть поближе клетки для преступников. В клетке, находившейся посередине, он заметил молодого человека примерно своего возраста, безутешно сутулившегося на скамье. Мирон подошел к нему. Узник угрюмо покосился на зеваку. Мирон вежливо спросил: «Сколько вам еще осталось здесь сидеть?»

«Меня выпустят через час после заката».

«Надеюсь, вы не будете возражать, если я поинтересуюсь: за что вас сюда посадили?»

«Почему бы я стал возражать? Какая мне разница, в конце-то концов? Я приехал из Биркенхальтера на рынок, с грузом папагонов. Один упал с моей фуры, а я не заметил. Младший надзиратель вызвал инспектора; тот дал мне семь минут на уборку мусора. Я поднял папагон и положил его в кузов. На все про все я затратил шесть минут сорок четыре секунды. И все-таки несколько семян выпали из-под листа – я их не подобрал. Младший надзиратель наблюдал за мной и указал на семена инспектору. Тот оштрафовал меня на пятьдесят грошей. Я дождался несколько минут, а потом подбежал к младшему надзирателю сзади и дал ему хорошего пинка. Меня отвели к магистрату, тот посадил меня в клетку. Вот и все – теперь вы знаете не меньше моего».

«Неприятная история, – посочувствовал Мирон. – И что вы теперь будете делать, когда вас выпустят?»

«Я сам уже давно размышлял по этому поводу, – признался узник. – Но теперь, кажется, принял решение. Если бы после того, как меня освободят, я подошел к младшему надзирателю... Вон он маячит вокруг да около, все посматривает да поглядывает, жирный сопляк в квадратной черной шляпе! Так что я говорю? Если бы я выпорол его доброй лозой из орешника так, чтобы вся его нежная задница покрылась волдырями – отомстил бы я таким обра-

зом за все несправедливости во Вселенной? Если так, я с радостью провел бы в клетке еще денек! Но это невозможно: зло и обман глубоко заложены в самой сущности бытия. Мои усилия не смогли бы их искоренить. Поэтому я решил, что младший надзиратель как-нибудь обойдется без взбучки. Вместо этого пойду-ка я к „Осоловей-разбойнику“, съем кусок пирога с мускатным виноградом и выпью большую кружку горького эля. А потом найду свою фуру и уеду отсюда. И даже если по пути мне попадется младший надзиратель, я сделаю вид, как будто его нет. Месть сладка, но трюхать домой по сельской дороге под звездами ночи еще лучше!»

Мирон задумался, глядя на площадь, теперь уже залитую бледнеющим светом, отраженным от закатного неба, после чего сказал: «Вполне разумное решение – пожалуй, оно поможет мне самому справиться со своими неприятностями».

Заклученный мрачно кивнул: «В конечном счете месть не окупается».

«Вы правы! Если, конечно, не подвернется случай отомстить и незаметно смыться».

«Само собой».

«Значит, вы рекомендуете таверну „Осоловей-разбойник“?»

«Да, пирожные там отличные. И эль неплохой. Это клуб третьей категории, там порой веселятся не на шутку. Перейдите площадь, сверните в переулок Мельчера, пройдите еще метров шестьдесят – и вы уже там».

«Спасибо!» – Мирон отошел от клетки. Облака на западном небосклоне озарились кино-варными, малиновыми и бледно-зелеными сполохами – необычное сочетание оттенков, с точки зрения Мирона символизировавшее странную атмосферу, царившую в Танджи.

2

Мирон снова пересек площадь, углубился в переулок Мельчера и увидел впереди вывеску, нависшую над мостовой:

«ОСОЛОВЕЙ-РАЗБОЙНИК

Трактир – как в добрые старые времена!

Закуски – бочковый эль – музыка и танцы почти каждый день!

Клуб категории III: без женицин жить нельзя на свете!»

Распахнувшись, тяжелые створки двойной двери пропустили Мирона в просторный пивной зал, освещенный тускнеющими закатными лучами, проникавшими сквозь высоко расположенные окна. Мирон нашел свободную скамью за длинным столом у боковой стены – там по меньшей мере какое-то время он сидел в одиночестве. Такие же столы окружали центральную площадку, где для танцоров был предусмотрен воощенный паркет. На возвышении у противоположной стены была водружена кафедра, откуда кто-нибудь мог бы обратиться с речью к собравшимся, если бы у кого-нибудь возникло такое желание. «Станный обычай!» – подумал Мирон; но это был странный мир в любом случае.

Под рукой оказался парнишка-официант. Мирон заказал кружку эля и попросил показать меню. Подросток покровительственно усмехнулся: «Эль я подам сию минуту, но „меню“, как вы выразились, у нас написано мелом, – он указал на большую черную доску, висящую над баром. – В „Осоловей-разбойнике“ не держат ресторанных штучек-дрючек!»

Мирон прочитал перечень закусок: «Пирог с мускатным виноградом хорош?»

«Очень хорош, сударь! Утиная печенка с петрушкой и пурпурный виноград под хрустящей корочкой, с картофельным пюре вместо гарнира».

«Мне этого будет вполне достаточно».

«Послушайте меня, начните с горшка деревенского рагу из тушеных овощей с мясом, с пылу с жару – пальчики оближешь! – подсказал паренек – Всего семь грошей за горшок – где еще вы найдете такую дешевизну?»

«Ладно, я попробую рагу – но сначала принесите эль».

Когда официант подавал эль, Мирон спросил его: «Для чего эта кафедра? Она как-то не подходит к вашему заведению».

Паренька позабавила наивность инопланетянина: «Разве на вашей планете таких нет?»

«Посреди таверны? Нет, ничего такого у нас нет».

«Что ж, раз так... Кафедра используется полицией и дежурным магистратом, – официант обратил внимание Мирона на знак, висевший на стене прямо у того над головой. – Вы прочли объявление?»

«Нет. Я его не заметил».

«Тогда прочтите – в нем объясняется, какие тут у нас порядки».

Мирон повернулся и прочел:

«ОБЕСПЕЧИВАЕТСЯ НЕУКОСНИТЕЛЬНОЕ СОБЛЮДЕНИЕ
ПОСТАНОВЛЕНИЙ МЕСТНЫХ ВЛАСТЕЙ.
БУЯНИТЬ ЗАПРЕЩЕНО!
ЛЮБИТЕЛЕЙ ПОДМИГИВАТЬ ЖЕНЩИНАМ И ЩИПАТЬ ИХ
ЗА ЯГОДИЦЫ СТРОГО ПРЕДУПРЕЖДАЮТ:
ЛЮБЫЕ ПОПЫТКИ СОВОКУПЛЕНИЯ ДОЛЖНЫ БЫТЬ
ПРЕДВАРИТЕЛЬНО ЛИЦЕНЗИРОВАНЫ.
ТАНЦОРОВ ПРИЗЫВАЮТ ВЕСТИ СЕБЯ ПРИЛИЧНО
И СОХРАНЯТЬ ДОСТОИНСТВО:
БЛАГОПРИСТОЙНОСТЬ ОДОБРЯЕТСЯ, ТАК КАК
ОНА СПОСОБСТВУЕТ КРАСОТЕ ТАНЦА».

«Гм! – произнес Мирон. – Надо полагать, в „Осоловей-разбойнике“ умеют повеселиться».

«В меру – не более того, сударь. Полиция зорко подмечает излишества, а магистрат тут же раскрывает „черную книгу“ и зачитывает приговоры без малейших сожалений».

И снова Мирон напомнил себе о необходимости вести себя с максимальной осторожностью. Он попробовал эль – крепковатый, горьковатый и слегка затхлый на вкус, но в общем и в целом приемлемый. Мирон посмотрел по сторонам. Зал заполняла публика смешанного состава. Здесь были и местные горожане, и приезжие из глубинки в кожаных штанах и синих саржевых блузах. Можно было заметить нескольких инопланетных туристов и коммивояжеров, а за стойкой бара пили пиво человек шесть астронавтов. Космопорт Танджи служил пересадочным и перевалочным узлом, откуда пассажиров многопалубных пакетботов и товары, доставленные крупными грузовыми судами, развозили на небольших кораблях к планетам, оставшимся в стороне от торных маршрутов – многие астронавты искали возможности подкрепиться свежим пивом перед тем, как снова отправиться в дальний путь, а поблизости не было более подходящего для этого места, чем «Осоловей-разбойник».

Паренек принес горшок с рагу из овощей с мясом, вместе с блюдом плоских хлебцев. Погрузив ложку в горшок, Мирон осторожно попробовал содержимое. Поморщившись, он приложился к кружке эля и снова попробовал рагу. Возникло впечатление, что повар, вознамерившись придать пикантность своему произведению, злоупотребил самыми необычными пряностями. Мирон глубоко вздохнул. Наилучшая стратегия заключалась в том, чтобы есть и не задавать вопросов; посему он приступил к усердному поглощению рагу, время от времени промывая глотку элем.

Официант подал кусок пирога с мускатным виноградом, и Мирон отважно проглотил его, не пытаясь анализировать состав начинки.

Таверна заполнялась до отказа. Приходили женщины – целыми компаниями, по одиночке, с друзьями и супругами; одни были молоды, другие не были. Мирон не видел ничего, что могло бы его заинтересовать; кроме того, его побуждала к предусмотрительности мысль о возможности принудительного бракосочетания.

Паренек-официант привел четырех человек, только что прибывших, к свободным местам за столом Мирона. Мирон с любопытством наблюдал за их приближением. Они совсем не походили друг на друга, хотя, судя по одежде, все работали на звездолете. Первый, самый пожилой, немного выше среднего роста, был худощав и держался прямо; у него были аристократические черты, жесткие седые волосы и безмятежное, даже несколько отстраненное выражение лица.

За ним следовал плотный коротышка с розовой, как у младенца, кожей и невинными голубыми глазами на добродушном круглом лице. Его лысеющую голову чуть прикрывали редкие пряди длинных и мягких волос. Он ходил деликатно и опасливо, как можно мягче опуская на пол короткие широкие ступни – так, словно ему жали ботинки, и он старался свести к минимуму причиняемое ими неудобство.

Третий астронавт, молодой и подтянутый, двигался с разболтанной небрежностью арлекина. Пригожий, как манекенщик с журнальной фотографии, с сердцевидным контуром лица, мягкими черными кудрями, длинными темными ресницами и кривящимся в усмешке ртом, этот персонаж покрыл расстояние от входа до стола несколькими размашисто-пружинистыми шагами слегка согнутых в коленях длинных ног, поглядывая по сторонам и чуть наклонив голову на бок, будто он каждую секунду ожидал чего-то необычного или неожиданного.

Четвертый участник этой странной процессии, опять же, заметно отличался от всех своих спутников. Очень высокий и тощий, как палка, он выделялся нездоровым землистым оттенком кожи и суровым продолговатым лицом. Над его высоким лбом с залысинами начиналась черная шевелюра; бледная полоска брезгливо поджатых губ отделяла его длинный нос от острого костлявого подбородка. На нем был черный костюм судейского покроя, настолько плотно обтягивавший руки и ноги, что они казались продетыми в черные сочлененные трубы.

Четыре астронавта уселись, вежливо поздоровались кивками с Мироном и заказали эль у паренька-официанта.

Интересуясь странными соседями, через некоторое время Мирон завязал беседу с розовым коротышкой – тот не преминул представиться. Он довольствовался именем «Винго» и выполнял обязанности старшего стюарда на борту грузового судна «Гликка», только что прибывшего в Танджи. «Я – старший стюард, это неоспоримо, – говорил Винго. – Но этим дело не ограничивается. По совместительству я – повар, судомойка, уборщик, истребитель паразитов, хирург, медбрат и чернорабочий на все случаи жизни. Когда мы берем пассажиров – а у нас есть несколько пассажирских кают – я становлюсь также устройством развлечений, посредником в спорах и корабельным психиатром. Порой на борту „Глики“ жизнь бьет ключом, и всё по голове!»

Винго представил своих спутников: «Это капитан Малуф. Он может показаться суровым аскетом, хранящим тайнства храмовников на манер архимандрита Дренского монастыря, но не верьте глазам своим: когда приходит время надуть экспедитора, отправиться на поиски затерянного сокровища или скормить фруктовые леденцы хорошеньким пассажиркам, капитан Малуф в своем амплу!»

Капитан усмехнулся: «Расплывчатая характеристика. Как всегда, Винго позволяет себе экстравагантные преувеличения».

Винго сделал серьезное лицо и покачал головой: «О нет, это не так! Опыт всей моей жизни показывает, что истина иногда точнее всего выражается вскользь, намеками и гипербо-

лами. То, что „могло бы случиться“ и то, „чему следовало бы произойти“, всегда интереснее того, что „есть на самом деле“ – и нередко важнее».

«Вполне может быть, – сказал Мирон. – Хотя в том, что касается капитана Малуфа, я не стал бы спешить с выводами».

«Очень тактично с вашей стороны, – одобрил Винго. – Но позвольте обратить ваше внимание на человека, сидящего рядом с капитаном и осушающего одну кружку эля за другой с нахальной грацией падшего ангела. Его зовут Фэй Шватцендейл. На борту „Глики“ он считается главным механиком – а также первым помощником механика, вторым помощником механика, смазчиком, обтирщиком и техником на все руки. Кстати, он – заправский математик и умеет делать сложные расчеты в голове, почти мгновенно сообщая их результаты независимо от того, насколько они ошибочны».

«Впечатляющие способности!» – заметил Мирон. Взглянув на Шватцендейла, привычно наклонившего голову набок и продолжавшего криво усмехаться, Мирон прибавил: «Значит, он почти такой же многосторонний профессионал, как вы?»

«Гораздо более многосторонний! – убежденно заявил Винго. – Шватцендейл умеет играть на аккордеоне и стучать кастаньетами. Он может декламировать наизусть „Балладу о Розе Малони“, с начала до конца! И это только вершина айсберга. Для него рассчитать вероятность выигрыша легче, чем мне приготовить суфле. Шватцендейл – гроссмейстер пятизвездочного монте, стингари, преферанса, качинки и любых других известных и неизвестных мне капризов судьбы, каковые, по его мнению, могли бы принести ему прибыль».

«Достопримечательно!» – отозвался Мирон, подозвал официанта и заказал по кружке эля для всех собеседников. После этого он указал кивком головы на господина в облегающем черном костюме, сидевшего за столом с другого конца: «А этот представитель вашей команды – тоже виртуоз?»

Винго ответил с нарочитой сдержанностью: «Это Хильмар Крим, наш суперкарго. На основе некоторых допущений я мог бы дать положительный ответ на ваш вопрос – особенно если учитывать мнение самого Крима. Хильмар работает с нами всего три месяца, и мы только начинаем разбираться в его достоинствах. Он специализировался в области юриспруденции и, судя по всему, хорошо разбирается в законодательствах множества миров; на самом деле он собирает материал, подготавливая к изданию трактат под наименованием „Основы сравнительного ойкуменического правоведения“. Не так ли, Крим?»

«Возможно, – восторженно воскликнул Крим. – Я тебя не слушал. По какому вопросу вы спорите?».

«Я объяснял Мирону Тэйни, что ты – непревзойденный правовед».

Крим опустил голову: «Я пытаюсь свести воедино законодательства многочисленных миров с тем, чтобы осуществить всесторонний синтез ойкуменических правовых норм. Это гигантский труд».

Винго встретился голубыми глазами с глазами Мирона: «Вот видите! Такова команда „Глики“. Все мы – заблудшие души, в том или ином отношении. Капитан Малуф – мечтатель, ищущий истоки романтической легенды так, как если бы она была реальностью. Шватцендейл – игрок и толкователь таинственных насмешек судьбы. Хильмар Крим – мудрец, изучающий лабиринт человеческих представлений о преступлении и наказании. Все мы в какой-то степени отстранились от общепринятых взглядов – скорее авантюристы, нежели уважаемые члены общества».

Крим возразил с тяжеловесной шутивостью: «Будь так добр, исключи меня из этой категории, многоуважаемый Винго. Я рассматриваю себя как синкретического пантолога, неотделимого от любой окружающей среды. Я элемент универсального ойкуменического сообщества, а не изгой».

«Как тебе будет угодно», – уступил Винго.

Крим кивнул, будучи вполне удовлетворен таким ответом. Мирон спросил у Винго: «А как насчет вас? Кто вы – мудрец, игрок или мечтатель?»

Винго скорбно покачал головой: «По существу, я никто и ничто, даже не изгой. Я сознаю существование вселенской загадки и пытаюсь определить ее очертания. С этой целью я прочел сочинения многих ойкуменических философов; мне известны их слова и доводы, их предположения и заключения. Трагическое откровение состоит в том, что все мы – каждый из философов, я и Вселенная – говорим на разных языках, и нет словаря, который позволил бы нам друг друга понять».

«И что же – что дальше?»

«Почти ничего. Что можно узнать, созерцая хаос? – Винго задумчиво нахмурился, глядя на свои короткие толстые пальцы. – Однажды я забрался в какие-то горы – уже не помню, как они назывались. Набрел на лужу дождевой воды; в ней отражались небо и редкие плывущие облака. Сначала я смотрел вниз, на отражение, а потом поднял голову и взглянул наверх, в небо – необъятное, голубое, потрясающее. Я ушел оттуда, робкий и притихший». Винго снова печально покачал головой: «Пока я спускался с гор, мои бедные ступни болели всю дорогу – они у меня всегда болят, когда я слишком много хожу. Как я радовался, когда мне удалось, наконец, погрузить их в теплую соленую воду, а потом успокоить боль целебной мазью!» Помолчав, он прибавил: «Если мне когда-нибудь снова попадется такая лужа, может быть, я снова взгляну на небо».

«Не совсем вас понимаю, – признался Мирон. – Судя по всему, вы хотите сказать, что бесполезно прилагать слишком много усилий, пытаюсь понять все на свете».

«Нечто в этом роде, – согласился Винго. – Даже если „объективную действительность“ или „истину“ – как бы их ни называли – откроют и определят в научных терминах, они могут оказаться сущим пустяком, и долгие годы поисков будут затрачены зря. Я посоветовал бы мистикам и фанатикам соблюдать осторожность: пожертвовав десятилетия поста и самобичевания во имя постижения истины, в конечном счете они могут приобрести лишь какой-нибудь жалкий обрывок информации, по своему значению уступающий обнаружению мышинного помета в сахарнице».

У Мирона начинала кружиться голова – он не был уверен, чем объяснялось это обстоятельство: количеством выпитого эля или попытками уяснить сущность рассуждений Винго.

Шватцендейл присоединился к разговору: «Наш корабль – просто какой-то улей глубокомыслия. Крим сочиняет правовую систему, которой суждено найти применение по всей Ойкумене. Он намерен взимать пошлину за каждое правонарушение. Что касается меня, я руководствуюсь простейшим правилом: сто́ит мне с испугом и удивлением указать на восток, все вскакивают и смотрят на восток, в то время как я лопаю все, что у них было на тарелках. Капитан Малуф из всех сил старается выглядеть суровым, трезвым и респектабельным – но все это одна видимость. На самом деле он гоняется за блуждающим огоньком, притаившимся среди бесчисленных звезд на какой-то неизвестной планете».

Капитан, слушавший с едва заметной усмешкой, заметил: «Даже если бы это было так, мои поиски – не более чем приступы ностальгии, не заслуживающие обсуждения». Обратившись к Мирону, он спросил: «А как насчет вас? Вы тоже гоняетесь за призраками?»

«Не сказал бы. Могу объяснить, чем я тут занимаюсь, в нескольких словах – смейтесь надо мной, если хотите. Моей двоюродной бабке Эстер принадлежит космическая яхта „Глодвин“. Мы отправились в путешествие. Меня назначили капитаном – по меньшей мере я повеял в эту фикцию. В пути леди Эстер соскучилась и стала капризничать, пока на планете Заволок нам не повстречался усатый мошенник по имени Марко Фассиг, которого она пригласила нас сопровождать. Как только мы приземлились в Танджи, я приказал Фассигу убираться, но леди Эстер выгнала меня вместо него, и вот – я не при деле и утешаюсь элем в таверне „Осоловей-разбойник“».

«Достойная сожаления ситуация», – развел руками капитан Малуф.

Поразмыслив, Мирон отважился задать осторожный вопрос: «Из практических соображений мне следовало бы поинтересоваться: может быть, в вашей команде не хватает человека моей профессии? Если так, я хотел бы предложить свою кандидатуру».

«Вы были капитаном космической яхты?»

«В каком-то смысле. Так называлась моя должность».

Малуф с улыбкой покачал головой: «В данный момент на борту „Глики“ нет никаких вакансий – вся наша команда сидит здесь, за столом».

«Что ж, – пожал плечами Мирон, – я просто подумал, что не помешало бы спросить».

«На вашем месте я сделал бы то же самое, – успокоил его Малуф. – Сожалею, что ничем не могу вам помочь. Но в двух капитанах мы очевидно не нуждаемся».

Мирон мрачно отпил еще полкружки эля. Тем временем в таверну прибыла группа музыкантов. Они вошли на эстраду в дальнем конце зала и вынули инструменты: флажолет, концертину, баритоновую лютню и трамбониум. Настроившись под концертину – с обычными при этом писками, трелями, позвякиванием, глиссандо и пассажами – они стали играть: сначала простоватую, но синкопированную мелодию, в бодром темпе. Пальцы принялись постукивать по столам, носки ботинок – по полу. Скоро завсегдатаи таверны начали танцевать – кто в одиночку, кто парами.

Ночь опустилась на Танджи; таверну освещали маленькие цветные фонари. Мирон опорожнил еще одну кружку эля и расслабился, опираясь спиной на стену и наслаждаясь бездельем. Винго торжественно заявил, что, хотя ему нравились танцы, воздействие пола на чувствительные ступни вызывало у него нервное раздражение.

Рослая рыжая женщина, в полном расцвете ранней зрелости, подошла к Шватцендейлу и предложила ему потанцевать с ней. Механик отклонил это почетное предложение, сопроводив отказ таким множеством любезных комплиментов, что незнакомка погладила его по голове прежде, чем отойти. «Мудрец Шватцендейл! – повернувшись к Мирону, заметил Винго. – В разных местах – свои, особые брачные обряды. Нередко чужеземец делает какой-нибудь пустяковый жест или всего лишь предполагает возможность мимолетных интимных отношений – и обнаруживает, что тем самым обязался связать себя брачными узами, причем невыполнение обязательства чревато наложением крупного штрафа, изрядной взбучкой со стороны родственников девушки или даже прохождением курса трудотерапии. Оказавшись на незнакомой планете и не изучив предварительно местные традиции, рекомендую не позволять себе ничего лишнего во взаимоотношениях с женщинами – и, если уж на то пошло, с мужчинами. Шватцендейл хитер, но даже он не хочет рисковать. Вот послушайте!» Винго обратился к Шватцендейлу: «Предположим, к тебе подойдет красавица с корзиной фруктов на голове и попытается повесить тебе на шею гирлянду пурпурных амарантов – что бы ты сделал?»

«Убежал бы со всех ног из „Осоловей-разбойника“ и спрятался бы у нас на корабле, закрывшись в каюте на замок и натянув на голову одеяло!»

«Таково заключение эксперта!» – заявил Винго.

«Буду осторожен, – пообещал Мирон. – Я нахожу ваши советы исключительно полезными».

Оркестр заиграл новый, энергичный тустеп, подчеркнутый ритмичными возгласами трамбониума и звучными аккордами нижнего регистра лютни. Площадка посреди таверны снова заполнилась танцорами, исполнявшими замысловатые последовательности телодвижений. Одна из пар продемонстрировала популярный номер – взяв друг друга за предплечья, мужчина и женщина застыли в позе готовности, после чего пустились в пляс: проскользнув четырьмя приседающими шагами в сторону, они останавливались, высоко подбрасывали ноги направо и налево, после чего проделывали то же самое в обратном порядке. Другие крутились и вертелись, как придется, производя шутиливый шум карнавальными гудками и маленькими

волынками. Мирону это зрелище казалось чрезвычайно колоритным. Он заметил, что Хильмар Крим, раньше сидевший почти неподвижно, стал постукивать пальцами и покачивать головой в такт музыке. Винго усмехнулся: «Крим выпил четыре пинты эля – в два раза больше обычного – и музыка начинает приобретать для него какое-то значение. У него цепкий ум: надо полагать, он уже выискивает звуковые прецеденты и коллизии».

Крим сделал еще несколько глотков и пробежался пальцами по столу так, словно играл на клавиатуре. Это упражнение его не удовлетворило, и он поднялся на ноги. Залпом опорожнив кружку, он направился к покрытой паркетом площадке и попробовал танцевать джигу – сначала осторожно, но с возрастающим воодушевлением. Лицо подвыпившего юриста застыло в восторженном сосредоточении; подергивая и шаркая ступнями, он вертелся и постепенно перемещался в толпе, напряженно вытянув руки по бокам и время от времени взбрыкивая длинной ногой то вперед, то назад.

В таверну зашел самоуверенный дородный субъект средних лет, вскоре пустившийся в пляс в обнимку с одной из городских красавиц. Господин этот, в бархатном жилете насыщенного коричневого оттенка и блестящих черных штиблетах, украшенных серебряными розетками, очевидно был какой-то местной знаменитостью, причем элегантная небрежность, с которой он преодолевал трудности популярного танца, бросалась в глаза. Другие танцоры уступали ему дорогу, с почтительным восхищением провожая его глазами. Танцующая пара то удалялась, то приближалась, прилежно вытягивая носки, наклоняясь, стремительно скользя из стороны в сторону и вскидывая ноги то направо, то налево – пожалуй, с несколько преувеличенным размахом. Хильмар Крим, всецело поглощенный собственной диковатой пляской, пренебрег приближением господина в бархатном жилете, и тот, продолжая брыкаться, угодил ему в спину каблуком, прямо между лопатками.

Крим удивленно вскрикнул и прервал свою джигу, едва удержавшись на ногах. Увлеченный танцем господин ни в коем случае не желал нарушить ритм отточенных движений и отделался шутливым извиняющимся, но слегка пренебрежительным жестом, явно не приписывая большого значения случайному пинку – для него гораздо важнее было не отставать от музыки.

Негодующий Крим преградил танцору путь – тому пришлось резко остановиться, чтобы избежать столкновения. Последовал обмен раздраженными репликами. Крим разъяснил местному выскочке, как надлежит танцевать порядочным людям. Господин в бархатном жилете отозвался парой кратких замечаний, после чего подхватил подругу и снова пустился в пляс, но сразу же – услышав то, что сказал ему вдогонку Крим – схватил с ближайшего стола кружку эля и выплеснул ее содержимое Криму в лицо, чтобы проучить иностранца за несдержанность. Предварительно оглушив обидчика ударом обеих ладоней по ушам, Крим вихрем завертелся на месте, подпрыгивая и брыкаясь в такт музыке – при этом ему удавалось с завидной, поистине артистической ловкостью синхронизировать с синкопированными акцентами трамбониума удары каблуков по ягодицам и пинки в брюхо дородного оппонента. Наблюдая за тем, как Крим выделял пируэты подобно заправской балерине, отрабатывая джигу на выпуклостях оторопевшей знаменитости, музыканты не растерялись – напротив, они заиграли с пущим энтузиазмом, всем своим видом показывая, что целиком и полностью поддерживают инициативу отважного юриста.

Представлению положили конец два констебля, поспешивших прорваться сквозь толпу и схватить Крима – только тогда наступила тишина.

Винго скорбно покачал головой: «Крим продемонстрировал достойные восхищения акробатические навыки, но сомневаюсь, что это поможет ему выдвинуть убедительные аргументы в свою защиту».

«Жаль! – откликнулся Шватцендейл. – У нашего счетовода, оказывается, было чему поучиться!»

«Опрометчивость, непростительная даже для эксперта-правоведа», – заметил капитан Малуф.

Констебли потащили Крима к кафедре. Тот самый господин, которого оттузил Крим, бодрым шагом опередил полицию, привычно взобрался на кафедру и уселся за пюпитром.

Расставляя на столе кружки со свежим элем, паренек-официант с благоговением произнес: «Ваш приятель – храбрец, но ему не помешала бы толика благоразумия. Теперь ему придется требовать справедливости от магистрата, которому он только что, всем на радость, показал кузькину мать».

«Значит, ты одобряешь его действия?» – поинтересовался Шватцендейл.

Подросток пожал плечами: «Почему не отдать должное тому, кто этого заслуживает?»

Тем временем дородный господин, поудобнее устроившись на стуле, приказал: «Подведите нарушителя спокойствия!»

Подхватив помрачневшего Крима под локти, констебли поставили его перед кафедрой.

«Как вас зовут?»

«Меня зовут Хильмар Крим. Я выполняю обязанности суперкарго на борту звездолета „Гликка“. Я закончил Ахернарский центральный колледж судебной лингвистики, где я специализировался в области адмиралтейского права. Второй диплом мне выдали в Институте общественных наук имени Эразма Роттердамского, где я редактировал ежеквартальный „Обзор судебной практики“. Мои практические профессиональные навыки не уступают моей академической квалификации».

«Ага! И где же вы приобрели навыки балетного кик-боксинга?»

Крим отозвался на шутку угрюмой усмешкой: «Я упомянул о своем образовании лишь для того, чтобы поставить суд в известность о том, что мне хорошо знакомы не только основы юриспруденции, но и практические правовые нормы. Юридические принципы, применимые в рамках рассматриваемого дела, а также ряд относящихся к нему прецедентов, предусмотрены статьями десятой и двенадцатой Основного адмиралтейского кодекса. Насколько я припоминаю, характерными примерами могут послужить...»

Магистрат поднял руку: «Позвольте заметить, юрисконсульт, что порядок выступлений на этом заседании определяю я, а не вы! Разумеется, ваша эрудиция может оказаться полезной, хотя фактически у вас нет никаких оснований принимать меня за неотесанную деревенщину».

«Совершенно бездоказательное заключение, ваша честь!»

«Неважно. Сущность и объем вашего правонарушения известны – остается только определить надлежащую меру наказания, каковое, конечно, не ограничится простым заключением в клетку на всеобщее обозрение».

Крим выпрямился во весь рост и сурово заявил: «Я целиком и полностью отвергаю подразумеваемое обвинение, ваша честь! Оно проистекает из предубеждения и спорно во всех отношениях. Кроме того, суд даже не рассмотрел фактические обстоятельства дела».

Магистрат кивнул и постучал деревянным молотком по кафедре: «Суд признаёт приемлемость возражения защиты! Я проигнорирую только что сделанное мной замечание».

Хильмар Крим слегка наклонил голову: «В таком случае я ходатайствую об отклонении иска».

«Ходатайство не может быть удовлетворено. Дело еще не рассматривалось».

«По поводу фактических свидетельств не может быть никаких сомнений, – заявил Крим. – Конфликт возник, когда вы лично вторглись в пространство, предварительно законно занятое моей персоной, недвусмысленно функционировавшей в качестве одного из танцоров. Такое вторжение объяснялось вашей преступной небрежностью, причинившей мне, посредством столкновения вашей нижней конечности с моим телом – невзирая на последующие многократные столкновения вашего тела с моими нижними конечностями – эмоциональное потрясение и существенный дискомфорт. Человек более строгих правил, чем я, мог бы потребовать

возмещения штрафных убытков; в данном случае, однако, с вашей стороны будет достаточно простого признания своей вины».

«Ваше ходатайство нарушает порядок судопроизводства, так как ему предшествует исковое заявление другой стороны, поданное мной. Нет необходимости вдаваться в подробности. Признаёте ли вы свою вину?»

«Я невиновен, будучи жертвой хулиганского злонамеренного вторжения в предвзятительно занятое мной личное пространство, а также недопустимого провокационного и оскорбительного ногоприкладства: таковы обстоятельства, составляющие сущность спорного вопроса».

Магистрат постучал молотком: «Продолжим. Не буду выслушивать возражения очевидцев, так как лиц, выступивших в пользу ответчика, пришлось бы признать виновными во лжесвидетельстве, подлежащем суровому наказанию. С точки зрения заинтересованных лиц гораздо проще допустить, что все свидетели дадут показания в пользу истца. Суд подтверждает справедливость обвинения. А теперь, что касается приговора... Одну минуту, дайте-ка мне заглянуть в черную книгу». Магистр снял с находившейся за кафедрой полки увесистый том в переплете из черной «рыбьей кожи», установил его на пюпитре и раскрыл его.

Хильмар Крим поспешно вмешался: «Ваша честь, справедливость – хрупкое понятие, его нетрудно сокрушить тяжестью закона, совмещающей функции истца, прокурора и судьи! Справедливость проистекает из человеческого взаимопонимания, ее вскармливает молоко гуманности и сочувствия. Мне известны несколько безукоризненных прецедентов, которыми вы могли бы руководствоваться в данном случае».

Магистрат снова поднял руку: «Ваша эрудиция впечатляет – меня, но не черную книгу. Извольте заметить: я открываю раздел „Жестокость в общественных местах“. Нахожу статью под заголовком „Нападение, оскорбляющее достоинство должностного лица“. В примечаниях к ней приводится следующая инструкция: „Определите тяжесть правонарушения, подсчитав число нанесенных ударов“. Далее: „В зависимости от категории и степени нарушения правопорядка, назначьте дополнительное наказание, соразмерное престижу потерпевшей стороны“».

Хильмар Крим выдавил дрожащую улыбку: «Необходимо учитывать особые обстоятельства! Ваша честь, я – представитель интеллигенции!»

«Оговорка, заслуживающая внимания, – согласился магистрат. – Действительно, придется учесть особые обстоятельства дела. Я уже отметил присущую вам необыкновенную ловкость; кроме того, вам свойственны развитые и многосторонние интеллектуальные способности, не так ли?»

«Можно сделать такое предположение, но...»

«Таким образом, если вы познакомитесь с надзирателем карьера в Бросовом Провале, вы сможете продемонстрировать ему самый эффективный метод переноски тяжелых камней с места на место?»

«Рад был бы оказать всяческое содействие, – прохрипел Крим, – но у меня нет времени, так как...»

«У вас найдется все необходимое для этого время, уверяю вас». Снова заглянув в черную книгу, магистрат произвел расчет: «В случае таких правонарушений, как ваше, точная продолжительность срока исправительных работ составляет четыре месяца, одиннадцать суток и девятнадцать часов. Констебли, удалите заключенного и сопроводите его в Бросовой Провал. Отсчет срока наказания начинается с момента прохождения заключенного через ворота исправительного учреждения».

Крим пытался выдвигать дальнейшие возражения и все еще цитировал прецеденты, когда его выводили из таверны. Музыканты взяли инструменты, снова заиграла веселая музыка. Магистрат спустился с кафедры, нашел свою партнершу, и они опять стали танцевать.

Молчание за столом нарушил Винго: «Неприятное завершение вечера, который так хорошо начался. Крим танцевал с душой и проявил необычайное проворство».

«Крим слишком много выпил – или слишком сосредоточился на принципе справедливого возмездия. Так или иначе, он потерял способность к трезвой оценке ситуации, – сказал капитан Малуф. – Трудно сказать, что именно послужило основной причиной его внезапной несдержанности».

Шватцендейл поднял кружку, взглянув на опустевшее место, где прежде сидел счетовод: «Предлагаю выпить за здоровье Хильмара Крима. Желаю ему стойко выдержать превратности судьбы и как можно приятнее провести время в лагере! В хорошей компании время летит незаметно».

«Может быть, среди камней ему попадутся любопытные окаменелости», – предположил Винго.

Все сидевшие за столом опорожнили кружки и снова погрузились в молчание.

Через некоторое время Мирон обратился к Малуфу: «Капитан, возникает впечатление, что должность суперкарга на борту „Глики“ освободилась».

Капитан Малуф серьезно кивнул: «Возникает такое впечатление».

«В таком случае я хотел бы подать заявку на заполнение этой вакансии».

Малуф смерил Мирона оценивающим взглядом: «У вас есть соответствующий опыт?»

«Как вам известно, в последнее время я выполнял обязанности капитана космической яхты».

Малуф не совсем понимал, как следовало реагировать на такое заявление: «Таким образом, выполнение обязанностей суперкарга было бы для вас понижением в ранге?»

«Для меня это стало бы началом новой карьеры, – возразил Мирон. – Уверен, что справлюсь – мне уже приходилось иметь дело с оформлением грузовой документации и бухгалтерией».

«Я вам верю, – заключил капитан Малуф. – Судя по всему, вы разумный молодой человек, наделенный способностями от природы. Считайте, что вы приняты в состав нашей команды».

Глава 4

1

«Гликка» – нескладное старое суденышко умеренной вместимости – перевозило грузы в трех трюмах, а также, в зависимости от спроса, то или иное число пассажиров, каковым предлагались каюты второго и третьего класса, причем пассажирские перевозки нередко совмещались с грузовыми. Команду составляли капитан Адэйр Малуф, главный механик Фэй Шватцендейл, старший стюард Айзель Винго, а теперь и новый суперкарго – Мирон Тэйни.

Команда покинула таверну «Осоловей-разбойник» в полном составе и не слишком поздно. Мирон направился в номер, который он снимал в «Приюте скитальца», а другие вернулись в свои каюты на борту «Глики».

Утром Мирон упаковал немногочисленные пожитки и спустился в вестибюль. Хозяйка заведения, сидевшая за стойкой, никак не реагировала на его приближение.

Мирон попытался придать голосу суховатую деловитость: «Мне больше не понадобится ваш номер».

«Как вам будет угодно».

Мирон ждал, но хозяйка больше не сделала никаких замечаний.

Мирон нарушил молчание слегка более напряженным тоном: «Вы могли бы вернуть два сольдо, уплаченных вперед за неиспользованный постой».

Хозяйка сложила руки на груди: «Ничего я не верну».

Разглядывая бесстрастное лицо этой женщины, Мирон открыл было рот, чтобы протестовать, но все пришедшие на ум возражения казались ему недостаточными. Он закрыл рот. В любом случае, почему бы он стал торговаться с беззастенчивой воровкой из-за какой-то жалкой пары сольдо? Согласно «Рекомендациям», ему подобало проявить аристократическую снисходительность или даже презрение. Мирон надменно произнес: «Это не имеет значения. Не ожидайте чаевых, однако». С этими словами он повернулся на каблуках и промаршировал на улицу. В каком-то смысле он одержал победу. Он покинул «Приют скитальца», не поступившись достоинством, а хозяйка заведения, в принципе, теперь должна была сгорать от стыда. Кроме того, жизнь преподала ему полезный урок, за который не жалко было заплатить два сольдо.

Выйдя на площадь, он сел за столик в кафе и позавтракал рыбными котлетками с чаем, после чего прошел по бульвару, под облачными вязами, к зданию космопорта. Надзиратель, стоявший на прежнем месте, вежливо отдал ему честь. Мирон ответил сухим кивком. Пройдя на посадочное поле, он заметил «Глику» в сотне метров от выхода – судно крупнее «Глодвина», явно надежной конструкции, но лишенное эстетических претензий и застенчивой элегантности частной космической яхты. Корпус «Глики» некогда был покрыт суровой синева-серой эмалью с темно-красными обводами, но теперь через полустертую эмаль проглядывал серовато-белый грунтовочный слой, местами заляпанный оранжевым вяжущим материалом, герметизировавшим глубокие царапины, отметины, оставленные мелкими метеоритами, и прочие повреждения. Под открытым люком правого трюма стоял передвижной подъемник, хотя в данный момент никто ничего не загружал.

Мирон пересек опаленное пламенем двигателей посадочное поле и поднялся по ступеням трапа, ведущего к распахнутому настежь входному люку главного салона «Глики». В салоне он нашел Малуфа и Шватцендейла, задержавшихся за завтраком. Они приветствовали его дружелюбно, но спокойно, как старые знакомые. «Присаживайся, – пригласил Малуф. – Ты уже завтракал?»

«Я съел две рыбные котлетки под томатным соусом и выпил пару чашек перечного чая, – признался Мирон. – По сути дела я уже позавтракал».

Винго, гремевший кастрюлями в соседнем камбузе, услышал его и тут же принес Мирону миску фасоли с беконом, а также две поджаренные ячменные лепешки, сопровождая свои действия следующим строгим наставлением: «На паршивых планетах кормят всякой дрянью. На борту „Глики“ мы не предаемся гурманскому обжорству, но и не корчим из себя эстеров-аскетов. Так или иначе, в изучении тонкостей местной кулинарии обычно нет необходимости».

«Такие вопросы у нас решает Винго, – сообщил Мирону Шватцендейл. – Если он находит на местном рынке что-нибудь привлекающее его внимание, это подают на ужин. Винго внимательно следит за последствиями: если нам не становится плохо от нового блюда, он иногда осмеливается попробовать его сам».

Винго ухмыльнулся до ушей. «Мне редко приходится выслушивать жалобы, – успокоил он Мирона. – Если ты согласишься последовать за мной, я покажу тебе каюту суперкарга. Мы с Шватцендейлом уже сложили вещи бедняги Крима в камеру хранения на космическом вокзале. Кюта проветрилась, на койке свежие простыни. Думаю, ты тут освоишься».

Мирон отнес свой чемоданчик в каюту и вернулся в салон.

За столом оставался один капитан. Он спросил: «Надеюсь, тебя устраивает каюта?»

«Да, разумеется – я готов приступить к работе».

«В таком случае я объясню, в чем будут заключаться твои обязанности. Они разнообразнее, чем можно было бы ожидать». Малуф задумчиво взглянул на потолок и продолжил: «Попытайся разобраться в методах, применявшихся Кримом. В этом отношении могут возникнуть затруднения. Несмотря на множество его талантов и познаний, Хильмар Крим относится к категории людей, которых... как бы это выразиться... невозможно отнести к какой-либо категории».

Мирон кивнул: «Это меня не удивляет».

«Крим неприязненно обращался с некоторыми пассажирами, что приводило к излишним трениям. В ответ на запрос, казавшийся ему нерациональным, вместо того, чтобы затратить пять минут и удовлетворить запрос, Крим разъяснял, почему пассажиру следовало изменить взгляд на вещи. Например, если пассажир страдал несварением желудка, Крим рекомендовал ему холистический подход вместо того, чтобы выдать требуемую пилюлю, и споры по этому поводу продолжались несколько часов, пока позеленевший пассажир не скрывался в туалете, схватившись за живот. Если я пытался вмешаться, Крим заявлял, что он придерживается самых высоконравственных принципов, в связи с чем мне оставалось только чувствовать себя беспринципным шарлатаном».

Мирон снова кивнул и занес в маленькую записную книжку следующую пометку: «Инструкция №1: умиротворять пассажиров; выдавать лекарства по требованию».

«Вот именно. А теперь – о записях и счетах. Опять же, в этом отношении я вынужден подвернуть Крима критике. Он был настолько одержим монументальной компиляцией законодательств Ойкумены, что рассматривал финансовый учет как невыносимый каторжный труд, которого следовало избегать всеми возможными средствами. Когда его упрекали в нерадивости, он утверждал, что безошибочно хранит в памяти все существенные цифры и может восстановить их на бумаге в любой момент, когда это потребуется. Однажды я спросил его: «Что, если превратность судьбы заставит вас покинуть наше судно – например, если вас убьет бандит или если вы умрете от кровоизлияния в мозг?»

«Чепуха, такого не может быть!» – безапелляционно заявил Крим.

«Пусть так, – настаивал я, – но что, если вас арестует полиция и вас бросят в тюрьму? Кто, в таком случае, сможет расшифровать ваши каракули?»

Крим рассердился. По его словам, такая перспектива была слишком маловероятной, чтобы ее можно было рассматривать всерьез. Никакая полиция не посмела бы задержать человека, вооруженного такими средствами правовой и процессуальной защиты, какими располагал он, Хильмар Крим. Но он ошибался. Его так-таки арестовали и бросили в тюрьму – и теперь для нас потеряно огромное множество учетных записей, которые он держал в голове. На мой взгляд, этот эпизод говорит сам за себя».

Мирон пометил в записной книжке: «Инструкция №2: вести надлежащие записи; избегать полиции».

«Ты меня правильно понимаешь». Малуф приступил к описанию других обязанностей суперкарго. Мирону надлежало регистрировать загрузку и разгрузку товаров, оформлять транспортные накладные и, по мере необходимости, обеспечивать получение разрешений на импорт и экспорт. Наблюдая за погрузкой и разгрузкой в каждом порту, он должен был удостоверяться в том, что все соответствующие грузы доставлялись получателю, даже если бы для этого ему пришлось самому перетаскивать их из трюма на передвижную платформу.

Мирон записал: «Инструкция №3: следить за погрузкой и разгрузкой, подробно регистрируя все, что перемещается из трюмов и в трюмы».

Малуф продолжал: «Суперкарго должен удостоверяться в том, что вся плата за перевозку была внесена перед загрузкой товаров – в противном случае вполне возможно, что мы будем доставлять грузы, не извлекая никакого дохода, так как грузополучатели нередко отказываются оплачивать счета за перевозку, и в результате у нас на руках остаются бесполезные товары, что приводит к множеству затруднений».

Мирон записал: «Инструкция №4: обязательно требовать предоплаты перевозки грузов, в том числе всех сборов и пошлин».

«Как видишь, – говорил Малуф, – идеальный суперкарго – человек непреклонный, всевидящий и неотвязно настойчивый. Его ум подобен западне, не упускающей никакие сведения, он не верит нахальным утверждениям складских работников и не уступает давлению со стороны портовых чиновников, как бы они ни пытались его запугивать».

«Сделаю все, что смогу», – упавшим голосом отозвался Мирон.

«Надеюсь, этого будет достаточно, – сказал капитан. – У нас на борту вечно не хватает рабочих рук. Каждый выполняет несколько функций одновременно – особенно суперкарго, время от времени вынужденный помогать стюарду или механику, а также брать на себя обязанности подсобного помощника на все руки. Это понятно?»

«Теперь понятно».

Сразу после полудня капитан Малуф и Мирон направились в зал ожидания космического вокзала. В небольших конторах, в дальнем конце зала, ютились экспедиторы. На стене у входа в каждую контору висели перечни грузов, которые желал отправить тот или иной экспедитор.

«Здесь наша профессия становится по-настоящему сложной, – сообщил Мирону капитан. – Если бы она заключалась просто в перевозке груза из пункта А в пункт В, где можно было бы сразу наполнить трюмы другими товарами и отвезти их в пункт С, а из пункта С – следующий груз в пункт D и так далее, все мы разбогатели бы, не моргнув глазом, и астронавты-перевозчики не страдали бы нервными расстройствами и не закатывали бы неожиданные истерики в тавернах. Но все никогда не бывает так просто».

«А как насчет пассажиров?»

Физиономия Малуфа приобрела кислое выражение: «Пассажиры, в лучшем случае – неизбежное зло. Как правило, они капризны. Они на все жалуются. Сначала они хотят одного, а потом совсем другого. Они ругаются друг с другом. Они требуют дополнительных поблажек, причем надеются, что они их получают бесплатно. Они вечно суют нос в рубку управления. Они усаживаются в капитанское кресло и читают мои книги. Винго слишком добр к пассажирам. Шватцендейл заглядывается на женщин и втягивает в азартные игры всех, кого может облаго-

шить. Нет уж, лучше возить товары! Груз лежит себе тихонько в трюме и не требует, чтобы его развлекали. Пойдем, посмотрим, что нам сегодня предложат».

Малуф и Мирон просмотрели перечни товаров, ожидавших отгрузки. Вместо того, чтобы делать пометки или расспрашивать экспедиторов, Малуф фотографировал списки. «Это проще всего, – пояснил он Мирону. – Не забывай еще об одном: груз, пункт назначения которого почему-либо неудобен, нередко можно оставить в перевалочном порту для дальнейшей доставки другим судном. Многие товары, внесенные в сегодняшние списки, были разгружены здесь именно с этой целью».

«Дело сложнее, чем я ожидал», – признался Мирон.

«Конечно. Возможность прибыльной перевозки груза, несомненно, в какой-то степени зависит от логики умозаключений, но от интуиции – вдвойне, а от удачи – втройне, особенно если мы надеемся подбирать выгодные грузы по пути».

Вернувшись с Мирonom на борт «Глики», капитан загрузил сделанные фотографии в судовой компьютер – тот автоматически считывал и обрабатывал данные, содержащиеся в списках. «Я запрограммировал компьютер так, чтобы он решал задачу, которую когда-то называли „задачей коммивояжера“, – сказал Малуф. – Ты знаешь, в чем она заключается?»

«Нет, кажется, я никогда не слышал о такой задаче».

«Вопрос ставится следующим образом: какой маршрут лучше всего выбрать странствующему торговцу, желающему посетить несколько городов, чтобы проехать наименьшее расстояние? Даже в простейшем виде это сложная задача, а я усложнил ее еще на несколько порядков, добавив две дополнительные переменные: третье измерение и прибыльность. К сожалению, компьютер неспособен учитывать выгодные грузы, которые могут попадаться по пути, в связи с чем решение задачи никогда нельзя назвать оптимальным или окончательным».

Прошло пять минут. Компьютер трижды воспроизвел звук тихо звенящего колокольчика. «Задача решена, – сказал Малуф. – Компьютер доволен». Он обратил внимание Мирона на экран, демонстрировавший множество белых искр на темном фоне, соединенных тремя разноцветными нитями – красной, синей и зеленой – зигзагообразно тянувшимися от одной искры к другой.

«Ты понимаешь то, что видишь?» – спросил капитан.

«Да. Искры на экране – звезды, цветные линии – возможные маршруты полета. Все маршруты начинаются в Танджи, но заканчиваются в различных солнечных системах».

«Правильно, – подтвердил Малуф. – Хотя конечные пункты маршрутов могут изменяться в зависимости от того, какие грузы попадутся по пути». Капитан вынул распечатку из прорези компьютера. Несколько минут он изучал полученные данные, после чего снова взглянул на экран: «Лучше всего взять „синий“ курс. Дюайль на Скропусе станет первым перевалочным пунктом, оттуда в Коро-Коро, а затем в Какс на Бленкинсопе – это еще один перевалочный пункт». Он сложил распечатку и засунул ее в карман: «Теперь начинается настоящая работа – переговоры о заключении контрактов. Выжать прибыль из экспедитора труднее, чем вырвать кусок мяса из волчьей пасти. Что ж, остается только попытаться – может быть, в конечном счете у нас на руках останутся какие-нибудь гроши».

Малуф и Мирон вернулись в вестибюль космического вокзала. Руководствуясь компьютерной распечаткой, капитан смог заключить контракты на перевозку грузов по «синему» маршруту. Мирон с любопытством наблюдал за переговорами. Малуф вел себя так, словно процесс его мало интересовал, почти рассеянно. Судя по всему, однако, его методы были достаточно эффективны, и капитан очевидно остался доволен результатами. В конце концов Мирон не выдержал и спросил: «Почему у вас все идет гладко, как по маслу?»

Малуф улыбнулся: «По нескольким причинам. Я не требую невозможных уступок, в связи с чем никто не считает, что его принимают за дурака. Но важнее то, что я соглашаюсь брать „осиротевшие“ грузы, пункты назначения которых находятся далеко от обычных марш-

рутов, на редко посещаемых планетах. Экспедитору осиротевшего груза приходится ждать появления „бродячего судна“, такого, как „Глилка“. Так как он платит неустойку за простой, ему больше не терпится избавиться от груза, чем мне – везти его в такую даль. Сегодня мы уже заключили несколько неплохих контрактов, но я сомневаюсь, что у нас будут полные трюмы. Посмотрим, не удастся ли нам подцепить что-нибудь еще».

Вечером Мирон подготовил манифест и запланировал экономичное размещение нового груза. Утром контейнеры и ящики, подлежавшие отгрузке, переместили со склада на погрузочную платформу, откуда их подняли в трюмы «Глилки» под бдительным наблюдением Мирона. Как и опасался капитан Малуф, объем товаров оказался недостаточным – один из трюмов полностью пустовал.

После полудня Малуф и Мирон снова направились в вестибюль космического вокзала, надеясь найти новые объявления о грузах, ожидавших отправления, но в списках не было никаких изменений, и оставались открытыми лишь несколько экспедиторских контор. В одной из этих контор дородный чернобородый субъект в опоясанном коричневом кафтане в черную полоску спорил с агентом, то лъстиво выпрашивая у него какую-то услугу, то раздраженно настаивая на чем-то и подчеркивая свои замечания выразительными жестами. Экспедитор возражал, отвечая не менее выразительной жестикуляцией – он ни за что не соглашался удовлетворить требования посетителя. Терпение агента наконец истощилось. Он откинулся на спинку стула и тряс головой, отказываясь выслушивать дальнейшие доводы. С явным облегчением заметив капитана Малуфа, он указал на него чернобородому субъекту; человек в коричневом кафтане развернулся на месте, взглянул в сторону Малуфа, немедленно покинул контору экспедитора и почти бегом направился к капитану.

Наблюдая за этой последовательностью событий, Малуф помрачнел и пробормотал, чуть наклонившись к Мирону: «Увы! Сдается мне, что это пассажир».

Человек в кафтане остановился перед ними – невысокий, с маленькими ладонями и ступнями, успевший нарастить небольшое брюшко. Голова его была сплошь покрыта черными кудряшками, черная борода подстрижена «лопатой» сантиметрах в пяти под подбородком, на круглом серьезном лице выпучились карие собачьи глаза. Он представился: «Меня зовут Детер Калаш, я из Луазонвиля на планете Комард. Как вы могли заметить, я занимаю высокое положение. По сути дела я – перрумпитер клантической секты, и в настоящее время выполняю обязанности путеразведчика группы из десяти пилигримов. Мы направляемся в место под названием Бесовская Высадка на планете Кирил. Пока что наше паломничество нельзя назвать спокойным и успешным. Мы взошли на борт пассажирского звездолета „Старый хрыч“, доверившись обещанию доставить нас прямиком в Бесовскую Высадку. Но капитан Фоглер бесцеремонно изменил курс и оставил нас здесь со всем нашим багажом. Это причиняет нам огромное неудобство, потому что сроки паломничества имеют для нас большое значение».

«Достойное сожаления затруднение! – сказал Малуф. – Тем не менее...»

«Одну минуту – подождите, пожалуйста! Мне сообщили, что вы направляетесь в сектор Перголы, то есть в сторону Кирила, если даже не на Кирил как таковой! Поэтому я хотел бы сразу договориться с вами о перевозке одиннадцати пассажиров в Бесовскую Высадку, в каютах самой комфортабельной категории, вместе с одиннадцатью сундуками, содержащими священные реквизиты. Естественно, мы имеем право на благотворительную скидку в качестве подаяния, то есть наши сакральные сундуки подлежат бесплатной перевозке без учета в транспортной накладной – как, надо полагать, вы всегда перевозите багаж благочестивых паломников».

«Не всегда, – отозвался Малуф. – Точнее говоря, мы никогда так не делаем».

Глаза Калаша округлились от изумления: «Я вынужден настаивать на концессиях, традиционно предоставляемых жреческому сословию!»

Малуф глубоко вздохнул: «Прошу меня извинить – я скоро вернусь». Капитан пересек вестибюль и зашел в контору экспедитора. Там он задал вопрос; агент развернул несколько

карт – Малуф сверился с ними, а также изучил изображение, появившиеся на экране компьютера агента. После этого он вернулся к Калашу и Мирону, знаком пригласив их сесть. Когда все трое уселись, Малуф обратился к чернобородому путеразведчику: «Надо полагать, у вас есть финансовые средства, позволяющие вам заплатить за проезд?»

«Само собой! – достоинство Калаша было явно оскорблено. – За кого вы нас принимаете – за спурионитов или за иноков Братства Проклятых?»

Малуф пожал плечами: «Мне все равно – лишь бы поездка была оплачена». Капитан вынул небольшую пачку желтой бумаги и самопишущее перо: «Прежде всего условимся. Вы желаете, чтобы мы доставили одиннадцать человек с багажом в Бесовскую Высадку на Кириле».

«Именно так! Как я уже упомянул, мы предпочитаем самые комфортабельные каюты, по возможности удешевленного класса „люкс“. Багаж, в связи с его особыми свойствами, потребует особого обращения».

«Будьте добры, опишите этот багаж».

«Что тут еще описывать? – капризно возмутился Калаш. – Каждый из нас везет личные вещи, в том числе некоторое количество ритуальных реквизитов».

«В сундуках? Так это обычно делается?»

«В какой-то мере. А теперь послушайте! В том, что касается кухни, мы довольно-таки разборчивы...»

«Не сомневаюсь. Но прежде всего – еще несколько вопросов. Что содержится в ваших сундуках?»

Калаш нахмурился: «Каждый паломник везет с собой освященный материал, призванный обогатить субстанцию Кирила».

«И сундуки одинаковы по размерам?»

«Совершенно одинаковы».

«Ага! И каковы же размеры каждого сундука?»

Калаш ответил широким жестом: «Не имею ни малейшего представления. Такие детали меня не интересуют. Перейдем к обсуждению кулинарных требований».

Малуф не давал себя отвлекать: «Какой высоты эти сундуки? Примерно такой?» Капитан протянул ладонь примерно в полуметре над полом.

«Надо полагать, примерно такой. Что-то в этом роде, в любом случае».

Малуф поднял ладонь еще на полметра: «Или такой?»

Калаш рассмеялся: «Возможно! Но учитывайте, что я не инженер, меня никто не учил оценивать габариты на глаз».

Малуф поднял ладонь до уровня полутора метров над полом: «Такой высоты?»

Калаш нахмурился: «Нет, все-таки меньше».

Капитан сделал пометку на желтом листке: «Скажем, предположительно, метр двадцать пять сантиметров – что подлежит уточнению, конечно. Какой ширины ваши сундуки? Примерно такой?»

В конечном счете Калашу пришлось признать, что каждый из сундуков был примерно полтора метра в длину, метр в ширину и метр с четвертью в высоту.

Малуф делал пометки: «И у вас одиннадцать таких сундуков?»

Калаш сухо кивнул: «Помните! Все они проникнуты духовным озарением!»

Малуф продолжал расчеты: «Сундуки займут четверть грузового трюма. Применяются обычные расценки с учетом массы емкостей и всего их содержимого, включая духовное озарение. В качестве особой скидки мы согласны перевозить духовное озарение без наценки».

Калаш разразился протестующими возгласами, но капитан их игнорировал: «Возникает еще один вопрос. Кирил не предусмотрен в графике нашего полета. Мы высадим вас в Коро-

Коро на Флютере. Это пересадочный пункт, откуда вы сможете долететь до Кирила на попутном корабле».

Круглые глаза Калаша увлажнились: «Нас нисколько не устраивает такая перспектива! Нам совершенно необходимо вовремя завершить Пятилетнюю Круговерть! Неужели вы не можете слегка отклониться от курса, чтобы включить Кирил в свой график и доставить нас в Бесовскую Высадку? Ведь для этого не потребуются особые затраты или усилия».

«В каком-то смысле это так. Однако упомянутое вами „отклонение от курса“ потребует поворота под прямым углом, и вам придется заплатить за такое отклонение дополнительно».

«Это было бы очень удобно, – осторожно сказал Калаш, – если вы назовете соответствующую нашим финансовым возможностям цену, предусматривающую наш проезд со всеми удобствами непосредственно в пункт назначения».

«Мне приходится беспокоиться и о моих собственных финансовых возможностях, – парировал Малуф. – Могу, однако, сообщить вам наши расценки».

«Конечно, конечно! – нетерпеливо воскликнул Калаш. – Рассчитайте сумму на чистом листе бумаги, новым пером! Не нажимайте на перо слишком сильно! Само собой, я ожидаю церковного подаяния в полном размере!»

Малуф с улыбкой покачал головой: «Ваши ожидания беспочвенны. Но наши расценки не чрезмерны».

Калаш тревожно дернул себя за бороду: «Рад слышать, рад слышать. Каковы же эти расценки?»

Малуф подвел итог: «Скажем так: по сто сольдо за перевозку каждого пилигрима, вместе с его сундуком, до Коро-Коро, плюс наценка в размере пятисот сольдо за дополнительную перевозку всех пилигримов со всеми сундуками до Кирила».

Калаш в отчаянии воздел руки к потолку: «Но это же просто возмутительно!»

«Если вы так считаете, у вас всегда есть альтернативный вариант», – спокойно сказал капитан.

«Какой именно?»

«Вы можете улететь на другом корабле».

«Но такой возможности нет! Никакое другое судно не летит в сектор Перголы».

«С этим я ничего не могу поделать».

Калаш принялся умолять жалобно напряженным тоном: «Проявите снисхождение к нам и к нашему паломничеству! Подобно древним рыцарям-паладинам, мы посвятили себя славным деяниям! Нередко нам приходится терпеть лишения, порой поистине мученические! И все же, направив стопы свои в пустыни Кирила, мы восславим благодетелей, оказавших нам помощь в пути!»

Малуф усмехнулся: «Мы тоже стремимся к славной, достойной благоговения цели: а именно к извлечению прибыли, которая позволяет нам выжить – дохода, выжатого, к нашей неопишуемой радости, из скаредных пассажиров».

«Ваша философия вульгарна!»

«Ни в коем случае! – возразил Малуф. – Разумное отношение к действительности никогда не вульгарно. Такое отношение позволяет предположить, что, будучи способны позволить себе роскошь дорогостоящих религиозных обрядов, таких, как межзвездное паломничество, вы можете позволить себе оплату необходимой для такого паломничества поездки, в том числе оплату перевозки необычно громоздкого багажа».

Калаш колебался, пытаясь подыскать подходящий ответ. Мирон внимательно наблюдал за происходящим. По всей видимости, с каждой минутой перед его глазами открывался новый немаловажный аспект теории и практики межпланетных перевозок.

Калаш все еще не сдавался. Еще десять минут он упрасивал, угрожал, издавал жалобные возгласы, лебезил, приводил всевозможные доводы на основе трансцендентального вероуче-

ния, но в конце концов угрюмо пробурчал: «Похоже на то, что мне придется уступить вашим невероятным требованиям и расстаться с астрономической суммой. Я выбираю первый предложенный вами вариант: мы заплатим за проезд до Коро-Коро, а там уже попытаем счастья на последнем этапе пути».

«Как вам будет угодно».

Калаш смело заявил: «Сию минуту я могу выдать вам вексель, подлежащий оплате, в полном размере, в центральном управлении Клантического ордена. Разумеется, мне потребуется квитанция, подписанная вашим помощником в качестве свидетеля».

Малуф снова улыбнулся и покачал головой: «Таково последнее отчаянное упование религиозного фанатика».

«Я вас не понимаю», – напряженно и холодно сказал Калаш.

«Если ваш вексель не стóит ломаного гроша, что я смогу сделать? Искать вас в пустынях Кирила? Заставить вас вернуться в Танджи? Или просто удовольствоваться вашими извинениями за допущенную ошибку?»

Калаш возвел к потолку собачьи карие глаза: «Вы мне нисколько не доверяете?»

«Нисколько».

Путеразведчик пилигримов продолжал ворчать и скулить, но капитан Малуф не проявлял сочувствия. В конце концов Калаш уплатил за проезд паломников наличными и пообещал собрать с попутчиков плату за перевозку сундуков.

Вечером Мирон наблюдал за тем, как сундуки пилигримов загружали в трюм №3. Действительно, сундуки оказались одинаковыми и по размерам, и по внешнему виду: изготовленные из плотного темно-коричневого дерева, навощенного и отполированного до блеска, они были окованы бронзовыми полосами и закрыты на три замка каждый. В ответ на расспросы Мирону сообщили только то, что сундуки содержали в высшей степени священные и неприкосновенные культовые аксессуары.

Паломники гурьбой взошли по трапу «Глики» – разномастная компания всевозможных возрастов, в том числе относительно молодой нахальный толстяк Полоскун и не менее наглый и развязный старикашка Бартхольд. Зейтцер отличался более покладистым темпераментом, тогда как Тунх, ворчливый и язвительный, подозревал всех и каждого в самых отвратительных намерениях. Праздного болтуна Лориса и мудреца Кершо разделяла еще бóльшая пропасть, в данном случае интеллектуальная. Перрумптер Калаш, будучи человеком более или менее обыкновенным в том, что касалось манер и поведения, порой прилагал чрезмерные усилия, пытаясь добиться уступок, за которые он не желал платить ни в коем случае. В частности, бросив первый взгляд на свою каюту, Калаш обратился к капитану Малуфу, протестуя в самых сильных выражениях; перрумптер утверждал, что термин «каюта самой комфортабельной категории» был совершенно неприменим в отношении спальных мест, отведенных паломникам.

Малуф только пожал плечами: «Так как мы предлагаем каюты только одной категории, термин „самая комфортабельная“ применим к любой из них в равной степени».

Калаш продолжал возражать, но капитан отказался его слушать: «В дальнейшем, пожалуйста, обращайтесь с любыми жалобами к суперкарго – он, по возможности, устраним любые упущения».

Пилигримы тут же пожаловались Мирону на отсутствие надлежащих удобств в столовой: они не желали сидеть на скамьях, установленных с обеих сторон вдоль одного длинного стола. Они желали, чтобы каждого из них обслуживали за отдельным столом, накрытым льняной скатертью. Мирон немедленно согласился и подготовил меню, в котором цены соответствовали тем, каких можно было бы ожидать в роскошном ресторане, с тем примечанием, что с каждого обедающего будет ежедневно взиматься наценка за столовое белье в размере одного сольдо.

Калаш просмотрел меню с удивлением и неприязнью: «Я многого здесь не понимаю. Например, что это за блюдо, „вареные бобы в стиле Винго“, по одному сольдо за порцию? А здесь? „Соленая макрель без приправ“ за одно сольдо и семьдесят грошей? Мы не сможем ничего есть, если будем столько платить!»

«Вы могли бы предпочесть стандартное меню, нередко вполне приемлемое – причем стоимость перечисленных в нем блюд уже включена в стоимость проезда», – предложил Мирон.

«Да-да, – проворчал Калаш. – Мы попробуем стандартное меню».

Винго подал паломникам прекрасный обед: гуляш, пельмени в бульоне и свой фирменный салат. Калаш был слишком занят поглощением этих блюд для того, чтобы жаловаться.

В тот же день, проходя мимо Мирона, капитан Малуф остановился и сказал: «Заметно, что ты постигаешь основы своей профессии. Несмотря на невинное выражение твоей физиономии, ты, пожалуй, сможешь успешно выполнять обязанности суперкарга».

2

«Гликка» вылетела из Танджи и взяла курс на звезду Тактона и ее планету Скропус, где находился их первый порт захода, Дюайль. В Дюайле «Гликка» должна была выгрузить партию химикатов, лекарств и гигиенических медицинских материалов, предназначенных для Рефункционария – исправительного учреждения, разместившегося в древнем дворце. Капитан надеялся – если повезет – найти здесь дополнительный груз, ожидавший дальнейшей перевозки: прессованную пыльцу, ароматическую камедь или, может быть, пару палет дерева драгоценных пород.

Мирон быстро приспособился к распорядку своей работы. Гораздо труднее оказалось справиться с записями Хильмара Крима и его необычайными методами бухгалтерского учета. Крим использовал систему сокращений, неразборчивых стенографических пометок и не поддающихся расшифровке иероглифов. Кроме того, многие финансовые подробности, такие, как портовые сборы, суммы, полученные складскими рабочими, авансы, выплаченные команде, и прочие случайные расходы, Крим вообще никогда не регистрировал. Он предпочитал держать промежуточный итог в голове до тех пор, пока у него не появлялось желание занести значение баланса в учетные книги. Такое желание появлялось у него нерегулярно, по капризу, в связи с чем в ведомостях нелегко было найти какие-либо осмысленные цифры.

В конце концов Мирон изобрел метод расчета, который он называл «усреднением по вдохновению». Это была прямолинейная система, позволявшая получать определенные результаты, хотя исходные данные в ней носили скорее интуитивный или даже произвольный характер. Руководствуясь этим принципом, Мирон заменял иероглифы Крима воображаемыми суммами, каковые он корректировал, пока они не позволяли получить надлежащий результат. Таким образом Мирон восстановил какую-то видимость порядка в учетных книгах, хотя не мог гарантировать абсолютную достоверность записей. Мало-помалу Мирон пришел к тому выводу, что точность цифр не имела большого значения постольку, поскольку цифры были указаны четким и уверенным почерком и в сумме позволяли подвести осмысленно выглядящий итог и согласовать счета. Капитан Малуф часто пытался проверять учетные записи, но процессы, применявшиеся Кримом, превосходили всякое понимание. Теперь, просматривая «вдохновенные» цифры Мирона, снабженные удобопонятными краткими пояснениями, капитан был вполне удовлетворен.

Дни проходили за днями, и Мирон все ближе знакомился со своими коллегами-астронавтами. Шватцендейл оказался, при ближайшем рассмотрении, стихийно непосредственной, непостоянной личностью с необузданным воображением, полной сюрпризов и вызывающих изумление способностей. Рядом с ним Винго выглядел человеком спокойным, методичным, склонным к глубокомыслию. С первого взгляда Шватцендейл производил впечатление мошен-

ника привлекательной наружности, но с сомнительными привычками. Его физиономия – изящный подбородок, высокий лоб, разделенный треугольным выступом волос, и словно светящиеся прозрачные глаза – нередко побуждала незнакомцев принимать его за томного молодого эстета, даже за сибарита. Такое представление несколько не соответствовало действительности. В сущности Шватцендейл был человеком дерзким, непоседливым, с расточительными привычками и сумасбродными настроениями. Он бежал по жизни вприпрыжку, как ребенок, никогда не испытывая ни малейшего смущения. К практическим обязанностям инженера-механика Шватцендейл относился с презрительной яростью, как если бы это занятие было недостойно серьезного внимания со стороны человека с утонченными вкусами и блестящим интеллектом – то есть такого, как он. В том, что касалось самооценки, Шватцендейл был одновременно тщеславен и романтически наивен; он воображал себя азартным игроком и благородным искателем приключений. Время от времени Винго отзывался о выходках Шватцендейла с почтительным ужасом, смешанным с восхищением и неодобрением.

Будучи полной противоположностью механику, Винго – низенький, полный, голубоглазый, с редкими прядями светлых волос, ничуть не прикрывавших розовую лысину – был мягок и дружелюбен, всегда готов проявить сочувствие. Он страстно коллекционировал редкости – небольшие антикварные безделушки и любопытные диковины – причем ценил в них не столько стоимость, сколько изобретательность и мастерство изготовления. Кроме того, Винго увлекался фотографированием и занимался составлением того, что он называл «подборкой настроений» – стюард надеялся когда-нибудь опубликовать большой альбом под наименованием «Карнавал Ойкумены».

Винго проявлял пристальный интерес к сравнительной метафизике: к сектам, предрассудкам, исповеданиям и трансцендентальным философским воззрениям, с бесконечным разнообразием каковых он неизбежно сталкивался по мере того, как «Гликка» порхала с планеты на планету. Очутившись в новом, незнакомом месте, он непременно уделял внимание туземным мистическим верованиям. Шватцендейл осуждал в нем эту склонность: «Винго, ты трастишь время зря! Все они говорят одну и ту же чушь разными словами, причем все, чего они от тебя хотят – денег, больше денег и еще больше денег! Какой смысл разбираться в этой болтовне? Во всей Вселенной нет ничего глупее и постыднее религиозного юродства и ханжества».

«Ты во многом прав, – признавал Винго. – Тем не менее: разве не существует вероятность того, что одно из вероучений на самом деле определяет смысл и назначение космоса? Если мы пропустим такую возможность, мы так никогда и не узнаем, что есть истина».

«В теории все может быть, – ворчал Шватцендейл. – На практике у тебя нет никаких шансов».

Винго покачивал в воздухе розовым указательным пальцем: «Не скажи! Ни в чем нельзя быть уверенным на сто процентов. Откуда ты знаешь, что не просчитался? Тот, кто не играет, не выигрывает».

«Одними рассуждениями ничего не добьешься! – рычал Шватцендейл. – Сколько бы ты ни играл, тысячу раз или тысячу тысяч раз, ты останешься с носом, если у тебя нет никаких шансов!»

На это Винго только снисходительно качал головой.

В корабельной жизни паломников тоже установился своего рода привычный распорядок: они пили чай, критиковали блюда за обедом, отправляли какие-то обряды и обсуждали планету Кирил, где они намеревались совершить занимавшее примерно пять лет «кругохождение», тем самым заслужив почетное звание «круговертов».

После того, как Мирон привел в порядок учетные записи, у него иногда оставалось свободное время. В таких случаях он помогал Винго в камбузе или Шватцендейлу в двигательном отсеке. Шватцендейл служил для Мирона неистощимым предметом любопытнейших наблюдений. Механик прекрасно сознавал тот факт, что природа наделила его идеальным

телосложением и привлекательной внешностью, но полностью игнорировал это обстоятельство. В двигательном отсеке он работал быстро, с безукоризненной точностью, с абсолютной самоуверенностью и с характерным для него апломбом. Как правило, Шватцендейл выполнял любое поручение так, словно демонстрировал восхищенной публике, как это делается, после чего отходил на шаг, окинув отремонтированную деталь угрожающе-высокомерным взглядом – и тем самым предупреждая ее никогда больше не повторять допущенную ошибку. Мирон исподтишка следил за причудливыми повадками механика – ему еще никогда не приходилось видеть ничего подобного: за его неповторимыми привычками и причудами, язвительными шутками и неожиданными допущениями, за вопросительным наклоном его головы и приподнятыми, словно взлетающими локтями, за его манерой стремительно переходить с места на место размашистыми шагами. Иногда Мирону казалось, что все компоненты Шватцендейла были деформированы – но так, что подходили один к другому и слаженно функционировали именно по этой причине. В нем все было асимметрично, эксцентрично, наперекос. Шватцендейл напоминал шахматного коня, способного двигаться только прыжками, совершая непредсказуемый поворот в воздухе перед самым приземлением.

Однажды Мирон застал Шватцендейла за столом в салоне – механик раскладывал игральные карты. Ловкость почти незаметных для глаз движений его пальцев, заставлявших карты разлетаться и ложиться точно в предназначенных для них местах, заворожила Мирона. Шватцендейл неожиданно спросил Мирона: не известны ли тому какие-нибудь азартные игры, которые помогли бы им скоротать время и, может быть, поставить на кон монету-другую. Например, знакома ли Мирону игра под наименованием «швырломырло»?

Мирон признался в том, что никогда не слышал про «швырломырло» и никогда не практиковался в каких-либо иных азартных развлечениях: «От моего внимания не ускользнуло то обстоятельство, что в процессе азартной игры деньги переходят из одних рук в другие. Если я стану играть и выиграю, это не доставит мне особого удовольствия. Если я проиграю, меня станет преследовать сожаление о понесенной потере. Кроме того, я чувствовал бы себя последним дураком».

Шватцендейл криво усмехнулся: «Тебе чуждо первобытное возбуждение охоты. Игрок удовлетворяет кровожадные инстинкты, живущие в нас с незапамятных времен».

«Удачное сравнение! – заметил сидевший неподалеку Винго. – Загребаящий выигрыш шулер подобен каннибалу, поглощающему плоть и кровь своей жертвы».

«Таковы настоятельные требования наших инстинктов! – заявил Шватцендейл. – Именно их внутреннее противоречие вызывает восторг торжества – или трагическое отчаяние».

Винго покачал головой: «Когда Фэй увлечен игрой, он часто забывает о чувстве собственного достоинства». Обратившись к Мирону, стюард прибавил: «Рекомендую сторониться азартных игр – в особенности с участием Шватцендейла. Он обчистит тебя до нитки так быстро, что ты это заметишь только тогда, когда схватишься за карман и обнаружишь, что в нем не осталось даже засморканного носового платка».

«Винго совершенно прав! – с готовностью подтвердил Шватцендейл. – Только дай мне такую возможность, и я оставлю тебя без штанов – так что ты и схватиться за карман не сможешь!»

«Фэй не преувеличивает, – мрачно предупредил Винго. – У него выиграл однажды только знаменитый Проныра Монкриф – Фэй до сих пор морщится, когда об этом вспоминает».

Шватцендейл схватился за голову: «Зачем ты произносишь это имя? Я не успокоюсь, пока...»

«Пока не сыграешь с ним опять и не проиграешь еще больше. А после этого опять будешь сгорать со стыда».

«Нет, никогда, никогда!»

«Будем надеяться», – целомудренно заключил Винго.

3

Звезда Тактона разгоралась все ярче прямо по курсу, а затем, слегка отодвинувшись, пропустила «Гликку» к орбитальной плоскости своих планет. Четвертую орбиту занимал Скропус – мир чуть больше девяти с половиной тысяч километров в диаметре, с плотным ядром и стандартным притяжением.

Скропус превратился в сферу; горизонты разошлись, и стали заметны географические детали. Два больших континента почти спрятались под спиралями облачных вихрей, накрыв шапками южный и северный полюса, где преобладали нескончаемые снежные бури. Третий континент, Айра, очертаниями напоминавший саламандру, раскинулся по всему миру в тропической зоне к северу от экватора, где его не беспокоили штормовые ветры, громы и молнии, холодные ливни, пурга и метели, бушевавшие в полярных просторах. Мягкий солнечный свет, рассеянный дымчатой атмосферой, казалось, придавал цветам особую ясность и насыщенность. Синие, красные и зеленые тона будто светились изнутри, напоминая о восприятии мира, безвозвратно ушедшем в прошлое вместе с детством. Небо отличалось глубоким кобальтовым оттенком; по ночам единственная луна, Олантус, озаряла холмы зеленовато-серебряным сиянием. Ультрамариновые моря окаймляли берега слепящей радужными отблесками ярко-белой пеной прибоя.

«Гликка» приземлилась в центре тропического континента, на окраине хаотичного старого города Дюайля, неподалеку от Рефункционария.

Несколько тысяч лет тому назад Скропус скрывался далеко за невидимой пеленой Запределья, недостижимый для ойкуменических законов и надежно защищенный от МСБР. В те времена этот прекрасный мир был личной вотчиной Имбальда по прозвищу «Космический Султан»; репутация Имбальда во всей населенной людьми части Млечного Пути была такова, что при одном упоминании его имени разговор прерывался длительным молчанием. Имбальд был широк в плечах, очень высок – на добрый вершок выше двух метров – и весил полтора центнера. Размах воображения и амбиций Имбальда соответствовал его телосложению. Человек наблюдательный и проницательный, он подробно изучил историю и характер человечества, а его массовым жестокостям – хотя бы благодаря их не поддающимся представлению масштабам – было присуще особое абсурдное величие. В окрестностях города Дюайля он приказал возвести дворец, превосходивший во всех отношениях все произведения зодчих всех времен и народов. Дворец должен был отличаться невиданными архитектурной изысканностью и великолепием интерьеров, исключительными грацией и красотой прислуги и всепроникающей, бесподобной, поражающей глаз каждой мельчайшей деталью роскошью. Дворец был построен, и Космический Султан нарек его «Фанчен-Лалу». Для того, чтобы отпраздновать торжественное открытие дворца, Имбальд разослал тысячу небольших космических кораблей во все пределы Ойкумены. Корабли вернулись на Скропус и привезли самых выдающихся людей той эпохи – в том числе ученых, музыкантов, философов, государственных деятелей и прочих всевозможных знаменитостей. Иные прибыли добровольно и охотно; большинство, однако, похитили и доставили насильно, невзирая на протесты и жалобы. Так или иначе, все они собрались во дворце Фанчен-Лалу; им отвели роскошные апартаменты, их обслуживали свиты расторопной прислуги, в их распоряжении были гардеробы аристократических нарядов. По велению Имбальда, они участвовали в обрядах, подтверждавших существование и значение дворца Фанчен-Лалу – и, тем самым, величие самого Имбальда, Космического Султана.

Церемонии и торжества продолжались три дня, после чего Имбальд, казнив нескольких знатных сановников, вызвавших его раздражение, отпустил остальных гостей домой.

Через несколько месяцев МСБР снарядила линейный флот, уничтоживший пиратскую флотилию Имбальда. Имбальд не мог поверить в свое поражение и остался в Фанчен-Лалу, где

его осадили десантники МСБР. Космический Султан попал в западню: у него не было никакой возможности бежать, его неизбежно должны были найти и расстрелять на месте. Мысль об этом вызывала у него безудержную ярость – Имбальд еще не готов был умереть! Но у него не оставалось выбора. В безумии отчаяния он принялся разрушать Фанчен-Лалу, зал за драгоценным залом. Командир спецназа МСБР, сэр Ральф Вичинанца, человек образованный и восприимчивый, отказался допустить варварское уничтожение творения лучших архитекторов Ойкумены. Он вызвал Имбальда на переговоры и выдвинул разумное – даже щедрое, с его точки зрения, предложение. Имбальд должен был воздержаться от дальнейшего разрушения дворца и сдаться МСБР. После этого пирата-диктатора посадили бы в космический корабль, рубка управления которого была бы отделена от остальных помещений звездолета таким образом, чтобы Имбальд никогда не смог получить доступ к навигационной системе. Корабль должен был вылететь по предварительно заданному курсу за пределы Ойкумены и, в конечном счете, в межгалактическое пространство. Имбальд оставался бы на борту в полном одиночестве, но располагал бы запасом провизии, достаточным для пропитания на протяжении трех человеческих жизней. Ему предстояло улететь в неизведанные просторы и узреть перспективы, никогда еще не открывавшиеся взору человека. Но ему суждено было никогда не вернуться.

Имбальд размышлял не дольше пяти минут. Он поставил несколько условий, относившихся к качеству провизии и выбору вин, к интерьеру и удобствам салона и спальни, а также к содержанию библиотеки звездолета. Космический Султан признался сэру Ральфу, что давно уже хотел заняться сочинением своего жизнеописания, и что теперь, наконец, ему представилась такая возможность. Сэр Ральф пожелал ему многих лет безмятежного существования и отправил его в космос. Благодаря такому дипломатическому маневру большая часть дворца Фанчен-Лалу была спасена. Проходили века; владельцами знаменитого дворца становились, одна за другой, новые организации и корпорации. Несколько раз предпринимались попытки реставрации – с переменным успехом. Теперь во дворце Фанчен-Лалу расположилось пенитенциарное учреждение, так называемый «Рефункционарий», вместе с подведомственными ему Институтом передовой пенологии и лабораторией психопатологических исследований.

Нынешние обитатели Скропуса были, в большинстве своем, потомками палачей и подручных Космического Султана, которым позволили сохранить сельские поместья. В них не осталось ни следа необузданной жестокости предков – они сонливо прозябали в своих усадьбах, не одобряли Рефункционарий и время от времени посещали Дюайль, чтобы принять участие в очередном заседании Клуба садоводов или, если их окончательно одолевала скука, в каком-нибудь семинаре Общества межпланетного культурного обмена.

«Гликка» приземлилась у космического вокзала, рядом с вереницей высоких голубых и зеленовато-бирюзовых саговников, широко распустивших перистые ветви.

Мирон наблюдал за разгрузкой трюмов. Доставке в Рефункционарий подлежали три больших обрешеченных контейнера; перед тем, как их установили на передвижной платформе, однако, к Мирону подошел суперинтендант пенитенциарного комплекса – субъект благодушной наружности, средних лет, по имени Юэль Гартовер. На нем была аккуратная голубая униформа с белыми и черными лампасами; он обратился к суперкаргу с такой сдержанной любезностью, что Мирон тут же согласился рассмотреть возможность выполнения его запроса. Гартовер хотел, чтобы «Гликка» перелетела на территорию исправительного учреждения, где тяжелые ящики могли выгрузить работники Рефункционария – это позволило бы избежать дополнительных затрат на перевозку доставленных материалов из космопорта.

Мирон передал пожелания суперинтенданта капитану Малуфу; тот не возражал. После загрузки в другой трюм прессованной пыли, предназначенной для заказчика в Каксе на Бленкинсопе, «Гликка» переместилась на площадку перед дворцом Фанчен-Лалу – капитан согласился предоставить такую услугу бесплатно.

Выражая благодарность, Юэль Гартовер предложил команде «Глики» экскурсию по Рефункционарию. Вопреки влиянию времени и дюжины проектов «модернизации», Фанчен-Лалу во многом сохранил былое величие.

Не меньший интерес вызвали мужчины и женщины, занимавшиеся своими делами в залах древнего дворца. Они не походили друг на друга ни внешностью, ни одеждой; по словам Гартовера, среди них были надзиратели, стажеры из местного колледжа, исследователи из института и собственно преступники.

Винго удивился: «Все они бродят куда глаза глядят, никто и ничто их не удерживает! Мы окружены отчаянными головорезами! Как вы можете сохранять спокойствие?»

Гартовер усмехнулся: «Почему нет? Нашим заключенным есть чем заняться – им и в голову не приходит нарушать спокойствие».

«В высшей степени странно! – недоумевал Винго. – Надо полагать, самые буйные и кроважные из них заперты в каком-то особом отделении?»

Продолжая улыбаться, Гартовер отрицательно покачал головой: «Учитывайте, пожалуйста, что в каком-то смысле это экспериментальное учреждение. Мы не отказались от ортодоксальных методов целиком и полностью – им тоже находится полезное применение – но в целом мы функционируем в режиме, который я назвал бы „динамическим оптимизмом“. Термин „неудача“ не входит в наш лексикон, а произносить слово „преступление“ запрещено. Вместо этого мы говорим: „ошибка“ или „недопустимое поведение“. Это не значит, что мы – наивные идиоты-идеалисты, отрицающие существование жестокости и страданий. Мы – прагматичные психомеханики; наша цель состоит в том, чтобы сделать правонарушения и злоупотребления непривлекательными, чтобы соответствующие действия казались бессмысленными и неинтересными».

«Вы пытаетесь демонстрировать банальность зла, – пробормотал капитан Малуф. – Разве это заменяет нравственную систему ценностей?»

«И да, и нет, – ответил Гартовер. – В любом случае, если я спрошу, что такое нравственность, вы не сможете ответить».

Винго с сомнением покосился на Шватцендейла: «А что бы вы сказали о мерзавце, который подвесил чудовищное дохлое насекомое прямо над лицом спящего человека, осветил насекомое ярким фонарем, отошел в сторону и заорал: „Помогите! Помогите! Наступает конец света!“?»

Гартовер задумался, после чего вежливо сказал: «В отсутствие другой фактической информации я не могу обосновать диагноз. Тем не менее можно предположить, что „мерзавец“, как вы выразились – изобретательный плут, страдающий от отсутствия достаточных развлечений».

«Может быть».

Мирон спросил: «Преступники, которых содержат в Рефункционарии – ну хорошо, назовем их „людьми, которые вели себя недопустимо“ – понимают, какой ущерб они нанесли другим?»

Гартовер поджал губы и пожал плечами: «Возможно, но это не имеет значения, потому что ваш вопрос относится к прошлому, а мы сосредоточиваем внимание на будущем. Мы стремимся внушать гордость, а не стыд».

«То есть, вы занимаетесь тем, что называется „реабилитацией“», – заметил Винго.

«Именно так! Раз уж об этом зашла речь, могу привести любопытный пример. Недавно поступивший к нам пациент, убивший обеих своих бабушек, заявил, что он полностью реабилитирован, так как у него нет никакой возможности повторить свои недопустимые действия ввиду отсутствия каких-либо других его бабушек. Должен сказать, что его аргументация в какой-то мере убедительна – в настоящее время Наблюдательный совет рассматривает его ходатайство».

Малуф нахмурился: «А вы не думаете, что таким образом вы подчиняете действительность теории? Другими словами, насколько целесообразен такой подход в практическом отношении?»

«Не беспокойтесь! Мы не только практичны, мы проницательны и умеем приспособляться. В Рефункционарии научились избегать педантичного применения одних и тех же традиционных методов в изменчивых, мимолетных ситуациях, возникающих и исчезающих, как огоньки светлячков в ночи. Каждому нарушителю общественного спокойствия свойственны генетические закономерности поведения, в какой-то степени поддающиеся классификации. Мы никогда не подходим к реабилитации тех, кто мучает животных, так же, как мы корректируем поведение тех, кто обжужливает вдов и сирот. Каждый случай требует модифицированного, индивидуального подхода, соответствующего предрасположенностям пациента. Нам приходится проявлять такт; некоторые из наших убийц – исключительно гордые люди, и мы не хотим дополнительно травмировать их представление о себе. Мы рассматриваем даже самые отвратительные поступки именно таким образом – как психические травмы, ожидающие исцеления. Мы избегаем позорящих обвинительных определений – в них нет необходимости – и с этой целью изобрели забавную хитрость: я имею в виду расцветку головных уборов. Убийцы носят белые кардинальские шапочки, фальшивомонетчики, мошенники и прочие обманщики – черные, а воры и грабители – зеленые. Шантажисты щеголяют в оранжевых шапочках; им полагаются также остроконечные козлиные бородки. Не спрашивайте меня, почему – просто установилась такая мода. Поджигатели ходят в лиловых шапочках, садисты, наносившие увечья – в розовых, насильники и сексуальные извращенцы – в коричневых, и так далее. Наша система способствует здоровой конкуренции – каждая группа стремится отличиться хорошим поведением. Нередко такое безобидное соперничество позволяет пациентам от души повеселиться и вызывает у них энтузиазм. Каждый воодушевлен, никто не деморализован: такова наша цель. У нас человек может заявить, почти что с гордостью: «Да, я избивал свою жену! И теперь, отбросив всякие сожаления по этому поводу, я чувствую себя гораздо лучше!»

Впечатленный, Винго пробормотал: «Похоже на то, что вам удастся то, что не удавалось еще никому».

Гартовер с сожалением развел руками: «Не могу отрицать, что в некоторых случаях нас постигает разочарование. Попадаются пациенты с врожденными антисоциальными характеристиками. Мы стараемся избегать понятий „добра“ и „зла“, но в конечном счете игра словами не помогает: зло существует, как бы его ни называли».

«И что вы делаете с такими неисправимыми злодеями?»

«Пытаемся применять самые эффективные методы: дружелюбные консультации, драматические представления, демонстрирующие выгоды добропорядочности, медитацию, трудотерапию, гипноз». Заметив кривую усмешку Шватцендейла, Гартовер вздохнул: «Как только я упоминаю о гипнозе, все без исключения относятся к этому скептически».

«Я от рождения неспособен поддаваться иллюзиям», – заявил Шватцендейл.

Гартовер улыбнулся: «В некоторых случаях скептицизм – не более чем догматическое невежество».

Шватцендейл не уступал: «Мне приходилось иметь дело с несколькими злодеями. Эти люди насквозь проникнуты злом, зло им свойственно так же, как воде свойственно быть мокрой, а космосу – бесконечным. Каждое их слово, каждый их жест, каждый фибр их души источали зло и служили злу. Вы могли бы гипнотизировать их сколько угодно – без всякой надежды на их исправление».

Гартовер переводил взгляд с лица на лицо: «Вы все придерживаетесь такого мнения? Никто из вас не верит в гипноз?»

Винго серьезно ответил: «Я всегда считал гипноз чем-то вроде салонного фокуса. Мудрецы говорят об „универсальном принципе“, которому, по их словам, подчиняется всё. Когда

мы возвысимся до седьмого уровня, мы постигнем истинный смысл добра и зла. Ни о каком гипнозе при этом не упоминается».

«Глубокий взгляд на вещи, что и говорить», – Гартовер повернулся к Мирону: «А вы?»

Мирон на некоторое время задумался, после чего выпалил: «Подозреваю, что многие из ваших так называемых „пациентов“, после того, как их отсюда выпустят, выбросят гипноз из головы и вернутся к умерщвлению бабушек».

Гартовер вздохнул и взглянул на капитана: «Вы тоже так думаете?»

Малуф пожал плечами: «Так же, как любой другой, я сомневаюсь в эффективности гипноза, хотя у меня нет достаточного опыта, чтобы делать по этому поводу какие-либо окончательные выводы».

Гартовер рассмеялся: «Нам не удастся друг друга убедить – не сегодня, во всяком случае. А теперь позвольте предложить вам прохладительные напитки и закуски».

Суперинтендант Рефункционария провел гостей в свою частную трапезную и, попросив его извинить, удалился, чтобы сделать какие-то приготовления.

Четыре астронавта смотрели по сторонам с нескрываемым восхищением. В трапезной, по-видимому, сохранился старинный интерьер дворца Фанчен-Лалу. Стены были обшиты панелями из бледного дерева оттенка слоновой кости и украшены изящными изображениями корзин с букетами, выложенными из микроскопических цветных стеклянных трубочек, подсвеченных изнутри. Стол представлял собой цельную пластину полированного темно-коричневого дерева больше полутора метров в ширину и метра четыре в длину, покрытую сложной, нигде не повторяющейся резьбой. Под потолком висела люстра уникальной конструкции. Шесть горизонтальных стеклянных дисков, почти метрового диаметра каждый, были разделены вертикальными промежутками высотой примерно в ладонь. Диски медленно вращались с различной скоростью и в различных направлениях. По каждому диску пробегали волнообразные потоки света различных оттенков. Мирон пытался определить зависимость расцветки и последовательности потоков света от скорости и направления вращения дисков, но после того, как десятый раз убедился в ошибочности очередной гипотезы, решил, что цвета генерировались методом случайной выборки.

Гартовер вернулся с большим подносом – на подносе стояли несколько бутылей вина, окруженные маленькими пирожными: «Прошу прощения за задержку – наш кухонный персонал проходит обязательный курс ораторского красноречия. Да-да, смейтесь, если хотите! Но мы считаем, что способность к самовыражению – необходимый элемент гармонично сбалансированной личности».

«Не сомневаюсь, что вы правы, – вежливо согласился капитан Малуф. – Мы восхищались настенными панелями и резьбой на столе. Все это сделано из местных материалов?»

«Каждая деталь! Туземная флора на удивление разнообразна. Например, дерево, из которого изготовлен этот стол, произрастает в море. Его корни погружены в дно на глубине больше ста метров, а массивный ствол устремляется ввысь. Во всех направлениях, на расстояние до тридцати метров, от ствола расходятся нити, поглощающие подводный свет. Когда ствол достигает поверхности моря, он разрастается горизонтально, образуя круглую жесткую площадку, а из центра этой площадки поднимаются десятки гибких жгутов, поддерживающих плодоносные органы. Чудесное растение, каждая часть которого находит полезное применение! По сути дела...» Гартовер вскочил на ноги: «Кажется, я могу предложить вам подходящие случаю сувениры». Он подошел к стоявшему в углу серванту, порылся в ящиках, вернулся к столу с четырьмя пузатыми деревянными баночками и раздал их гостям.

Шватцендейл снял крышку с полученной баночки и рассмотрел ее содержимое: «Что это такое?»

«Пыльца ультрамаринового дерева, пропитанная смолой того же дерева. Эту пыльцу называют также „дикой синькой“ – иногда ее используют в церемониальных целях. Разумеется, она не токсична – совершенно безобидная мазь».

«Большое спасибо! – сказал капитан Малуф. – Эти красивые, тщательно изготовленные сосуды еще долго будут напоминать нам о вашем гостеприимстве. А ультрамариновая мазь всегда пригодится».

«В нашем инвентаре не значится ультрамариновая мазь, – задумчиво пробормотал Винго. – Необъяснимое упущение!»

Астронавты вернулись на борт своего звездолета, где паломники принялись упрекать их за то, что «Гликка» слишком долго торчит на Скропусе. «Возможно, вам некуда торопиться, но мы спешим! – страстно восклицал Детер Калаш. – Время течет, как песок сквозь пальцы! Мы обязаны доставить сакральные реквизиты в Бесовскую Высадку до того, как начнется Каскадное Соединение!»

Мирон успокоительно заметил: «Как вы видите, мы уже покидаем Скропус».

«И сразу направимся в Коро-Коро?»

«К сожалению, нет. По пути нам придется остановиться еще в нескольких местах».

Шватцендейл присоединился к Винго в камбузе и сидел со стаканом ромового пунша в руках, пока Винго готовил ужин. Ни один из них еще не составил окончательное мнение о том, что они видели и слышали в Рефункционарии. Выводы Винго носили, пожалуй, более умеренный характер: «Как минимум это благородное начинание, и преданность Юэля Гартовера своему делу похвальна. Может быть, не все его усилия пропадут даром».

«Надо надеяться, – проворчал Шватцендейл. – В противном случае он выпустит на волю толпу кровожадных психов».

Честное розовое лицо стюарда поморщилось – он сомневался: «Конечно, Гартовер выпустит их на волю! В этом и состоит его план. Он простит их ошибки, исцелит их от стыда – и, когда наступит время, они вернутся в лоно общества с высоко поднятой головой, чтобы приносить пользу!»

Шватцендейл высоко поднял одну бровь, его локти нервно подернулись: «Смотри в лицо действительности! Добрая половина его пациентов-правонарушителей не в своем уме! Разве ты не заметил, сколько там было субъектов в серых шапочках, непрерывно что-то напевающих себе под нос?»

«Неважно. Большинство преступников – преступники только потому, что часть их мозга атрофировалась в процессе развития».

«После чего Гартовер их гипнотизирует и превращает в кишмиш все, что осталось от их мозгов».

Винго поджал губы: «В том, что ты говоришь, есть определенный смысл. Но не забывай!» Стюард поднял пухлый указательный палец и повторил любимую поговорку: «Что вредно одному, то полезно другому!» Взглянув на часы, Винго спохватился: «Я опаздываю! Пора подавать ужин».

Шватцендейл вернулся к себе в каюту. Команда «Гликки» ужинала отдельно от пассажиров, потому что капитан Малуф любил, чтобы за едой соблюдались формальности.

Четыре астронавта заняли места за столом. Все они надлежащим образом переоделись к ужину; каждый выкрасил нос ультрамариновой мазью из пузатой деревянной баночки. Повернувшись к Винго, Шватцендейл нахмурился: «Ты пропустил место под самым кончиком носа».

«Прошу прощения», – Винго отвернулся, чтобы устранить эту оплошность.

«Так-то будет лучше», – одобрил Шватцендейл.

В капитанский салон заглянул Детер Калаш. Взглянув на команду, он удивился: «Что это вы все выкрасили носы в синий цвет?»

«Не приставайте с глупыми вопросами! Мы ужинаем!» – грубо отозвался Шватцендейл.

Мирон вежливо ответил: «Насколько я понимаю, это часть формального этикета. Никогда не придавал этому особого значения».

Винго предложил дополнительное разъяснение: «Капитан Малуф требует, чтобы судовые традиции соблюдались неукоснительно. Все должно быть именно так, и никак иначе».

«Понятно, – в замешательстве сказал Детер Калаш. – Говорят, сегодня вы посетили Рефункционарий. Как вам понравилось это заведение?»

«В общем и в целом там преобладает атмосфера терпимости, – решил поделиться впечатлениями Винго. – Заключенные носят шапочки разных цветов и, несмотря на то, что там придают абсурдно преувеличенное значение гипнотическому внушению, теоретические основы их исправительной методики представляются вполне разумными».

«Я тоже так думаю», – наклонил голову набок Шватцендейл. Ни Мирону, ни капитану не осталось ничего прибавить.

Калаш кивнул, показывая, что теперь все стало предельно ясно: «Всегда рад научиться чему-нибудь новому. Разноцветные шапочки на заключенных. Персонал проявляет терпимость. Теоретические основы разумны, за исключением абсурдной одержимости гипнотическим внушением. Я правильно понимаю?»

«Безошибочно! – заявил Винго. – Вы так быстро во всем разбираетесь, что разговаривать с вами – одно удовольствие».

4

Покинув Скропус, «Гликка» взяла новый курс, удаляясь по диагонали от центра Галактики к югу от плоскости ее вращения. Паломники не преминули заметить это обстоятельство и встревожились. Перрумπτтер напомнил капитану Малуфу о необходимости торопиться: «Десятки, сотни пилигримов ждут нашего прибытия!»

Малуф пытался его успокоить, ссылаясь на другие обязательства по перевозке грузов: «Мы движемся с практически оптимальной скоростью. Наше судно не просто мечется в пространстве туда-сюда – его курс соответствует аппроксимативному решению сложной математической задачи».

«Да-да – предположим, допустим! Несомненно, однако, что должны существовать другие, более целесообразные маршруты. Почему не направиться прямо в Коро-Коро? Или, что еще лучше, сразу повернуть к Бесовской Высадке, а потом уже, сделав изящный разворот, взять курс на Коро-Коро? На мой взгляд, это был бы самый оптимальный вариант! Ваши головокружительные расценки в любом случае оправдывают такую уступку».

«Если вы считаете, что мы не делаем того, о чем договорились, вы можете сойти с корабля и выгрузить свой багаж в следующем порту захода, – холодно ответил капитан. – В таком случае я верну вам деньги».

«Неужели? – Детер Калаш сразу насторожился. – И где находится этот следующий порт?»

«В Нежно-Ныряльске, на планете Терц».

«И оттуда можно долететь до Бесовской Высадки?»

«Насколько мне известно, вряд ли. Терц – во многих отношениях проблематичная планета, я не рекомендовал бы ожидать пересадки в Ныряльске».

Калаш яростно дернул себя за черную бороду: «Никто не посмеет утверждать, что я не держу свое слово! Придется соблюдать условия нашей первоначальной договоренности, какими бы сомнительными они ни были!»

Фэй Шватцендейл прислушивался к разговору. Теперь он вмешался, обращаясь к Калашу: «Вы слишком много беспокоитесь! Не напрягайтесь, наслаждайтесь путешествием! Вам нечего делать? Почему бы не сыграть во что-нибудь с вашими спутниками?»

«Мы – серьезные люди! – отрезал Детер Калаш. – Нам не подобает тратить время на пустячные забавы».

Паломник по имени Дьюри подошел и нежно положил руку на плечо Калаша: «Поразмысли, путеразведчик! Круговерть – символ нашей веры. Судьба кругообразна: каждый движущийся сегмент бытия рано или поздно возвращается туда, где ему было положено начало!»

«Естественно! – раздраженно откликнулся Калаш. – Таково вероучение. Какое отношение это имеет к безмозглым развлечениям?»

«Самое непосредственное! Все и всегда имеет отношение ко всему! Все сущее существует! То, что существует – правильно! То, что правильно – хорошо! Следовательно, все существующее хорошо, и все хорошее существует! Круговерть замыкается».

«Твои рассуждения самоочевидны. Научись избегать прописных истин: необходимо также решать насущные вопросы по мере их возникновения. Упрямство капитана Малуфа непреодолимо – мы вынуждены приспосабливаться к действительности».

Дьюри ударил кулаком по ладони: «То, что есть, должно быть – ничто не нарушает этот принцип! Мы покоряемся судьбе – и, пока судьба направляет нас по неизбежному пути, почему бы не последовать совету судового механика? Мне надоело провозглашать позиции вращения по молитвенному кругу».

«Как хочешь, – обронил Калаш. – Не вовлекай меня в круг своего легкомыслия – это все, о чем я прошу».

Паломники тут же вынули припасенные игральные карты и принялись резаться в «дубль-моко», делая небольшие ставки. Шватцендейл время от времени благодушно поглядывал на их игру. Мало-помалу он стал проявлять интерес к этому процессу, хлопая в ладоши, когда кто-нибудь неожиданно выкладывал козырь, утешая игрока, которому не повезло, и указывая на то, каким образом можно было избежать катастрофы. В конце концов Дьюри воскликнул: «Если вы такой энтузиаст, почему бы вам не рискнуть своими деньгами и не взять карты в руки? Тогда мы посмотрим, как вы справитесь с прожженными знатоками!»

Шватцендейл смущенно улыбнулся: «Я новичок – боюсь, у меня ничего не получится. Но почему не зайти по колено в воду, если все вокруг смело плещутся в волнах?»

Подтащив стул к столу, Шватцендейл присоединился к игрокам. Он взялся за дело неумело, и вскоре потерял свою последнюю ставку. «Так я и думал! – ворчал механик. – А теперь прошу меня извинить. Скоро ужин, мне пора выкрасить нос ультрамариновой мазью».

Шватцендейл играл с паломниками еще несколько раз и каждый раз расставался с деньгами – что, разумеется, побуждало паломников настойчиво приглашать его играть снова и снова. Тем временем ультрамариновая мазь в пузатых деревянных баночках кончилась, в связи с чем команде пришлось ужинать с неокрашенными носами. Сначала этот недостаток приводил их в замешательство. «Странно! – рассуждал Мирон. – Моя бабушка всегда придерживалась самых строгих правил, но у нее в доме мы никогда не красили носы».

«У нас в семье тоже никогда так не делали», – согласился Винго.

«Господа! – сказал капитан Малуф. – Так как обстановку на борту нашего судна трудно назвать официальной в полном смысле слова, предлагаю больше не беспокоиться по поводу синих носов».¹

«Да уж, – слегка подавленным тоном отозвался Шватцендейл. – Никак не могу понять, почему мы вообще стали красить носы».

---

¹ По-английски «синим носом» («blue nose») называют человека, упорно придерживающегося консервативных предубеждений. – *Прим. перев.*

«Что тут понимать? – пожал плечами капитан Малуф. – Хорошо еще, что Юэль Гартовер не приказал нам брить головы наголо или повязывать перед ужином кружевные воротнички на половые члены».

Глава 5

1

Далеко впереди становилась все ярче оранжевая искра, постепенно превратившаяся в гигантское солнце Бран. «Гликка» спустилась на поверхность третьей планеты, Терца – мира умеренных размеров с единственным континентом, почти кругосветным, но разделенным узким разрывом знаменитого бурями океана, создававшего бесчисленные глубокие заливы, бухты, извилистые фьорды, проливы и солоноватые внутренние моря.

Топография континента казалась преимущественно блеклой и пустынной – здесь было мало заметных рек, хотя о наличии пресной воды свидетельствовали несколько продолговатых лесных массивов и огромное болото, занимавшее практически все западное побережье. В других местах состав туземной фауны ограничивался несколькими видами птиц с жесткими кожистыми крыльями, ящерицами, рыбой и бронированными насекомыми. Немногочисленные человеческие популяции сосредоточились в шести изолированных районах, причем на протяжении восьми тысяч лет здесь образовались пять рас с практически несовместимыми характеристиками. Самым примитивным племенем были юче – кровожадные дикари-каннибалы с южных гор, обитавшие в пещерах и опустившиеся до культурного уровня каменного века. В центре континента, рядом с космопортом Шоло, в смежных районах жили шуйи и мелули: шуйи – на высоком плоскогорье, мелули – ниже, в степи. Шуйи и мелули охотились друг на друга как для развлечения, так и в коммерческих целях: они сдирали кожу с пленников, дубили ее и экспортировали на другие планеты. Острова в море у восточного побережья населяли тарки – исключительно худошавая и долговязая раса; они носили черные мантии и высокие клобуки, делавшие их похожими на жрецов какого-то таинственного культа, известного лишь посвященным. Тарки прибывали на длинных плоских морских баржах в портовый рыночный город Нежно-Ныряльск, где они торговали с береговыми цингалами; в ярмарочный сезон обе расы временно сдерживали взаимную ненависть.

МСБР рассматривала племена Терца как не поддающиеся влиянию цивилизации; их умиротворение считалось практически невозможным. Сотни раз здесь пытались организовать местные подразделения полиции, и каждый раз безуспешно. В настоящее время МСБР запрещала импортировать на Терц лучевое оружие и предупреждала туристов об опасностях этой планеты, во всех остальных отношениях предоставляя туземцам возможность жить и умирать по-своему.

Капитан Малуф уже несколько раз бывал на Терце. Еще перед тем, как «Гликка» начала тормозить в атмосфере, спускаясь по спирали, капитан проинформировал команду об условиях, которые следовало ожидать на поверхности: «Терц – не туристический заповедник, его дикие просторы не привлекают бродяг-романтиков. Этот мир одинаково опасен как для туземцев, так и для приезжих. Космопорт в Нежно-Ныряльске охраняется МСБР и поэтому относительно безопасен; рынок находится поблизости от космического вокзала – то есть, если вы зайдете на рынок, вас, скорее всего, не зарежут, не ошкурят и не съедят. Но если вы решите прогуляться вдоль причалов в поисках любовных утех, вас могут, конечно, обслужить местные проститутки, хотя с таким же успехом вас могут избить или ограбить».

Перрумптер Калаш объявил, что пилигримы останутся на борту: «Нас не интересуют распутные обычаи этих странных дикарей. Зачем рисковать головой? Только для того, чтобы взглянуть на экзотические наряды и обряды? Сомнительное удовольствие – предаваться ему сами, если вам так хочется».

Винго с улыбкой возразил на том основании, что любые новые познания могут только способствовать дальнейшему пониманию судьбы человека: «Всякий раз, когда группа людей заявляет, что руководствуется незнакомыми мне принципами, я знаю, что найду на их планете ценный материал для моей фотографической „подборки настроений“».

Калаш цинично усмехнулся: «Все мы сделаны из одного теста. Вы ничем не лучше других».

«Неправда! – заявил Винго. – Для меня это важно. Я считаю, что у меня есть особая, редкая способность запечатлевать сущность места и времени в одном мгновенном снимке».

«Так вам кажется. Но зачем стараться, в любом случае?»

«Я пополняю альбом замечательных фотографий, который издадут под названием „Карнавал Ойкумены“ – тружусь, не покладая рук!»

Калаш проникся пущим скептицизмом: «Все это не более, чем щекотание нервов и потворство нездоровому любопытству».

«Неправда, неправда! – возбужденно восклицал Винго. – Я руководствуюсь исключительно артистическими побуждениями! Чем еще я мог бы руководствоваться? Я решительно осуждаю жестокость и порок!»

Калаш потерял интерес к обсуждению: «Вполне может быть».

Винго, однако, продолжал разъяснять свои намерения: «Рождаются и умирают бесчисленные триллионы обитателей ойкуменических планет – но каждый раз, когда я запечатлеваю фотографическое „настроение“, я чувствую, что причащаюсь к опыту всей человеческой расы!»

«Делайте, что хотите, – пробормотал Детер Калаш. – Мне все равно».

«Надеюсь, мне удалось убедить вас в чистоте моих намерений, – вежливо сказал Винго. – Вопреки вашим подозрениям, я вовсе не стремлюсь раболепно привлечь внимание публики какими-то сенсациями! Поэтому будет очень жаль, если мне не удастся заснять представителей необычайных народностей Терца и включить их портреты в мой сборник».

Калаш нетерпеливо дернул себя за бороду: «Довольно! Достаточно! Вы меня убедили». Он поспешил присоединиться к компании паломников, чтобы беспрепятственно изложить им свое мнение о причудах и претензиях судового повара.

Повернувшись к Винго, капитан Малуф повторил свое предупреждение: «Не забывай, что местные жители – вовсе не ценители произведений искусства. Если им почему-либо покажется, что ты ведешь себя нахально, они тебе уши отрежут».

Винго трезво пообещал соблюдать осторожность.

«Гликка» приземлилась в космопорте Нежно-Ныряльска, откуда можно было видеть просторы Восточного океана. Мирон наблюдал за разгрузкой трюмов, а капитан Малуф отправился на космический вокзал, чтобы попытаться заключить новые контракты с экспедиторами. Ему удалось договориться о перевозке нескольких ящиков; кроме того, ему сообщили, что на следующее утро с островов должна была приплыть еженедельная баржа, в связи с чем могла возникнуть возможность отправки дополнительных экспортных товаров. Малуф согласился подождать с отлетом в Шоло до следующего дня.

После обеда Малуф, Винго, Шватцендейл и Мирон отважились выйти из вокзала. У выездных ворот им преградил путь молодой человек в униформе агента МСБР: «Господа, могу ли я поинтересоваться, куда вы направляетесь, и с какой целью?»

«Мы идем на рынок, – ответил капитан Малуф. – Никакой особенной цели у нас нет – мы просто любопытствуем, хотя Винго хотел бы сделать тайком несколько фотографий для своей „подборки настроений“».

Агент МСБР взглянул на Винго с некоторым любопытством. Так же, как и в других подобных случаях, стюард напялил просторный плащ табачного оттенка, широкополую корич-

невую шляпу и мягкие кожаные сапоги. Такой костюм, по мнению Винго, отражал романтический дух божественного образа жизни, присущего настоящим артистическим натурам.

Молодой агент вежливо заметил: «Моя бабушка тоже увлекалась фотографией – можно сказать, ни о чем больше не думала».

«Я предпочитаю рассматривать себя как свободного художника, – с некоторым напряжением сообщил Винго. – Мой сборник включает существенные характерные изображения, иллюстрирующие не поддающиеся словесному определению свойства ойкуменической души».

«Замечательная идея! Позвольте, однако, вас предупредить! Будьте очень осторожны на рынке. Если вы сфотографируете чью-нибудь душу, ее обладатель потребует с вас соответствующую плату – пять или десять сольдо – и сумеет причинять вам всевозможные неприятности и неудобства, пока вы не заплатите».

«Я не вчера родился, – с достоинством ответил Винго. – Я снимаю совершенно незаметно – ни у кого даже не возникнет никаких подозрений».

«Рад слышать! – отозвался агент. – Тем не менее сохраняйте бдительность, а то с вас совершенно незаметно снимут сапоги – так, что у вас даже не возникнет никаких подозрений».

Винго с отвращением покачал головой: «Похоже на то, что у местных жителей полностью отсутствует всякое понятие о чести».

«Вполне справедливая оценка ситуации. А теперь: пытается ли кто-нибудь из вас пронести лучевые пистолеты, лазерные огнеметы или молекулярные гранаты-распылители? Совершенно необходимо, чтобы такое оружие не попало в руки местных бандитов – то есть, по сути дела, большинства населения».

«У меня с собой бамбуковая трость, – сказал капитан Малуф, демонстрируя этот предмет. – Ее единственным энергетическим приводом служит мышечное усилие моей руки».

Другие заявили об отсутствии у них какой-либо контрабанды, и агент МСБР пропустил их через ворота: «Последний совет: не выходите с территории рынка! Если вы зайдете выпить под какой-нибудь из рюмочных навесов на набережной, вас могут одурманить и ограбить – если не хуже. Даже на рынке не расслабляйтесь. К вам может подойти музыкант, играющий на баяне, с парой хорошеньких танцующих и кувыркающихся детишек. „Какие очаровательные малыши!“ – подумаете вы. И в тот же момент мальчишка, делая сальто-мортале, пнет вас в пах туфлей с окованным железом носком. Как только вы упадете на землю, он усядется вам на шею и станет сворачивать вам нос на сторону, пока девчонка вытаскивает кошелек у вас из-за пазухи, после чего они прыснут в разные стороны и растворятся в толпе. Тем временем музыкант заиграет другую мелодию и потребует с вас чаевых».

«Мы будем внимательно следить за приближением баянистов и прочих негодяев, – пообещал капитан Малуф. – Сомневаюсь, что нас застанут врасплох».

«Удачи!» – напутствовал их молодой агент межпланетной службы безопасности.

Четыре астронавта вышли из ворот на рынок и остановились, чтобы осмотреться. Лавина впечатлений, заполонившая органы чувств, не позволяла сразу разобраться в происходящем: цвета, шум и суматоха ошеломляли, как сочетание оглушительных диссонансов; вонь перезрелых фруктов, подгнившей рыбы и кипящих горшков с требухой, казалось, вздымалась и колыхалась, как ожившая субстанция. За вереницей ятаганных деревьев вздымался пронзенный резко контрастирующими темными силуэтами их стволов громадный бледно-оранжевый шар солнца. Рынок заполняла чересполосица пересекающихся проходов между прилавками, тачками и ларьками. Торговцами здесь были представители расы цингалов: жилистые, находившиеся в постоянном движении люди с кожей оливково-загорелого оттенка, черными волосами, сверкающими карими глазами и впалыми щеками. Они носили белые юбки до колен и короткие белые блузки; голову они повязывали цветными шарфами, надвинутыми на лоб. Цингалы предлагали товары со страстной настойчивостью, расхаживая взад и вперед, жестикулируя, выбегая в проход, чтобы схватить за локоть прохожего, и странно пританцовывая за прилав-

ками, словно они никак не могли устоять на месте – все это время они расхваливали свое добро мелодичными причитаниями и возгласами притворного восхищения, стараясь перекрыть соседей-конкурентов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.